

УДАРНЫЙ
ТРУД—
ТЕБЕ,
ПАРТИЯ,
ТЕБЕ,
РОДИНА!

РАБОТНИЦА

№ 2 1976 Издательство «ПРАВДА»

РЕГ. N 55447
Q = 250/32 Т.С.

Л. ШАТАЛОВА.
ПЕРЕД
ПРАЗДНИКОМ.

24 февраля
1976 года
в Московском
Кремле
начнет
работу
XXV съезд
Коммунисти-
ческой
партии
Советского
Союза.

36/052 = C

ПЛОДОРОДИЯ

З. С. Соколова

Они вам покажутся умиротворенно-прекрасными — застывшие в снежном величии суровые плато Хибин. Ни ветра, ни звука, ни шороха... Но вдруг все меняется. В Заполярье не только синоптики знают, какое коварство и злобную силу таит этот белый хибинский покой.

Мое знакомство с заполярным городом Апатиты состоялось тихим, безветренным утром, когда газета «Кировский рабочий» под рубрикой «Мужество» сообщала:

«Время от времени Хибин, казалось бы, уже покоренные, «прирученные», устраивают человеку экзамен. очередное такое испытание устроил нам Север три дня назад, 15 декабря.

Скорость ветра в районе Кировска превышала 40 метров в секунду.

Выпало много снега. Белая пелена закрывала дороги, слепила глаза, наглухо занавешивала ветровые стекла автомобилей. На несколько часов прекратилось движение между Кировском и поселком Кукисвумчорр, нарушился график автобусного сообщения между Кировском и Апатитами... Под угрозой лавинной опасности были закрыты карьеры Кировского, Юкспорского и Расвумчоррского рудников».

Ураган налетел внезапно. Машины и автобусы замерли на дорогах, уткнувшись светящимися фарами в мутную снежную пелену. Было немедленно организовано круглосуточное дежурство работников дорожно-транспортных служб. Большегрузная мощная техника срочно двинулась от рудников на расчистку дорог. Десятки тракторов отыскивали тех, кто в этот час оказался в пути, и увозили их в спасительное тепло. Но многие, пристраиваясь в «хвост» к тракторам, «прощупывая» под сугробами еще недавно укатанную дорожную твердь, шаг за шагом, метр за метром преодолевали по два, а то и по три километра пути. В цехах Апатито-нефелиновой обогатительной фабрики № 2, как и всегда, не прекращалась переработка и обогащение драгоценной руды, названной «камнем плодородия». И как всегда без опоздания поднялась в тот день под крышу фильтровально-сушильного цеха, в кабину своего мостового электрокрана, Зинаида Сергеевна Соколова.

...За стенами цеха — круговерть. Ни грохот мощных вакуум-фильтров, ни шумное дыхание гигантских сушильных барабанов не могут заглушить яростный рев урагана.

«Вот уж бездельник: такую энергию попусту тратит», — думает Соколова об урагане, словно о живом существе. И, свесившись вниз, кричит слесарям: «Вот кому надо поручить капитальный ремонт!»

«А?! Кому?! Чего?!» — откликаются снизу.

«Да так... Ничего!» — смеется Зинаида Сергеевна, сосредоточенно глядя на бригадира: «Пора?» Тот кивает: «Давай!» «Рука» электрокрана зависает так, чтобы тем, кто внизу, было удобно подцепить и снять с остановленного на ремонт агрегата неподъемную даже для сотен человеческих сил деталь.

Миллионы тонн апатитового концентрата на стадии последней обработки проходят сквозь фильтры и сушильные барабаны в том цехе, где трудится Зинаида Сергеевна Соколова. Здесь все автоматизировано. Но для того, чтобы высоким было качество концентрата, оборудование фильтровально-сушильного цеха всегда должно быть в образцовом порядке. А, как и всякие механизмы, оно изнашивается, ломается, устаревает. И, значит, требует текущего, среднего, капитального ремонта. Сроки же и качество этой работы — в прямой зависимости от профессионального опыта не только слесарей-ремонтников, но и крановщиков.

Идет час за часом, скоро уж и смена к концу, и, хотя чувствуется усталость, движения владычицы электрокрана несуетливы, строго рассчитаны, точны. Взгляд туда, где уже готова к установке отремонтированная деталь... Как при подаче мяча в напряженной и слаженной игре — ответный взгляд бригадира слесарей... Плавно движется гак. И вот он уже завис над деталью — не выше, не ниже, чем нужно слесарям. «Стопроцентное зрение — основа всего», — нередко говорят о работе крановщиков. «Стопроцентная точность», — сказала бы Соколова. — Ведь краном правит не только меткий глаз, не только движение рук, очень часто — чутье». Впрочем, у каждого, кто понимает в этом толк, свое собственное

мнение. К примеру, инженер по подготовке кадров Н. В. Соловьева (в свое время — член квалификационной комиссии, определившей профессиональные знания Соколовой по высшему разряду) считает, что в основе — любовь к своему делу. «А уж это чувство, как известно, невозможно скрыть, — улыбается она. — Стоит посмотреть на нашу Зину во время работы — влюбленность так и светится у нее на лице».

Партия поставила задачу: «Довести в 1980 году производство фосфорных удобрений до 143 миллионов тонн... Ускорить наращивание мощностей по производству фосфатных удобрений». Так предопределено в проекте ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Производственное объединение «Апатит» — основная поставщик фосфорного сырья в нашей стране. А его составная часть — АНОФ-2 — одна из крупнейших обогатительных фабрик не только в масштабе страны, но и всего мира. И фабрика продолжает расти.

В десятой пятилетке в фильтровально-сушильном цехе будут установлены новые сушильные барабаны, новые секции фильтрации, значительно расширятся производственные площади. Во всей этой сложной работе без мостовых электрокранов, конечно же, не обойтись.

Закончив смену, Зинаида Сергеевна делает привычную запись в вахтенном журнале. Отметив про себя, что ветер заметно приутих, она думает о том, как снова подойдет один за другим железнодорожные составы, заберут апатитовый концентрат и повезут на другие фабрики, где из него сделают удобрения. А потом, по весне, люди досыта «накормят» ими поля и по осени соберут урожай, много-много хлеба... Эти мысли о хлебе неожиданно уведят ее в давние времена. Она вспоминает себя маленькой девочкой в ту первую послевоенную зиму, когда мать привезла их, пятерых, сюда, в Заполярье. Из далекой вологодской деревни сманило ее тогда письмо от знакомых: мол, в промышленном городе Кировске поставить тебе, вдове, ребятишек на ноги будет полегче.

Сразу и поехали... Выделили им две комнатенки, помогли, чем могли, в то трудное время и определили мать (безграмотную, даже подписываться тогда не умела) на завидную должность сторожики. «Чем не должность? — говорила она бывало. — Днем-то за вами, пятерыми, нужен глаз да глаз...»

Зине, третьей по счету, не было в ту пору еще и семи, а потому помощи от нее в хозяйстве никакой, разве что сидеть подле печки да поглядывать, чтобы младшие не приближались к огню. Так и сидела она целую зиму, гулять было просто-напросто не в чем: единственные валенки поочередно носили старшие сестры (одна из них ходила в школу в первую смену, другая — во вторую). Зина путала, когда кто из них уходит, потому что за окном по утрам не наступало рассвета...

Сколько раз той первой в ее жизни полярной ночью преодолевала она в своих детских мыслишках обратную дорогу домой, в родную деревеньку, к солнышку и к зеленому лесу! Только мать говорила: «Не выдюжим там. Очень уж земля оскудела за войну-то. Плохо хлебушек родит земля...»

Пройдут годы, и однажды Зинаида Сергеевна будет потрясена: до чего же схожи эти воспоминания с тем, как помянула свое детство ее землячка и ровесница, вологодская поэтесса Ольга Фокина:

Все, что рожали полосы,
Шло на прокорм войне.
Жизнь начиналась с колоса
В мерзлой еще стерне,
С мягкой большой горошины,
Высунувшей росток.
С мерзлой сырой картошины,
Вытертой о листок.

...После полярной ночи наступила весна. Солнышко грело слабо, но уж зато как светило! И обувка у Зины появилась, и подружки обнаружались, от которых она узнала, что вокруг — это вовсе не

обыкновенные горы, а из такого удивительного камня, которым удобряют землю, чтобы хорошо выросал хлеб. «Вот это да!» — думала девочка и с недетским упорством день за днем разгребала в облюбованном местечке заледеленую землю. Вот бы отковырнуть хоть маленький камушек от этой большущей горы, привезти его в деревню, положить на поле...

«Ох, непросто из «камушка» этого выжимать животворные соки!» — обрвав воспоминания, думает Зинаида Сергеевна и видит огромные завалочные бункера, куда из стотонных саморазгружающихся вагонов-дмпкаров с бешеным грохотом сыплется руда. Видит, как проходит руда через колосниковые грохота, как трехкратно дробится ее монолит. Видит мельнично-флотационное отделение почти километровой длины... Видит гидроциклоны и радиальные сгустители диаметром 30 метров, где сгущается после флотации апатитовый концентрат... Сколько напряженной научной, технической мысли вложено в создание всех этих машин! Сколько труда! И добыть этот «камушек» тоже, ох, нелегко! Кто не слышал, к примеру, о Хибинской Антарктиде — плато Расвумчорр, где свыше 260 дней в году среднесуточная температура ниже 0°? Разработка месторождения ведется открытым способом, и тех, кто работал там, неспроста называют покорителями трудных широт.

В 1929 году первопроходцы мечтали довести добычу апатито-нефелиновой руды в первой пятилетке до миллиона тонн в год.

Сейчас за два-три дня на рудниках ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции производственного объединения «Апатит» имени С. М. Кирова добывается столько руды, сколько добывалось в Хибингорске (ныне Кировске) в течение всего 1930 года. В завершающем году девятой пятилетки объединение выработало 15,3 миллиона тонн концентрата!

Сегодня город Апатиты — это научно-промышленный центр, здесь размещен ордена Ленина Кольский филиал Академии наук СССР. Сотнями ярких огней светятся в полярной ночи окна научных учреждений, учебных заведений, жилых домов, высоких фабричных корпусов.

...Ей было шестнадцать, когда она пришла в прославленный трудовой коллектив Апатито-нефелиновой обогатительной фабрики № 1. Здесь она стала комсомодкой, одной из тех, на кого равнялась молодежь.

В двадцать четыре коммунисты АНОФ-2 приняли ее в свои ряды.

Сегодня ей тридцать шесть. Сыну — шестнадцатый, дочери — десять, и сама — в расцвете сил. Не уступит на лыжне. Не отступится в споре. Всегда готова улыбочкой ответить на шутку, спеть вместе со всеми душевную песню... А уж тому, в ком ошиблись товарищи, выскажет всю правду в глаза.

Не случайно четыре года возглавляла Зинаида Сергеевна в цехе пылеулавливания, где она работала электромонтером, товарищеский суд. И не случайно именно ей поручает партком объединения разбираться в довольно-таки «деликатных» делах.

Не так давно, к примеру, пожаловались рабочие на грубость одного из мастеров: у начальства-то он, мол, в большом почете, а вот с подчиненными заносчив. Прежде чем докладывать на партбюро о том, как в действительности обстоят дела, Соколова не раз и не два, закончив смену, ходила в другой цех, переговорила там со многими людьми. А вдруг напраслину возвели на хорошего человека? Бывает ведь и так: отчитал нерадивого, и вот уже жалоба: «Заносится, груб...» А ведь специалист он хороший, дело знает как никто другой. Словом, разобралась она во всем. Так разобралась, что на парткомое тому мастеру жарко было. Только и сказал: «Большой урок мне дан. Впервые в жизни услышал о себе такое — прямо в лицо...»

Как члену Мурманского обкома КПСС, Зинаиде Сергеевне Соколовой нередко доводится выступать перед коммунистами других предприятий. Готовясь к выступлениям, она как можно подробнее анализирует трудовые показатели этих коллективов, чтобы говорить конкретно, связывая их дела и планы с общими задачами. А уж за работу своей родной фабрики она, что называется, болеет душой. И если берет слово на пленуме обкома, то обязательно говорит и о самом наболевшем, о том, что мешает. «Таким вот тормозом (несмотря на то, что наше объединение и выполнило досрочно пятилетку) была неритмичная поставка порожняка под отгрузку готовой продукции, — говорила она на последнем пленуме. — И потому мы просим областной комитет партии держать эти вопросы под контролем, учитывая, что производство апатитового концентрата резко растет!»

За двадцать лет работы на «Апатите» Зинаида Сергеевна Соколова заслужила такое доверие и уважение многотысячного коллектива, что коммунисты на Мурманской областной партийной конференции избрали ее делегатом XXV съезда КПСС.

...Гудят огромные вакуум-фильтры, жарко дышат гигантские сушильные барабаны. Машинист мостового электрокрана Соколова заступает в очередную рабочую смену. Сегодня в полярной ночи ей снова видится вспаханная по весне земля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ФЕВРАЛЬ 1976 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Л. КУЛИКОВА

ГРАНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Когда в Георгиевском зале Кремля проходила регистрация делегатов XXIV съезда партии, меня несколько раз переспрашивали, откуда я приехала: Куса — название малоизвестное. А на другой день наш город снова вспомнили во Дворце съездов: пришла телеграмма с сообщением, что новый цех Кусинского завода точных технических камней к открытию партийного съезда выпустил первую продукцию.

Каким счастливым был тот день! И все же признаюсь сейчас откровенно, когда я слушала доклад Генерального секретаря ЦК партии Леонида Ильича Брежнева, когда обсуждались директивы съезда, к сердцу подступало волнение, хватит ли у нас сил и средств выполнить такие большие планы.

Прошло немного времени. В стране одна за другой поднимались стройки: КамАЗ, Билибино, Саяно-Шушенская ГЭС, Чебоксарский тракторный... У нас на заводе появился новый цех. Построили столовую на три зала. Мой отец, инвалид войны, стал получать большую пенсию. Увеличилась заработная плата у моей сестры-учительницы... Я так ревниво следила за событиями в стране, словно несла ответственность за все, что строилось, за все, что делалось. Ведь и мой голос на съезде партии, мое согласие с его решениями какими-то незримыми кирпичиками лежали в фундаменте всех строек и всех социальных мероприятий, утвержденных съездом. Я ощущала себя непосредственным участником всех дел пятилетки, хотя моя роль в ней была скромна и обычна.

Городок, где я живу, возник два столетия назад. Колония уральских ссыльных арестантов — так объясняют в народе происхождение его имени — Куса. На «чугунолитейном и железоделательном заводе» работали ссыльные бунтовщики и нищие рудокопы.

В феврале 1920 года рабочие Кусинского машиностроительного завода отлили в подарок Владимиру Ильичу Ленину чугунную фигуру рабочего, перековывающего меч на плуг. Знаменитый «Коваль мира» стоит с тех пор на ленинском письменном столе. Знал бы Ильич, что этот завод поставляет сегодня в полсотни стран уникальное энергетическое оборудование, в том числе для атомных электростанций!

Есть чем гордиться и нашему заводу. Он менялся и рос на моих глазах: я работаю здесь с 1948 года, с шестнадцати лет, давно освоила почти все операции. Но многие из них сегодня изменились, требуют иной квалификации. Беспредельно внедрялось на заводе новое оборудование. Из сверловочного цеха вынесли 700 станков-полуавтоматов и вместо них смонтировали 53 светолоучевые лазерные установки. Неизмеримо легче стал труд: вместо пятистоп человек с делом справляются восемьдесят.

Новая техника заставила нас, практиков, учиться. В своей анкете делегата XXIV съезда

Валентина БАРУХА,
техник-технолог Кусинского завода
точных технических камней,
делегат XXIV съезда КПСС

в графе «образование» я писала: «Студентка первого курса вечернего машиностроительного техникума». А в графе «семейное положение»: «Замужем, детей — трое»... Как трудно было учиться, объяснять не надо. Младшему сыну Андрею шел 4-й год, Татьяне было 9 лет, Петру — 10. Однажды даже муж не выдержал. Я в техникум — он сумку прячет. Я мимо него — и на урок. Как же, думаю, других уговариваю учиться, а сама на попятный? Но как-то и я сдалась. Казалось, нет сил, не могу, не пойду. И тут муж стал меня подбадривать да уговаривать: «Что ты, держись!»

Нам с мужем «перегрузки» были не внове. Украинский парень, он с пятьдесят четвертого года, с первой борозды, поднимал новые земли в Казахстане. Меня мой завод проводил из Кусы на целину в пятьдесят девятом. Кстати, с этого времени исчисляется и мой партийный стаж. Работала там, где было необходимо: учетчицей и дояркой, свиначкой и саманщицей. Ну и дети хорошо понимают смысл короткого, но властного слова «надо». Без капризов выполняют любую работу, дежурят у постели больного деда, сажают огород, варят, убирают в доме. «Как дела?» — спрашивала я у детей, когда они приходили из школы. Они отвечали бодро: «Пять, четыре, пять». «Как дела?» — спрашивали они, когда я возвращалась из техникума. Пришлось изо всех сил тянуться за их отметками. Недавно получила диплом.

Вот и такой была моя пятилетка...

Ну, а если говорить о пятилетке всего завода, то надо сказать, что мы с ней справились неплохо — к 9 апреля 1975 года. В несколько миллионов рублей оценивается наша сверхплановая продукция. В соревновании с

другими предприятиями страны вот уже 17 кварталов подряд мы держим классные места. Многие наши работницы (а наш завод на 70 процентов женский) трудятся в счет 77-го года.

Я где-то читала, что успех предприятия прямо пропорционален душевному потенциалу его коллектива. Я тоже убеждена, что дурной человек, эгоист, хапуга не может быть хорошим работником. Только тот будет бороться за успех дела, кого волнуют заботы завода, государственные интересы, не один заработок. Таких у нас большинство. Я даже теряюсь, кого назвать в первую очередь. Работницу Зою Михайловну Ковригину, которая поддерживает смелое начинание, первой возьмется за новое задание? Или Антонину Ивановну Иванову, бывшую почти десять лет бессменным секретарем нашего заводского парткома? А как не сказать о Елене Константиновне Ваниной? Ей первой на заводе было вручен орден Ленина.

Елене Константиновне было восемнадцать лет, когда она эвакуировалась из Ленинграда к нам на Урал. Она, конечно, давно могла бы вернуться в Ленинград, где живут ее родные и учится сын. Но она сама говорит, что не может оставить нас, кусинцев, которые в тяжелые дни войны приютили рабочих блокадного города, делились с ними своим скудным пайком. Не может оставить завод, которому столько сил отдала.

Ванина работает в цехе балансовых камней. Ее профессия называется выборщица. В рубиновых камнях величиной с крупинку пшена, а то и меньше на станках она «выбирает», делает два маленьких углубления — для масла, чтобы рубин-подшипник работал безотказно. Десятки и даже, наверное, сотни наших заводчан начинали свои рабочие биографии учениками Елены Константиновны, мастера высокого класса, человека большой души.

Удивительный человек и Мария Петровна Крылосова, бригадир шлифовщиц цеха ангренажных камней. У нее четверо детей-школьников, дома хлопот — выше головы, а она — и в родительском комитете и в партбюро цеха. Она никогда не свернет за угол, видя чужую беду.

«Мы твоих детей в обиду не дадим! Они государственные!» — услышала я однажды, как она успокаивала Валентину Киселеву, свою подругу по цеху. Не случайно вырвалась эта фраза у Марии Петровны. Дело в том, что сейчас где-то в Красноярском крае ищет себе теплое место под солнцем Юрий Киселев, сбежавший от жены, сына-десятиклассника и двух недавно удочеренных девочек, осиротевших детей его двоюродной сестры. Каждый в цехе морально поддерживал Валентину. Ведь по-всякому может поступить человек, оказавшись в таком положении. Мы знали Валентину хорошей производственницей и передовым бригадиром, а тут нам довелось узнать, что она

НАЧИНАЕМ ПЯТИЛЕТКУ

Заводской коллектив обсуждает проект ЦК КПСС к XXV съезду

В подмосковном поселке Запрудня не надо спрашивать, как пройти к заводу электровакуумных приборов. Ранним утром влейся каплей в неторопливый, спокойный поток людей, и он сам вынесет тебя на просторную площадь перед заводом, где звучит негромкая, приятная музыка, где предлагает свежие газеты киоск «Союзпечати», где на мозаичном панно встала в рост фигура стеклодува.

Я побывала на заводе в те дни, когда в его цехах, участках, бригадах проходили рабочие собрания—обсуждался проект ЦК КПСС к XXV съезду «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Та строка партийного документа, где говорилось о расширении предприятий, подлежащих реконструкции, имела самое непосредственное отношение к каждому из жителей рабочего поселка—в Госплане Союза только что положительно решился вопрос о реконструкции завода. Реконструкция завода означает строительство новых цехов, техническое перевооружение производства. Реконструкция завода влечет за собой и строительство нового жилья, детских учреждений, спортивного комплекса, рост благосостояния каждого члена рабочего коллектива, накопление им духовных богатств.

И каждый выступающий на собраниях ставил знак равенства между планами партии и планами народа, каждый определял свое место в общей борьбе за реализацию этих планов.

Бригада монтажниц Клавдии Ксенофонтовой решила ко дню открытия съезда собрать сверх плана восемь тысяч электронно-оптических систем. На 200 процентов выполняют сменные задания токари Клавдия Кулеева, Валентина Седея, Людмила Смоленская. Намного обогнали время стеклодувы Валентина Грошева, Надежда Иванова, Тамара Церковникова, Нина Луневская. В день открытия съезда работать на экономичных материалах решил коллектив четвертого цеха.

В эти дни я беседовала с разными людьми, слушала их выступления на собраниях, побывала на рабочих местах.

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ОСТАПЮК,
директор завода:

— Больше ста лет назад на месте нынешнего нашего предприятия стоял маленький стекольный заводик. Выпускал аптекарские склянки и лабораторную посуду, поставлял фигурные флаконы для французских духов. Потом долгое время нашей основной продукцией были мощные лампы накаливания про-

мышленного назначения. Лампы такие и сейчас в большом спросе: освещают стройки, улицы, горят по ночам на палубах океанских и морских судов. Для рыболовецких траулеров делаем лампы синие и красные: на их свет косяками идет рыба.

В пятидесятые годы основной продукцией завода стали ЭЛТ—электронно-лучевые трубки. Нет, пожалуй, ни одной современной отрасли, где бы они не применялись, не помогали решать сложные задачи: в металлургии и авиации, в биологии и медицине, в атомной энергетике и АСУ. С их помощью можно вести репортаж с морского дна и обеспечивать связь с космосом. Голубым огоньком горят они в школьных классах, клубах, квартирах. Однако мало общего между сегодняшним кинескопом и тем, что стоял в наших первых КВН и «Рекордах».

Скорости технического прогресса настолько велики, что за девятую пятилетку наш завод полностью сменил номенклатуру изделий. И при этом валовая продукция выросла в 2,4 раза, более чем вдвое повысилась производительность труда, в 5,4 раза увеличилась прибыль, а заработная плата выросла в среднем на 27 процентов. Еще в октябре прошлого года, рапортовав о выполнении пятилетнего задания, наш коллектив уверенным шагом вошел в десятую пятилетку. Теперь наша главная задача—освоить выпуск цветных кинескопов.

Однако жизнь идет, и потребности растут. И к недостаткам, которые еще есть, мы сейчас относимся нетерпимее, чем когда-либо. Чего же нам не хватает? Большой, хорошей, современной оборудованной больницы и поликлиники. Хорошо, что райисполком запланировал ее строительство в наступающей пятилетке. А нашему заводу необходимо училище, которое готовило бы молодую смену. Это может быть ПТУ, но если смотреть шире, то еще целесообразней наш Кусинский заочный машиностроительный техникум преобразовать в дневной, создать новые факультеты с учетом потребностей завода. Это сократит текучесть кадров, удержит в городе молодежь. И, наконец, хорошая подготовка рабочего сразу же скажется на его труде. Правда, к нашей продукции пока претензий нет. Восемь типов камней мы выпускаем со Знаком качества,

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА ШАТНОВА,
начальник ОТК, заместитель секретаря парткома:

— Кинескопы, уходящие из цеха сборки нашего завода, отмечены государственным Знаком качества. В этом и рабочая наша гордость и высокая ответственность. Контроль за качеством, надежностью, долговечностью следует по всей цепи—от первого чертежа до массового производства. Почти триста бригад и участков соревнуются за звание «Лучший по качеству». Решение проблемы качества неразрывно связано с автоматизацией производства, с повседневной заботой об улучшении условий труда. На заводе действуют 49 комплексно-механизированных линий, 7 автоматических и полуавтоматических, 31 транспортный конвейер связывает цеха и участки. В восьми цехах на вспомогательных операциях исключен ручной труд.

В начавшейся пятилетке войдут в строй новые поточные линии и автоматизированные участки; снизятся запыленность, загазованность, шум; улучшится световой и температурный режим на рабочих местах. Будет введен график с сокращением ночных смен для женщин, откроются новые санитарно-бытовые помещения. На совершенствование условий труда планируется затратить полтора миллиона рублей.

остальные идут по первой категории. Кстати, это тоже достижение последнего пятилетия.

Уже не месяцами, как раньше, а днями отмечаем мы время, оставшееся до открытия XXV съезда. За пять лет между двумя съездами—XXIV, делегатом которого мне довелось быть, и XXV, которого мы все с радостью ждем, наша парторганизация выросла числом, окрепла и помолодела. За эти годы и я рекомендовала в ряды партии хороших молодых работников.

Когда был опубликован проект ЦК КПСС к XXV съезду, утром в цехе мы горячо обсуждали, как будет развиваться народное хозяйство нашей страны в десятой пятилетке. Снова и снова перечитывали строки, где говорилось о нашем Урале, и горячо одобряли планы нашей партии.

г. Куса, Челябинской обл.

настоящая мать и настоящий человек.

И теперь, если идет речь о билетах на детский праздник или о подарках детям, первая забота о дочерях Валентины.

Вообще у нас на заводе умеют заботиться о детях. Недавно мы сдали детский сад, открыли спортплощадки. И четыре многоэтажных дома, построенных заводом за пятилетие,—тоже для нормальной жизни семей.

За минувшую пятилетку в 1,4 раза увеличилась заработная плата каждого работника завода. На практике в нашем всем понятном обиходе это выглядит так. Средняя заработная плата по всему Кусинскому району составляет 170 рублей. Если семья из 3—4 человек в 1970 году покупала промышленных товаров на 603 рубля, то сейчас—на 816. Из девятнадцати тысяч трудящихся района 17 800 имеют вклады в сберкассах.

На «олимпийской лыжне» — семья Монаховых.

Главный контролер завода М. Я. Шатнова.

ГАЛИНА БУБНОВА,
бригадир экранировщиц-люминофорщиц:

— Нам было по восемнадцать, когда четыре года назад, окончив заводское профтехучилище, мы пришли на химзасток. Здесь стекло покрывается люминофором и превращается в экран. И как раз в это же время завод начал выпуск новых кинескопов типа «Юность». Период освоения всегда труден: бывало, больше половины кинескопов отправлялось в брак... Постепенно конструкторы, инженеры, технологи наладили производство. Конечно, и мы со своей стороны старались.

Галья протягивает мне кусочек влажной капроновой ленты—фильтр, который она только что сняла со шланга подачи люминофорной суспензии.

— Вот видите эту частичку. Если она попадет на экран, будет брак.

Я с трудом разглядела темную точку, наверное, в четверть той, что стоит в конце этого предложения. Но если прорвется она на экран—болеельщику покажется второй шайбой на поле, зрителю—пятном на лице актера.

— А теперь идите сюда,—зывает Галья, и мы подходим к бакам, в которых непрерывно перемешивается светло-серая масса.—Я вам покажу, как готовится суспензия.

Заглянув в рецепт, поданный из лаборатории, она наливает в бак раствор, внимательно следя за уровнем жидкости. Потом всыпает порошок люминофора. И снова внимание и точность—ведь нарушение пропорций обнаружит себя просветами на экране.

Бригада Бубновой признана одной из лучших в отрасли. Открытие съезда бригада отмечает выполнением плана первого квартала 1976 года.

ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА СЫРОПАТОВА,
монтажница-вакуумщица:

— Есть в проекте ЦК КПСС раздел, который мы читали с особым вниманием,—«Программа социального развития и повышения уровня жизни народа». Эти страницы относятся непосредственно к нам, женщинам. Здесь видно, какое внимание уделяется нашему труду, улучшению его условий: предусмотрена и возможность работать по сокращенному графику или на дому, и пособие матери до исполнения ребенка года, и широкая программа строитель-

ства детсадов. Хорошо! И мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы планы стали реальностью.

ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ХОДЫРЕВА,
заведующая детским комбинатом
«Ласточка»:

— На заводской доске почета среди людей разных профессий есть портрет Маргариты Георгиевны Ловчиной, музыкального работника нашей «Ласточки». И премию мы тоже получаем наравне с работниками завода. И не помню, да и не было случая, чтобы в чести нам отказали. Все: и нарядная, жаркой хохломской росписи, детская мебель, и мягкие, теплые ковры, игрушки, пианино, магнитофоны, наглядные пособия для занятий—свидетельство заботы завода.

Работает у нас кабинет логопеда. В сентябре тех детишек, кто не выговаривает некоторые звуки, записывают на пленку, а через год собираем родителей и слушаем сначала пленку, а потом ребенка. Эффект необычайный!

Почти тысяча дошколят подрастает в садах и яслях Запрудни. А с вводом еще одного комбината исчезнет на заводе «детская» очередь! Для самых маленьких строится и молочная кухня.

АЛЬБЕРТ МИХАЙЛОВИЧ МАКСИМОВ,
председатель завкома,

только недавно вернулся из обкома профсоюза, привез санаторные путевки на первый квартал, и я попросила назвать хотя бы приблизительно географию отдыха работников завода.

— Сейчас посмотрим.—Альберт Михайлович стал перебирать стопку разноцветных бланков.—Сочи, Подмоскowie, Прибалтика, Геленджик, Ессентуки, Цхалтубо... Достаточно? Но учтите, что это только соцстраховские путевки, у нас есть еще и свои: на договорных, долевых началах имеем санаторные места в Бердянске, Прикарпатье, на Черноморском побережье. Лет восемь назад путевка была проблемой, теперь все, кто нуждается в санаторно-курортном лечении, получают его. В прошлом году в санаториях, домах отдыха, на туристских маршрутах страны и за рубежом побывали 1300 человек. На культурные, спортивные, оздоровительные мероприятия израсходовано 184 тысячи рублей.

Что будем строить в новой пятилетке? Конечно, прежде всего жилье. Несмотря на то, что семьдесят процентов населения поселка живет в благоустроенных квартирах, мы пока

чувствуем нужду в жилье. По предварительным расчетам, на жилищное строительство предполагаем выделить 3,6 миллиона рублей. Построим еще и школу на 1200 мест, стадион, бассейн, теннисный корт, базы отдыха, пионерлагерь, словом, планы большие.

АНАТОЛИЙ КОСТЕРЕВ,
директор заводского Дворца спорта
«Антей»:

— Сколько километров от Москвы до Инсбрука, столицы Белой Олимпиады? У нас, в Запрудне, это знает каждый—1500. Так вот, пройдите их на лыжах, и вас ждут почести, почти такие же, что и знаменитых спортсменов. Время в пути—вся зима. А участником соревнований «Олимпийская лыжня» может стать каждый житель поселка, если, отправляясь на прогулку, он возьмет у дежурного инструктора талон с отметкой, а по дороге домой опустит его в специальный ящик. Потом жюри по сумме пробегов определит победителей. На старт этого соревнования уже вышло больше тысячи человек.

Темнеет зимой рано. Густые тени тянутся от кустов... А от поселка в сторону леса идут и идут лыжники, поодиночке, по двое, семейными «экипажами». Во главе с тренером неспешным шагом прошла женская группа здоровья. Сразу за «Антеем», четырехзальным Дворцом спорта,—лыжня. Едва сумерки начинают сгущаться, как над трассой вспыхивают яркие лампы, и горят, и светят почти до полуночи—катайся сколько душе угодно. Рядом тропка для пешеходов. Удовольствие от вечерней прогулки по лесу настолько велико, что даже в метель и непогоду люди не отказывают себе в нем.

Освещенная лыжня протяженностью в два с половиной километра обошлась заводу примерно в восемь тысяч рублей. Но каким эквивалентом обозначить тот заряд бодрости, здоровья, что был найден здесь, на вечерней лесной лыжне!

Уезжая из Запрудни и в последний раз сдав пропуск на проходной, я снова и снова вспоминала людей, с которыми познакомилась в эти дни. Бело-снежный от косянок и халатов участок монтажа, серебристые крошечные детали в ловких пальцах монтажниц, освещенные отблесками пламени лица стекловаров и сварщиков, внимательные глаза контролеров... Весь завод, от его директора до практикантки из ПТУ, живет энергичным трудовым ритмом. И этот ритм не оставлял сомнений, что все будет так, как задумано, как предназначено нашей десятой пятилеткой.

С. ЛАЗАРЕВА

«Не имеющая права проживать в Москве...»

Н. К. Крупская

«...Крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого»,— писал в декабре 1900 года в секретном письме директору департамента полиции начальник московской охранки полковник Зубатов. Немало хлопот доставили царской полиции все члены семьи революционеров Ульяновых, о чем свидетельствуют многие сотни архивных документов.

«Дело Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве при Управлении Московского обер-полицмейстера о дочери коллежского асессора Надежде Константиновне Крупской, по мужу Ульяновой»,— так озаглавлена папка, освещающая один из эпизодов, связанных с революционной деятельностью Н. К. Крупской. Расскажем о содержании этого архивного дела, сохраняя стиль и орфографию документов.

Известно, что в феврале 1900 года Надежда Константиновна прибыла из Сибири в Уфу, чтобы отбывать там оставшийся ей срок ссылки. Вскоре Мария Александровна Ульянова обратилась в департамент полиции с ходатайством разрешить ее невестке переехать в Москву. 5 апреля 1900 года шеф московской охранки полковник Зубатов поручил приставу 3-го участка Суцевской части объявить М. А. Ульяновой, что ходатайство ее «Министерство внутренних дел признало не подлежащим удовлетворению», а заодно выяснить, «за кем из сыновей» М. А. Ульяновой Надежда Ульянова «состоит в замужестве и какую фамилию носила до замужества». Ясность была внесена, и вскоре последовало такое «секретное прибавление» к одному из приказов по московской городской полиции:

«Не имеющая права проживать в Москве дочь коллежского асессора Надежда Константиновна Крупская вышла замуж за помощника присяжного поверенного Владимира Ульянова, а посему красивый розыскной листок на девичью фамилию заменяется новым».

Срок ссылки Надежды Константиновны приближался к концу, и М. А. Ульянова обратилась в департамент полиции с просьбой разрешить Н. К. Крупской при возвращении из Уфы заехать на две недели в Москву. Департамент полиции передал это дело на усмотрение московского обер-полицмейстера. А послед-

ний, прежде чем принять решение, запросил у охранки сведения о Крупской. Документ, который через несколько дней положили ему на стол, примечателен тем, что характеризует всю семью революционеров Ульяновых. Вот полный текст этого документа:

«СПРАВКА

Надежда Ульянова, урожденная Крупская, в 1896 году привлекалась к дознанию по обвинению в принадлежности к социал-демократическому сообществу, за что и выслана в Уфимскую губернию под гласный надзор полиции. Все семейство Ульяновых несколько раз подвергалось обыскам; муж Надежды Ульяновой Владимир Ульянов в 1897 году был сослан в Сибирь на 3 года за государственное преступление, братья последнего — Александр казнен в 1887 году за участие в террористическом заговоре и Дмитрий, как состоявший под гласным надзором полиции за пропаганду социал-демократических идей, лишен права проживать в столицах, и сестры: Мария — содержится под стражей по делу социал-демократов, а Анна состоит под негласным надзором полиции, ведет постоянные сношения с заграничными деятелями, и муж последней также содержится под стражей по делу социал-демократов.

В 1898 году при следовании Надежды Крупской в Сибирь ей разрешено было остаться в Москве на один день, причем установленным за нею наблюдением выяснено, что она посетила несколько неблагонадежных лиц».

После этого на просьбу М. А. Ульяновой разрешить Надежде Константиновне заехать на две недели в Москву последовал лаконичный ответ: «Отклонить».

Как будто все предупредительные меры были приняты... И вдруг, как гром среди ясного неба,— сообщение начальника Уфимского губернского жандармского управления: 13 марта 1901 года Н. К. Крупская «выехала на жительство» в Москву.

Полиция была поставлена на ноги. 26 марта полицейский надзиратель Попов получил письменное предписание «выяснить негласно и донести», не проживает ли на Бахметьевской улице в доме Шаронова у М. А. Ульяновой Надежда Константиновна Ульянова, «выбывшая 13 марта из Уфы в г. Москву». Через три дня, 29 марта, Попов написал на оборотной стороне этого предписания, что Надежда Константиновна Ульянова в доме Шаронова не проживает, а что живет там прибывшая из Уфы вдова коллежского асессора Елизавета Васильевна Крупская, 59 лет. В конце своего сообщения незадачливый надзиратель добавил, что эта Крупская «или невестка или золовка Ульяновой».

В апреле переписка о поисках Крупской продолжалась. Потом наступило некоторое затишье, и вдруг в августе снова запросы. Охранка требует, чтобы московский адресный стол сообщил, где проживает Надежда Ульянова. Оттуда следует ответ: «Адреса нет».

Поиски продолжались и после того, как московская охранка получила сообщение о том, что в списке лиц, выехавших из России, значится «Надежда Константиновна Ульянова, урожденная Крупская». А вдруг она нелегально вернулась? И не скрывается ли она у матери В. И. Ульянова в Подольске? В губернское жандармское управление направляется бумага с просьбой выяснить это. Почти два месяца жандармское управление молчало... И лишь 10 октября 1901 года последовал ответ: «Надежды Константиновны Ульяновой на жительстве в городе Подольске не оказалось».

Московский обер-полицмейстер генерал-майор Трепов сообщил в департамент полиции о тщетных поисках Н. К. Крупской и возвратил туда «Листок негласного надзора», добавив при этом, что «за появлением Надежды Ульяновой в Москве, как не имеющей права проживания в столице, установлено надлежащее наблюдение...».

Где же была Надежда Константиновна, когда ее так усиленно искали в Москве? В ленинской биографической хронике за 1901 год (т. I, стр. 304) читаем: «Не позднее 1/14 апреля. К Ленину в Мюнхен из Уфы приезжает Н. К. Крупская». И сразу же она развернула кипучую работу на посту секретаря «Искры». Она была не просто секретарем, а незаменимым помощником Ленина, талантливым организатором.

В те самые апрельские дни, когда полицейские искали Крупскую в Москве, она из Мюнхена писала П. Н. Лепешинскому в Псков о предстоящей отправке туда нелегальной литературы, сообщила самарскому корреспонденту, что «в Кургане лежит чемодан с двойным дном с «Искрой» и что, явившись за ним к хозяину, следует «спросить гостиницу из Берлина». Писала она также в Полтаву, в Харьков, в Астрахань и в другие города.

В августе девятьсот первого года, когда встревоженная охранка возобновила поиск Крупской в Москве и в Подмосковье, Надежда Константиновна, проживавшая в окрестностях Мюнхена, с прежней энергией помогала Ленину спланировать вокруг «Искры» революционеров Петербурга и Москвы, Воронежа и Пскова, Киева, Нижнего Новгорода, Баку... В письмах в эти города она давала указания о способах пересылки нелегальной литературы, устройстве подпольных типографий, сообщала адреса явок...

В нескольких ее письмах в те месяцы упоминалось о вышедшей в свет брошюре «Женщина-работница» (при этом, конечно, не называлась ее автор). Рассказав в этой брошюре о тяжелейшем положении женщины в городе и в деревне, Н. К. Крупская в заключение писала: «Только полная победа рабочих, стремящихся к замене теперешнего строя социалистическим, окончательно освободит женщину».

И. БРАЙНИН

ГОД

Когда схлынул праздник пуска и опустела площадка перед трибуной, воздвигнутой у стены здания ГЭС, стало тихо на берегах Зеи. И над хребтами Тукурингра и Соктахан, соединенными теперь плотиной, задумалось вечернее небо. Чуть-чуть сиреневое, молочно-сиреневое, выше к зениту оно переходило в блекло-голубой, а ближе к земле, к горам, в более теплый, розоватый тон. Земля же являла краски жесткие и определенные — была черно-белой. Белое, холодное пространство рукотворного Зейского моря, двумя ледовыми языками уходящего между гор; белым выстелены и сами горы, а черным щетинится по белым горам лес.

Эти ряды гор не дают глазу разбежаться, проследить путь моря туда, дальше, на север, откуда мчалась буйная Зея, то сильно мелея, то вспучиваясь в паводки девятым валом, слизывая напрочь пашни, огороды, скирды с сеном, сами деревни.

Бежала так века и вот уткнулась влажным носом в плотину. Ровной, спокойной водой поднялась на протяжении 225 километров — такова длина нового моря.

Словно привстав на цыпочки, заглянула, любопытная, во все расступившиеся перед ней низины и долины, связав водой самые недоступные по бездорожью лесные урочища с главным — и теперь полным — своим руслом, и люди смогут взять лес из тех мест, куда раньше и не заглядывали. Смогут и воды взять от реки столько, сколько им нужно для себя и своей земли. Силу реки Зеи возьмут на себя турбины, как уже взяла ее 27 ноября 1975 года первая из шести. Эта часть речной силы равна 215 тысячам киловатт.

Взяли ее люди, подчинили себе.

Сегодня они разошлись по домам, отдыхают: первый выходной после пуска. И плотина внизу одинока. Плотина сейчас — множество бетонных кубов, и уже сложившихся в главную поперечную гряду и в опоры сильных контрфорсов, поддерживающих ее, и еще только поднимающихся, застывших на разных уровнях. Сплошь почти зашитые в щиты опалубки «кубики» напоминают квадратные башни и клетки деревянной старинной крепости.

Кажется, ждет возвращения людей и праздничный наряд на здании ГЭС: огромное панно — карта страны со звездами электростанций и фигура Ильича с рукой, проростертой к этой карте, над которой бегут его вещие слова: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

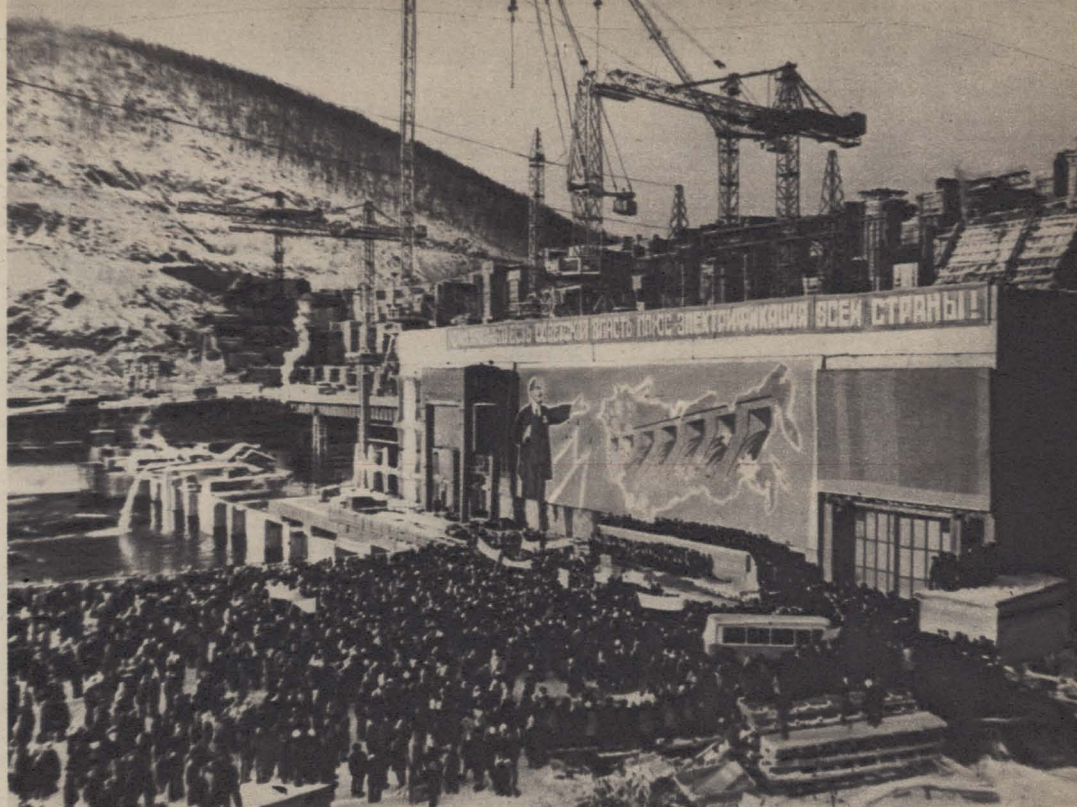
Здесь думалось о высоком.

Строительство гидроэлектростанций на северных и восточных наших реках словно нарочно придумано для людей, которым подавай такое дело, чтоб силу свою ощущать на пределе.

Любая работа — преодоление сопротивления, а гидростроители — люди, схватившиеся с самой природой, — особенно это чувствуют. «Или мы тебя, или ты нас!» — таковы отношения вольной и могучей реки и массы людей, бросающих ей вызов. Да, людям служат сильнейшие машины, краны, такие помощники, как бетон и сталь. Но ведь за всем — руки человека, его лицо, весь он, слабый в общем-то против сорокаградусных морозов при шквальных ветрах.

Зато работа дарит и большие праздники.

Вот обнажено дно реки, откачали воду из котлована; пошел первый бетон; перекрытие:

И был праздник... Заработал первый агрегат ГЭС.

Фото Е. УСПЕНСКОГО.

НАПРЯЖЕНИЯ

река побежала, послушная воле людей, по новому руслу; пуск первой турбины...

Каждый шаг, каждый новый этап работ — впервые. Пусть иные строители уже на пятой, шестой своей ГЭС — река всегда нова, условия всегда иные. Все как в первый раз.

...Когда во время пуска первой турбины Нина Аксенова вместе со всеми затаив дыхание ждала, завертится ли — и турбина пошла, завертелась, — вместе со всеми она пережила мгновения, за которые люди готовы платить и бессонными ночами, и годами без отпуска, и предельным напряжением каждого часа своих будней. Трудно сравнить с чем-либо это счастливое, это творческое: получилось!

Впервые ход турбины — пока холостой — опробовали 21 ноября 1975 года. А через шесть дней агрегат дал промышленный ток, и ЛЭП-220, гнавшая энергию от Райчихинска к Зее, к стройке новой ГЭС, теперь понесла его уже от новой станции, Зейской ГЭС — первой дальневосточной — на Райчихинск, а оттуда — куда нужно, по энергетическому кольцу.

Гидростроители выполнили свое социалистическое обязательство: достойно встретить XXV съезд КПСС, сдать первый агрегат под промышленную нагрузку на 3 дня раньше намеченного срока.

А в личной жизни инженера Нины Ивановны Аксеновой, начальника производственно-технического отдела строительно-монтажного управления здания ГЭС, этот день означал, что состоялась ее гидростроительная судьба.

Если можно о ком-то сказать, что человек и дело нашли друг друга, то к Нине это относится в высшей степени. Она пробивалась к нему «через годы, через расстоянья», без усталости и без сомнения. Со школьной скамьи.

Она четыре раза держала экзамен на гидростроительный факультет МИСИ. Трижды не проходила по конкурсу.

— Ну, а в четвертый раз сильно рассердилась. И прошла, — говорит она.

На Зею «сама себя распределила».

— Как раз над дипломом сидела, а тут Виктор Нагорянский с Зеи прилетел, наш выпускник, он уже 3 года там работал. Порассказывал, какая это Зея... Интересно! Ну, — говорю, — раз так, надо самой поглядеть.

Так москвичка Нина Аксенова оказалась на Дальнем Востоке. Однако испытания на верность судьбе еще только начинались. Новоиспеченного инженера, да еще девушку, сначала направили в технический отдел управления «Зеегэсстрой».

— Не сразу, не сразу, молодые люди! Сначала покажите, что можете, — говорили здесь обычно новоприбывшим выпускникам.

И Нина, очевидно, показала, что может. Через два года ей доверили производственно-технический отдел стройуправления № 2: жилье, застройка поселка Светлый.

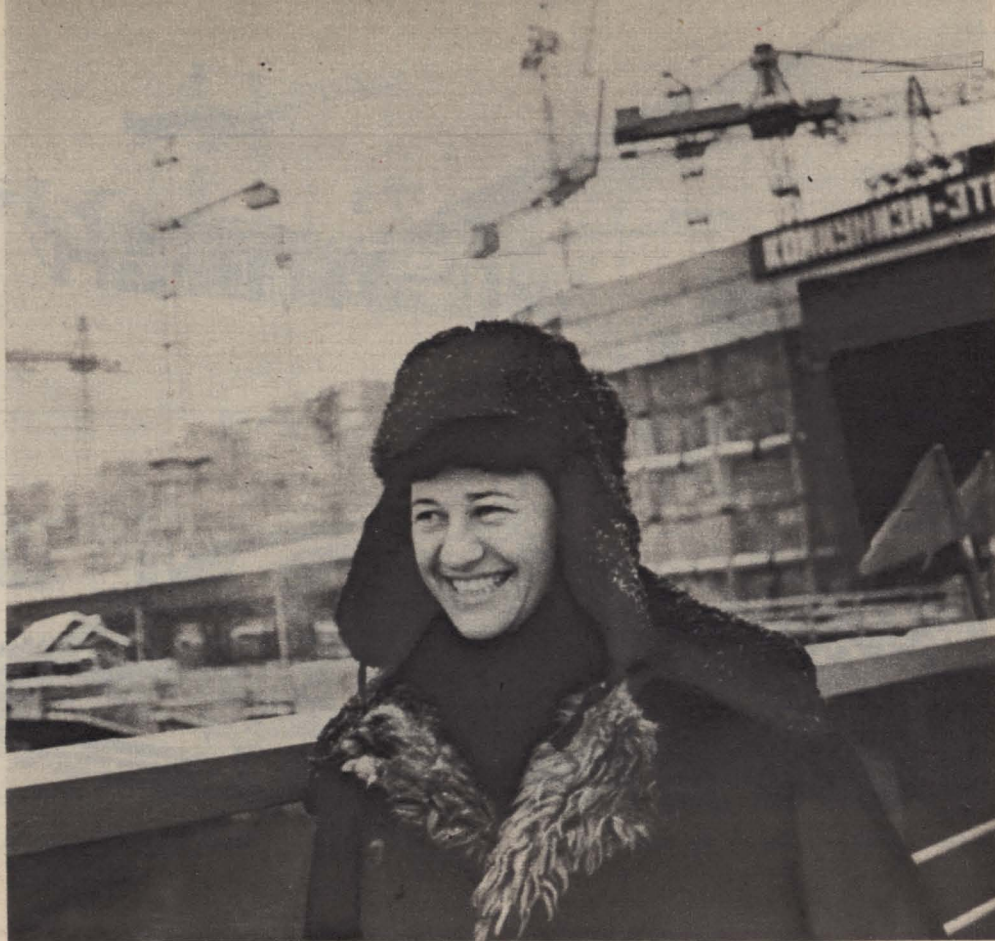
Нина и сама живет сейчас в этом знаменитом поселке гидростроителей по имени Светлый, в доме со всеми современными удобствами, за порогом которого начинается настоящая тайга. Ее дом — в последней шеренге улиц, террасами поднимающихся вверх по хребту Тукурингра. Планировка участков застройки, бережно сохраняющая островки тайги — березовые светлые колки — меж домами; рабочие чертежи самих домов, торгового центра, детсадов, школы — все это продумывалось, выполнялось в производственно-техническом отделе СУ-2.

Глядя на белые улицы-ступени Светлого, одинаково дружелюбные и к людям и к природе, ловишь себя на мысли: «Добрые и умные задумывали и строили этот городок».

Позавидуешь Нине! Не у каждого первые послеинститутские годы работы помечены такими вехами.

Ей и завидуют.

— Приедешь в отпуск домой, — рассказывала она, — встретишься с нашими выпускниками, только и слышишь: «Хорошо тебе, интересно!»

У Нины Аксеновой хорошее настроение: завтра пуск!

И я ни разу не пожалела, что приехала сюда.

Не жалела, работая на жилье, — «Мы его гнали без передышки», не пожалела, когда вместе с долгожданным переводом на саму ГЭС свалилось на нее столько работы, что хоть не ложись спать, и то времени не хватит. Похоже, что для нее началась полоса такого рода везения, какое отличало судьбу ее старшего товарища Виктора Иосифовича Нагорянского. Так получилось, что Виктор оказывался ответственным лицом во время «пиковых» событий на стройке. На перекрытии он был начальником управления механизированных работ и отвечал за бесперебойность конвейера машин на засыпке прорана, сейчас он начальник стройуправления здания ГЭС — от работы его управления зависели сроки начала монтажа, а значит, и пуска первого агрегата ГЭС. Вот и Нина новое назначение получила за год до пуска. Как раз в это время работы в котловане второй очереди, на здании ГЭС, подошли к ответственным объектам, от которых зависела установка турбины и генератора: это монтажная площадка, где собирают поступающие по частям гигантские тысячетонные агрегаты; кабельная галерея — на большой глубине, да не в мягкой земле — в скале; помещения для аккумуляторов и трансформаторов, машинный и пультовый залы.

Перевод на ГЭС был для Нины и честью и доверием, а в общем, наградой за верность Зее, себе, всей стройке.

Положение нового начальника производственно-технического отдела еще и тем осложнялось, что новичком была не только она. Бетонщики, плотники, отделочники тоже оказались новичками перед лицом совсем новых задач.

Нина вспоминает:

— Мы набаловались на бетоне, пока он шел в саму плиту, в основание здания ГЭС: ставь четыре цита опалубки — этаким кубик — и заливай бетон. А на монтажной площадке пошли сложнейшие блоки! Плотникам приходилось выгораживать такую фигурную опалубку — голову сломаешь. Работа шла уже не так споро,

люди нервничали. А требования к штукатурной и малярной отделке! Замучились с переделками, аккумуляторную одну четыре раза перекрашивали: при высоком напряжении тока злейший враг в помещении — пыль. Шероховатость стен просто недопустима. Очень много было сначала переделок. Ну, потом втянулись...

Кто-нибудь, может, скажет или подумает: так это рабочим доставалось, при чем тут отдел? Спору нет, труднее всего было на самих стройплощадках, рабочим. Героями монтажной площадки стали люди комплексной бригады Ивана Ивановича Евсеева, Героя Социалистического Труда, справились со штукатуркой и окраской девчата из славной бригады Галины Кононовны Волохи; досрочно завершили строительные работы, подготовив место для установки первого агрегата, бригады Анатолия Михайловича Красова и Ивана Алексеевича Тарасова, кавалера ордена Трудовой славы III степени. Это так. Но, как очень точно сказал мне один из инженеров-гидростроителей, производственно-технический отдел — это голова на стройке. Все, что должно происходить на рабочих площадках, прежде «прокачивается» отделом в виде подготовки рабочих чертежей, заявок на необходимые материалы и оборудование на каждый день, неделю, месяц, квартал. Согласованность в работе участков, последовательность работ — все это должен предусматривать отдел, следить за качеством... Ответственность высока.

Дано, к примеру, 20 тысяч кубов бетона. Спрашивается, как его разумнее распределить по участкам? Где он в ближайшие дни нужнее? Или вот железо... Его часто не хватает, или оно не такое, как указано в проекте. Надо сообразить, как его использовать и можно ли.

Рабочий день Нины Аксеновой начинается обычно с 7 утра, а не с 9, как это положено. «С утра, пока потише, хорошо поработать», — объясняет она.

А когда день кончается?

...У нее дома на стеллажах, занимающих всю стену от пола до потолка и от угла до угла, на

самых «сподручных» местах, строительная литература: справочники для мастера, для пропраба по бетонным работам, разные пособия, учебники.

Она кивнула на те полки, где радовали глаз длинные ряды классиков и современников, наших и иностранных, — проза, стихи: «Жаль, вот до них сейчас редко добираюсь. Но это пока».

Во время недолгого нашего разговора в этот вечер к ней заглянули две молодые женщины.

— Нина, ты нам нужна.

— Заходите же!

— Нет, — посмотрели гости на меня. — Нам бы только с тобой...

— Может, завтра?

— Знаешь, неотложно. — Женщины мягко настаивали.

Договорились: Нина зайдет к ним позднее. Как-то в другой раз она сказала мне с некоторым удивлением:

— Оказывается, так доверяют, когда ты парторг. Приходят, просят совета в самых личных делах...

Я подумала, что тут была и обратная связь: ее выбрали парторгом, потому что доверяли ей.

Да, и секретарем парторганизации она стала все в этот же год, где-то месяца за два до пуска первого агрегата.

— Для нее это был год напряжения, — скажет мне потом Виктор Нагорянский. — Нина много успела. Разобралась в отношениях с начальниками участков, с руководителями разных служб. Ведь у каждого свой нрав, свой стиль работы. Сложно. А она человек такой, что не ищет популярности ни перед вышестоящими, ни среди рабочих. Говорит то, что думает. Теперь и ее знают.

Говоря об Аксеновой как о начальнике ПТО, Нагорянский недаром прежде всего вспомнил про ее отношения с людьми.

В тот вечер у нее дома я сняла с полки одну из книг о принципах управления коллективом. И Нина, чрезвычайно сдержанная — в разговоре она называет лишь факты, — вдруг сказала:

— Хочется работать так, чтобы людям самим стало интересно. Мне просто жаль человека, когда вижу, что скучно ему на работе. Стараюсь шевелить своих девчат в отделе. Дашь задание, а она скучает, ей думать неохота: «А как тут?» «Ну, ты пока подумай, помозги», — скажешь. — Потом посуетеуся».

А у нее и у самой получилось! И смотришь, уже в глазах и задор и удовлетворение. Интерес появился.

В минуты, когда Нина говорила это, на лице ее было самое счастливое, самое теплое выражение, какое только я запомнила, встречаясь с ней.

И очень остро и наверняка поняла я тогда: об этом человеке, о Нине Ивановне Аксеновой, нельзя написать, что она «самоотверженно работает». Что она «беспощадный к себе человек», что она «посвятила себя» и тому подобные слова, которые приходили на ум по началу знакомства, когда мне рассказывали о трех ее отпусках вместо семи положенных, о неизменно сколькочасовом рабочем дне, о постоянных серьезнейших общественных обязательствах. В том, как живет и работает Нина, нет никакого насилия над собой, отказа от каких-то радостей. Просто ей интересно то, чем она занята. Одушевление идей большого дела, которое веками будет служить человеку, горит в ней постоянным пламенем, а не включается лишь на время отмеренного законом рабочего дня. И этого не могут не чувствовать те, кто работает рядом с ней.

— С ней легко и интересно, — сказала мне о Нине, о своем начальнике, Рая Савельева, молодой инженер.

— У нас без Нины и праздник не в праздник, — говорят работники ее отдела, как раньше говорили про нее и во втором стройуправлении. — Она так все здорово придумает,

Нет на Зее места красивее Серебряного створа. Здесь выросла плотина ГЭС.

Фото ТАСС

даже если просто день рождения у кого или свадьба, все получается неожиданно, весело, умно.

И за этими словами я снова слышала Нинино признание: «Не могу видеть, как люди скучают. Так красиво работают, а соберутся на вечер и не знают, что делать».

Мне повезло: я видела, как коллектив СМУ здания ГЭС готовился к празднику пуска первой турбины. В столовой за таинственным пологом ребята-электрики готовили макет турбины, искусно построенной и раскрашенной, как видно, своими же умельцами. В самый торжественный момент вечера турбина пойдет, и, имитируя бегущий ток, последовательно включаясь, загорятся ряды крохотных лампочек.

И, конечно же, гвоздем вечера станут весе-

лые куплеты и песни на слова Нины Аксеновой.

Я представляю себе этот гомерический смех победителей Зеи, когда они узнают в Нининых куплетах свои беды и незадачи, преодоленные ими и поэтому по счастливейшему свойству человеческой природы кажущиеся теперь просто смешными.

За два дня до пуска огромное панно-карту и портрет Ленина подымали и укрепляли на здании ГЭС. И Нина Аксенова, секретарь парторганизации стройуправления здания ГЭС, ответственная за праздничный убор площадки, где должен был состояться митинг, прищурив свои серые глаза, прикидывала, как будет

лучше смотреться фигура Ильича—поближе или подальше от карты.

А ее теребили, сообщая, что нигде нет голубой ткани. Голубым решили обшить боков всю композицию.

И Нина вместе со своим заместителем по партбюро Б. И. Поповым мчалась в его «Москвиче» в магазины, в город... Сейчас для нее важнее всего на свете было это: красота грядущего праздника.

Конечно, ко дню пуска все было готово, нашлось и голубое полотно и красное.

...И был праздник. И по ту сторону плотины застыло Зейское море, а по эту сторону, перед зданием ГЭС, колыхалось живое, горячее, радостное море людей-победителей.

Т. ПОЛИКАРПОВА

ДВА

Беседу ведет
Э. ОРЛОВА

У больного сложное заболевание ног, поражены кровеносные сосуды. Еще несколько лет назад он был обречен на инвалидность. А сейчас хирург иссекает пораженный участок сосуда и вместо него вживляет протез, имитирующий артерию. Он сделан из синтетической ткани. Пройдет некоторое время, протез «акклиматизируется» в теле, полностью заменит настоящий сосуд. И человек будет двигаться, работать, жить.

Наш рассказ о труде, напряженном, творческом, благодаря которому это стало возможно. Труд этот был удостоен Государственной премии СССР за 1975 год. Газета «Правда» прокомментировала награждение так:

«...Группа ученых во главе с Плоткиным Л. Л. создала технологию промышленного изготовления лавсановых и фторлонлавсановых тканых и плетеных кровеносных сосудов и других изделий, применяемых особенно в сердечно-сосудистой хирургии. С их помощью проведены уже тысячи сложных хирургических операций».

Группа большая. В ней объединены ученые-медики и производственники. Те, кто «задумывал» протезы сосудов и кто подбирал и создавал материалы для их изготовления, осваивал в производственных условиях, испытывал на животных, разрабатывал методику хирургических операций.

Мы познакомим вас лишь с двумя участниками этой группы.

Наталья Борисовна ДОБРОВА — руководитель лаборатории полимеров Института сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева АМН СССР, доктор медицинских наук; она первая в опытном порядке проверяет новые, предложенные для хирургии синтетические материалы и новые конструкции протезов. (Фото сверху.)

Ольга Федотовна МИХАЙЛОВА — генеральный директор ленинградского производственного текстильно-галантерейного объединения «Север», освоившего и внедрившего ткани, изделия из которых применяются сегодня в хирургии.

●
Фото И. КОНСТАНТИНОВА.

рассказа об одном открытии

С Натальей Борисовной Добровой мы встретились в Москве, в ее кабинете. Наш разговор без конца прерывали телефонные звонки, все время входили сотрудники то с одним, то с другим вопросом. Наталья Борисовна — секретарь парторганизации института. Человек решительный, волевой, энергичный. Труд ее отмечается не впервые — Наталья Борисовна награждена орденом «Знак Почета».

Когда я поздравляла ее с присуждением Государственной премии, выяснилась одна интересная подробность. Муж ее Анатолий Афанасьевич Травин вместе с группой коллег в прошлом году тоже удостоен Государственной премии за разработку операций на трахеях бронхов. Не так уж часто, согласитесь, в одной семье супруги — лауреаты Государственной премии, да еще независимо друг от друга!

Наталья Борисовна Доброва рассказывает: — Заменить живой сосуд протезом! Когда-то, в аспирантские мои годы, для меня это было далекой идеей. Идею эту дал Владимир Васильевич Кованов, ныне вице-президент АМН СССР. Он же предложил мне заняться анатомией сосудов и экспериментальной хирургией — оперировать на сосудах, изучать, как они себя ведут после операции... Понадобилась почти вся жизнь, чтобы смелая, дерзкая мысль превратилась в конкретную тему: создание искусственных кровеносных сосудов.

Как только появились синтетические материалы, химии, производственники в разных городах страны по просьбе хирургов стали пытаться приспособить их для насущнейших нужд медицины. Ломали голову: какие нити брать, какие волокна. Нужны эластичные — естественные сосуды очень эластичны. Нужны прочные. И чтобы были биологически инертны, не вредили организму, хорошо вживались в живые ткани. Многие волокна перепробовали, наконец текстильный институт предложил нам фторлонлавсан. Он вполне соответствовал нашим требованиям.

Ясно, каждый новый материал проверялся в нашем экспериментальном отделении. Оперировали на собаках, определяли биологическую реакцию на материал. Делали подсадку, потом вынимали. Изучали, как изменились сам материал и ткани вокруг. Привлекали морфологов, химиков. То же самое с каждой новой конструкцией протеза. Делали пластику аорты, вены. Нужно было определить, как будет функционировать протез и как будет реагировать на него организм. Ведь человеческий организм — машина, его на ходу не починишь. И если уж мы вставляем «запасную часть», нужно, чтобы она не ломалась, была надежной, прочной. Годы черновой, со

стороны невидимой, но важнейшей работы.

Сейчас, как вы знаете, протезы выпускают серийно, медики в клиниках широко применяют их при операциях. У нас постоянный контакт с хирургами сосудистого отделения нашего института, которым руководит профессор Анатолий Владимирович Покровский.

В наших операциях сегодня ясно вырисовываются два направления: применение искусственных сосудов и искусственных клапанов сердца. Медленно, но верно идем к созданию искусственного сердца... Уже есть подопытные собаки с искусственным кровообращением!

Кстати, у нас отличная экспериментальная база — больше 100 животных. Аппаратура такая же, как в клиниках. Много аппаратов и приспособлений своей конструкции. Но, разумеется, «натуральным хозяйством» сегодня не обойдешься. Нужны специальные нити, специальные материалы, специальное оборудование, конструкции, причем все больше и больше. Значит, все больше нужно участие немедиков.

* * *

Ольга Федотовна Михайлова — типичная северянка: льняные волосы, светлые глаза. Приехала в Ленинград еще перед войной — из Смоленской области, из деревни. Мечтала поступить в текстильный институт, занималась на подготовительных курсах и работала в райкоме комсомола. Война нарушила все планы — вчерашняя школьница ушла на фронт. Всю блокаду — под Ленинградом. Там и вступила в партию, в сорок третьем.

На «Севере» — с пятьдесят первого, была мастером, потом начальником ткацкого цеха, директором первой лентоткацкой фабрики. Училась в институте без отрыва от производства. Сейчас в «Север» входит восемь фабрик, и Ольга Федотовна — директор объединения. Она более десяти лет член Кировского райкома партии, депутат районного Совета. Награждена орденами Красной Звезды, «Знак Почета» и Октябрьской Революции.

Ольга Федотовна Михайлова говорит:

— Вот они, образцы нашей продукции: шарфы, накидки... Выпускаем товары широкого потребления. Обычное производство, обычные производственные заботы: план, станки, сырье. И вдруг такая тонкая, такая необычная продукция, как искусственные кровеносные сосуды. И все потому, что есть у нас экспериментальный участок, на котором колдует Лев Львович Плоткин.

Началась эта история 16 лет назад. Ко Льву Львовичу пришел из Военной академии имени Кирова отличный хирург Лев Валерьевич Лебедев с идеей — создать протезы кровеносных сосудов. Плоткин увлекся этой мыслью, бук-

вально заболел ею. Экспериментальное производство стало специализироваться на изготовлении изделий медицинского назначения.

Началось наше тесное сотрудничество с Натальей Борисовной Добровой, которая у себя в Москве, в экспериментальном отделении института, проверяла на животных каждый совместно найденный материал, каждую конструкцию.

Для нового дела приходилось создавать специальное оборудование, машины, каких у нас в стране еще не существовало. Делали все сами, по собственным эскизам. Всем коллективом. Много труда в это вложили и плетельщица Мария Сергеевна Лутт и бывшая работница, а ныне мастер Зоя Кряжева. Слесарь Борис Христофорович Шефер настоящим конструктором стал, проектировал оригинальные машины. А делали их слесари Валентин Дмитриевич Бойцов, Николай Ефимович Пеньков, токарь Федор Дмитриевич Афанасьев...

Например, плетельную машину 140-го класса создали у себя в объединении за три месяца. Она изготовляет плетеные протезы, искусственные кровеносные сосуды, кольца к искусственным клапанам сердца, искусственные сухожилия. Всего нашими работниками создано 10 оригинальных машин.

Сейчас мы выпускаем искусственные кровеносные сосуды — трубчатые тканые из фторлонлавсана и трубчатые плетеные из лавсана, и бифуркационные сосуды трубчатые тканые из фторлонлавсана (это, собственно, протез полой вены, которая разветвляется на два рукава). Вот они особенно тяжело нам дались. Надо было и материал тщательно подобрать (кстати, фторлонлавсан — это идея Натальи Борисовны Добровой) и гофрировку придумать... Гофрировка расходилась сначала, для нее опять особое приспособление создавать пришлось. И еще в чем тонкость: в том месте, где протез разделяется на два рукава (наподобие рогатки), отростки не должны были отламываться, перекручиваться, сгибаться, то есть вся конструкция должна быть единой, без стыков. Пришлось один из специальных ткацких станков с программным управлением сделать особой конструкции.

Создание отечественных искусственных кровеносных сосудов позволило полностью отказаться от ввоза дорогостоящих американских протезов. Это сэкономило свыше двадцати миллионов рублей. Ведь 1 сантиметр дакронового американского протеза стоил 1 доллар.

Миновали времена безвестности нашего экспериментального участка. Уже несколько лет назад к нам стали поступать заказы из самых различных медицинских учреждений Англии, Бельгии, Ирана, Турции, Польши, Югославии, ГДР...

Работа наша продолжается.

А. В. Шатухина

Мы спрашиваем, нам отвечают. Такая у нас, журналистов, профессия. А тут случилось наоборот. Правда, случилось это на исходе последнего дня, когда я подошла к Тоне Шатухиной, чтобы проститься. Она неторопливо положила «удочку» на бачок с краской, подтянула на затылке концы платка и сказала довольно строго:

— Интересно, а что вы заметили в нашей работе за сегодняшний день?

Пришлось давать интервью.

Тоня слушала очень внимательно, и глаза у нее почему-то были серьезными до суровости. Иногда она, правда, кивала согласно головой, и я готова была принять этот жест за знак одобрения. Но Тоня все мои наблюдения подытожила так:

— Не по нашей вы части специалист. Сразу видно.—И вот тут улынулась устало:—Девчата откос скосили, а вы не заметили.—Вдохнула:—Завтра переделывать будем.—Опять стала строгой:—Вот мне и хотелось, чтобы вы заметили—все в нашей бригаде бывает, все! И брак тоже. Так и пишете.

Так и пишу. Иначе бригадир маляров Антонина Владимировна Шатухина не то что мне не простит, а расстроится, огорчится: ведь просила учесть—жизнь не плакат, и не всегда в ней все бывает именно так, как хочется, как задумано.

В те дни, что я была в Могилеве, бригада Шатухиной работала на КШТ, то есть на комбинате шелковых тканей.

— Пять лет назад тут голое место было, пустырь, представляете?

Я слежу за широким Тониным жестом и вижу, что «тут» включает в себя не только КШТ, но и общежитие, и ГПТУ, и целый микрорайон. Микрорайон строит домостроительный комбинат. А общежитие строил Тонин трест, и она со своей бригадой строила. И ей радостно, что с виду этот дом на казенный никак не похож.

— А внутри он еще лучше,—живо говорит Тоня и хвалит проект. За то, что авторы его отказались от километровых коридоров с унылым рядом дверей, позаботились, чтобы на каждые две комнаты была своя прихожая, и свой умывальник, и душ... Но главная Тонина привязанность все-таки КШТ. Нет, она не забивала тут первых колышков, дело маляров, как известно, ставить последнюю точку, давать завершающий аккорд. Следом за ними, буквально по пятам, идут монтажники. Ну вот всего неделю назад они еще красили печатный цех, а сегодня там машина уже наносит на ткань пробный рисунок. А рядом монтируются еще три.

— И каждая стоит столько, сколько девятиэтажный дом на сорок восемь квартир,—поразились и накрепко запомнила Тоня.

И так каждый день: чему-то удивляешься, узнаешь что-то новое. Вот за это она и любит промышленные объекты. И еще потому, что сразу видишь отдачу: ткацкий цех, например, пускали по частям—часть еще строилась, а часть уже давала продукцию. Я верю: ей нравится даже шум работающих станков—как свидетельство того, что на строящийся комбинат пришла жизнь. Однако не может же бригадир маляров быть только романтиком. Да Тоня и не скрывает: привязанность ее к промышленным объектам питает также и повседневная проза—попробуй, к примеру, развернуться на жильё с агрегатами Шепеленки. Не развернешься, площади не позволяют. Так что там главное орудие маляра—кисть. А тут залил в бачок ведер десять краски, включил компрессор, взял в руки «удочку», а через семь минут—заливая снова. Ну и фронт работ, конечно, иной: на жильё закончил квартиру и сиди жди, куда пошлют дальше. А тут на месяц вперед знаешь, чем заниматься.

— И к качеству, наверное, требования тут не такие уж строгие?—интересуюсь я.—Цехи все-таки не жильё.

— А как вы думаете,—в свою очередь, интересуется Тоня,—могли бы мы дать хорошее качество на жильё, если бы в цехах малярили кое-как?

Эти разговоры мы ведем после смены, по дороге домой. На работе Тоне не до бесед, каждая минута на счету. Через месяц окончательный пуск КШТ, и Тонина бригада готовит к сдаче отделочное производство. Девчата работают в разных помещениях—кто в одном цехе, кто в другом, кто на складе, кто на бытовках. Одни, примостившись под

сводами, красят фермы, другие беспесчанкой заделывают бетон, третьи закрашивают (тон в тон!) только что заложенный проем в стене (оставляли, чтоб внести оборудование). И Тоня должна знать, как идут дела у одних, у других и у третьих. На то она и бригадир, чтобы вовремя дать совет, чтобы выбить у прижимистого прораба краски для подходящего колера, что-

бы, наконец, подсобить девчатам передвинуть на новое место турру—так зовут здесь подмости. И с инструментом она работает быстро, ловко, на загляденье. С любым, какой требуется по ходу дела.

— А как же иначе?—удивляется Тоня в ответ на мое «загляденье».—Выработка у нас за смену, знаете, какая?

Знаю. Тридцать квадратных метров на человека. Больше чем в два раза увеличили они ее за минувшую пятилетку. И я уверена, что, обсуждая проект ЦК КПСС к XXV съезду, Тоня со своими девчатами думает о том, как сделать выработку еще выше. Ведь в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» намечается не просто поднять уровень механизации строительных работ, а значительно, и при этом особенно отделочных.

После работы времени у Тони тоже в обрез: ждут депутатские дела. Заранее, например, договорилась о встрече с директором мебельной фабрики—должна выяснить, отчего там в иных цехах так холодно, что работать невозможно—клей схватывается морозом. Да и дома не только хлопоты по хозяйству, но и волнения. Ирина вот, старшая ее дочь, в сельхозакадемию собирается, а ей бы хотелось, чтоб она в строительный институт пошла.

Тоня рассказывает, как приводела Ирину к себе на стройку... А я думаю о том, какой счастливый человек Антонина Владимировна—если мать мечтает о том, чтобы дочь пошла по ее стезе, значит, самой ей эта стезя действительно дорога. А это разве не счастье? В таких случаях невольно возникает желание обнаружить корни, истоки изначальной любви человека к своему делу. И почему-то хочется их найти далеко-далеко—в детстве. Вот так однажды вечером, по моей просьбе, мы и отправились с Тоней Шатухиной в ее детство.

И я увидела деревню Рафолово, еще довоенную, с бабушкиным домом, с лесом, подступающим к самой околице, с лекарственным садом. От этой деревни осталось одно пепелище. На картофельном поле рыли землянку. Такой была первая ее стройка. Позже партизаны переправили Тоню в село Княжицы, к матери. И как только прогнали из Могилева немцев, мать каждое утро стала снаряжать ее с бидончиком молока в город. На вырученные деньги надо было «разжиться» хлебом. Самым мучительным во всем этом было ходить по городу босиком—не из-за стыда, нет, обуви тогда не у нее одной не было,—из-за боли: улицы были завалены битым стеклом, кирпичом, щебнем.

— В прах ведь разрушили фашисты почти все здания,—говорит Тоня и, видно, угадывая ход моих мыслей, отрицательно качает головой:

— Чего не было, того не было. Видно, слишком мала была, чтобы думать о том, кто и как будет восстанавливать город.

Думала она тогда об одном: как отмахнет единым духом до Княжиц весь обратный свой путь и как мать, приняв от нее буханку, отрежет ей честно заработанный ломоть. А когда подросла, и появилась у нее мечта. Была эта мечта о педагогике. В педагогический и поступала. По конкурсу не прошла. Можно сказать, с горя отдала документы в училище, готовившее электромехаников. А там и пришла к ней удача: горком комсомола всей их группе вручил путевки в Комсомольск-на-Амуре. В этом удивительном городе юности, приняв эстафету от комсомола тридцатых годов, Тоня и освоила малярное дело. Здесь вышла замуж за Васю Шатухина (тоже приехал из Могилева и еще в поезде ее «высмотрел»). Здесь родила дочек. Все ей нравилось: работа, квартира, город. Если бы не болезнь Иринки! Из-за нее спустилась девять лет и пришлось вернуться обратно.

Шел 1965 год. Тоня и не предполагала, что этот год откроет новую страницу не только в ее собственной жизни, но и в жизни всего

города — в Могилеве начиналось строительство гигантского комбината синтетического волокна. Технический его проект был разработан английскими фирмами. И как раз в те дни, когда сюда вернулась Тоня, специально для этой стройки в городе создавался трест № 17 «Лавсанстрой»... Ее послали работать на жилье. Проработала месяца три-четыре, как подходит к ней Фурсов Владимир Никитич — он тогда главным инженером в их управлении был — и говорит:

— Собирайся, Тоня, поехали. — И повез на «Синтволокло» — так они комбинат называли. А зачем, не говорит, только смеется. Приехали, нашел он в какой-то подсобке девчат (сидели, семечки лузгали). Ну, говорит, нового бригадира вам привез. Как, подходит?

— А че? — сплонула шелуху одна чернявенькая. — Внешне она ничё. Может, и подойдет.

Так Тоня и начала свое бригадирство. Как выяснилось, девятым бригадиром стала она у этих девчат.

Антонина Владимировна опустила голову на руки. (Мы сидим у нее дома.) Задумалась.

— Знаете, когда я слышу, как кто-то говорит, что руководить — не мешки с солью таскать, я и на секунду не усомнюсь: этот человек с людьми никогда не работал. Тут и потяжелее бывает.

Сейчас о ее бригаде говорят: дружная, спаянная, одно целое. Так оно, наверно, и есть. Но состоит это целое из разных характеров, настроений, привычек. Один работает мастерски, виртуозно, а все в себе сомневается. Кто-то только-только оперился, а гонорок уже тут как тут. Один, если Тоня рядом, работает так, что пар от спины идет, а отлучись она — тут же расслабится. Клава же, например, Лищенко-ва — самая младшая в бригаде, восемнадцать недавно справили, — та наоборот: с ног сбивается, когда рядом нет Антонины Владимировны, а с ней успокаивается, входит в размеренный ритм. Все, казалось бы, любят технику, но случись что с механизмом, одни его тут же в сторону и за кисть. А Таня Кулешова и Людя Сивакова, те ни за что не отступятся, докопаются до причины поломки. Ну, а если сроки горят, кто-то так разволнуется, что и о качестве позабудет. (Вон как с откосом вышло.) Зато у Маши Ярцевой, какая бы спешка ни была, хоть с закрытыми глазами работу принимать можно. Правда, все как один научились они ценить то хорошее, что есть в каждом. И удачам друг друга радуются от души.

— Потому и живем дружно, — заключает Тоня.

— Ну, а прежде что за конфликты были? — допытываюсь я.

— Да вам-то это зачем? — сердится Тоня.

— Затем, что жизнь не плакат.

Тоня смеется.

— Ладно, расскажу вам про собственную ошибку.

Бросила она однажды свою бригаду. Потихоньку бросила — не вернулась из отпуска. Не потому, что дела там шли плохо, дела у них в ту пору как раз хорошо шли. Да за семью сердцем изныло: Рита, младшая, болеть начала — простуда за простудой. Совсем извелись они с Васей, в разные смены работали, чтобы с Ритой быть. Домой каждый раз как на пожар бежала — тогда не то что троллейбуса, дороги нормальной на «Синтволокло» не было. А в пяти шагах от того места, где жила, ее же трест строил жилой дом. Переиди дорогу — вот тебе и работа. Но тянет-то не туда — к своим! Что было делать? И стала Тоня припоминать хоть какую-нибудь обиду на своих девчат. А тут подвернулась свеженькая: понравилась без нее девочкам за рублем гнаться. Тогда-то Тоня и сделала те пять шагов.

А теперь я расскажу эту историю так, как услышала ее от Маши Ярцевой:

— Тогда работу нашей бригады узнавали уже по почерку. Шатухинский, говорили, почерк. Конечно, это было приятно, но жизнь нашу осложняло. На стройке ведь как? Всегда есть какие-то недоделки — то проем нужно на время оставить, то монтажники дыр понаделают, то еще что. Ну, а чтоб ликвидировать все это, требуются терпение и мастерство — и колер подобрать надо так, чтоб тон не разнился, и так подштукатурить, подшпаклевать, чтоб комар носа не подточил. В общем, кропотливое это дело. И нашей-то бригаде, чуть что, его и поручали. А как Тоня ушла в отпуск, без нее доверять нам, видно, не очень стали и послали на новые площади. Ну, а где площади, там и заработок. Кто-то из девчат и скажи тогда: «Да что нам Шатухина? И без нее проживем». Один «доброжелатель» сообщил это Тоне.

А получилось что? Дня три только жили мы без нее хорошо. Потом похуже. А потом такая тоска взяла. И все-то у нас было — и инструмент, и краски, даже вышка для высотных работ... Не было только Тони — ее верного глаза, тепла... И стали мы считать дни до конца ее отпуска. А она не пришла. Бросились искать. Слышали, что живет она на частной квартире, а что это за квартира, не знали. Встретил нас ее муж, Вася. «Осторожно, — говорит, — не поскользнетесь». Оказывается, выплеснул он нечаянно воду на пол, а она тут же заледенела. И ведь печка топилась! Вася сказал, что они и по ночам ее с Тоней попеременно топят, чтоб не заморозить детей. И днем друг другу вахту сдают. Поэтому очень важно, чтобы Тоня поближе к дому работала.

Не могу и пересказать, как стыдно нам стало. К одному ведь привыкли: чтоб Тоня о нас пеклась. А как она сама бьется — и понятия не имели. Пошли мы в СУ-65 к начальнику Горохову. Верните, говорим, нам Тоню, а то работать не будем. Про квартиру, конечно, тоже сказали.

Закончилась эта история так: нашел Горохов Тоню на новом ее объекте, посадил в машину. «Каждый день твои девчата ко мне ходят. Надоело» — и на «Синтволокло». А здесь уже в поднебесье вымахал корпус ДМТ (диметилтерефталата). Тонины девчата должны были вести отделку его цехов. Чтоб их разглядеть, пришлось запрокинуть голову — они были на самой верхотуре, сидели на вентиляционных трубах, как мокрые курицы. «Бездельники», — пробурчала Тоня, а у самой комок подступил к горлу. Горохов подмигнул ей, сложил руки рупором:

— Что пригорюнились, орлы? Бригадира встречайте!

Что тут было! Воистину: кто не вкусил печали, тот не изведал и по-настоящему счастливых минут.

ДМТ они сдали досрочно. А вскоре Тоне дали квартиру. И еще праздники были: сдача каждого нового цеха проводилась торжественно. Теперь эти митинги, музыка, поздравления вспоминаются как прекрасный, красивый сон. Но самая первая их победа, отмеченная всего только одним человеком, врезалась в ее память так, словно это было вчера. А было это в начале ее бригадирства. Конечно, не в самом начале, какое-то время уже прошло; девчата научились и на работу вовремя выходить, и кисти в руках держать, да и вообще приохотились к делу. И какой-нибудь промелькнувший на их объекте начальник уже бросал им похода: «Молодцы!» А вот Фурсов Владимир Никитич долго не говрил им этого слова. Правда, приходил он к ним как специалист, а не как начальник. Придет, табуреточку подставит: а как там верхняя планка на двери выглядит? Зеркальце вынет, к трубе с обратной стороны приложит: покрасили? Позабыли? И если «позабыли»... Нет, ругать он не ругал, а только так посмотрит! Не презрительно, не уничтожающе. Даже осуждения в его взгляде не было. А одна боль.

— Так бы сквозь землю и провалился от этого взгляда. Представляете? — говорит Тоня.

Еще как представляю! Только что в подобной ситуации видела Тониных девчат, закапавших краской кафель. Но теперь на месте Фурсова была сама Тоня. Видно, ни один урок этого человека не пропал для нее даром — училась не только мастерству, но требовательности и такту. И, конечно, наступил день, когда Фурсов сказал им это заветное «молодцы». Его похвалу Тоня и считает самой главной победой своей бригады, без которой вряд ли смогли бы состояться все остальные. Ведь такие точность, тонкость, филигранность требовались от их работы при отделке производств синтетического волокна. К малейшей шероховатости, ложбинке, трещинке придирчиво относились английские эксперты. И это не была их прихоть: пыль, собирающаяся на неровностях, могла повлиять на ход технологического процесса. Но в конце концов могилевские строители изумили своей работой англичан: не за семь лет, как это было предусмотрено по нормам, а за четыре с половиной года они построили комбинат. И мистер Рэллис, представитель фирмы «Ай-Си-Ай», сказал: «То, что русские сделали в Могилеве, — это чудо».

Вот за это чудо Тоня Шатухина и получила золотую Звезду Героя. Как она восприняла это известие, что почувствовала? Конечно, была радость. Но не такая, как та, когда узнала она о первой, а потом и о второй звезде своего дяди — тракториста одного из целинных совхозов Владимира Ивановича Грибовского. Тогда ее радость была через край. Без забот. А когда наградили ее...

— Как бы это поточнее выразиться? — ищет Тоня сравнение. — Вот когда ходишь по музею, любишь картины, отдыхаешь вроде бы, радуешься, а только вдруг замечаешь, словно на каждое твое плечо положили по пуду. И здесь что-то похожее было. Награду вручали в театре — кругом торжественно, празднично, все нарядные, а у меня плечи к земле клонит. Такая ответственность навалилась.

Не о почете думала, об обязанностях. А они, конечно, росли: депутат, член президиума облсовпрофа, член бюро горкома партии. И во все надо вникать. Не убавилось забот и на стройке. Вот вчера комсорг управления привел одну. Трудная, говорит. Поручила ей Антонина Владимировна щитки покрасить. Покрасила — никуда. Люба Сорокина прошла потом заново. Попросила ее Тоня так это сделать, чтобы новенькая ничего не заметила. Потому что для нее сейчас, может, самое важное — в себя поверить.

Нет, никакие пути-дороги не увели Антонину Владимировну от ее мечты — педагогики. Они лишь прибавили ей еще одну любовь — стройку.

...У каждого из нас в жизни случайностей хоть отбавляй. Хорошо бы научиться управлять ими так же, как Тоня.

О. ВАСИЛЬЕВА

В Сумгайтском специализированном управлении механизации № 2 часто раздаются звонки:

— Направьте к нам Наталью Андреевну Куц.

И экскаватор «Э-302» спешит туда, где требуется срочная работа. За смену ковш Натальи Куц вынимает до 300 кубометров грунта при норме 250.

— Работаю в счет 1978 года, — говорит Наталья Андреевна.

Коммунистка Куц участвовала в строительстве таких крупных заводов в городе юности на Каспии, как суперфосфатный, предприятия производственного объединения «Сумгайтхимпром», вынимала грунт под фундаменты жилых домов и школьных зданий. Своим экскаватором, «стальным коньком», как говорит Наталья Андреевна, она вынула за 20 лет работы в СУМ-2 свыше двух миллионов кубических метров грунта.

Недавно механизатор Наталья Куц награждена орденом Ленина.

МИЛЛИОНЫ

НАТАЛЬИ КУЦ

К. ХРОМОВ

Фото А. ПИСМЯНА.

г. Сумгаит.

Женский комитет Университета дружбы народов

объединяет 800 девушек, приехавших в Москву учиться из 85 стран Азии, Африки и Латинской Америки. Прошедший год в их жизни был особым. Университет отметил свое 15-летие. Он был награжден орденом Дружбы народов.

Большая работа велась в рамках Международного года женщины. «Женщины мира в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс» — такая научно-теоретическая конференция проходила в университете. Студентки выступали с докладами и рефератами, участвовали в дискуссиях, были среди делегаток Всемирной встречи девушек в Москве. Девушки Бразильского землячества стали инициаторами проведения симпозиума латиноамериканских студенток на тему «Положение жен-

щины в Латинской Америке». Малийские студентки посвятили свой семинар проблемам эмансипации африканских женщин. Около двадцати девушек ездили по приглашению Азербайджанского общества дружбы в Баку, где их очень радушно принимали. Многие успешно работали в студенческих строительных отрядах на целинных землях и на трассе БАМа.

В преддверии XXV съезда КПСС женский комитет Университета дружбы народов разработал план ознакомления студентов с достижениями советского народа в разных областях экономики и культуры. В план включены встречи с лучшими труженицами Советской страны.

Л. КАБАКОВА

ВСТРЕЧА В РЕДАКЦИИ

Московские писатели приехали в редакцию «Работницы» в то время, когда в гостях у журнала находилась группа молодых передовиков производства из Ивановской области. И потому разговор получился общий.

Речь шла о жизни современной женщины-труженицы, о роли, которую она играет в решении многих государственных вопросов, связанных с хозяйственной и культурной жизнью страны.

Главный редактор журнала В. Вавилина познакомила со-

бравшихся с планами журнала и задачами, которые коллективу редакции предстоит решать в новой пятилетке.

Писатели Мария Прилежаева, Ирина Ирошникова, Вера Морозова, Валентин Ерашов, Ирина Стрелкова, Нина Бялосинская и другие рассказали о своих поездках по стране, о встречах с женщинами-работницами, героинями труда, о своих творческих замыслах. Они поделились мыслями о содержании и направлении работы нашего журнала.

МОЛОДОЙ ГВАРДЕЕЦ ПЯТИЛЕТКИ

Недавно орехово-зуевские текстильщицы поздравили молодую прядильщицу Валентину Локтеву со званием лауреата премии имени героев первых пятилеток М. М. Волковой и Л. И. Ананьевой. Валентина стала обслуживать не

1800 веретен, как раньше, а 2160. Такого еще не знали на Орехово-Зуевском хлопчатобумажном комбинате имени К. И. Николаевой.

Девятую пятилетку кавалер ордена Трудового Красного Знамени В. Е. Локтева закончила 11 августа 1973 года, а в декабре 1975-го выполнила второе пятилетнее задание, выпустив сверх плана 142 тонны высококачественной пряжи. Ей присвоено звание «Лучшая прядильщица СССР», Центральный Комитет ВЛКСМ наградил ее почетным знаком «Молодой гвардеец пятилетки».

Коммунист, депутат Верховного Совета РСФСР В. Е. Локтева руководит школой передового опыта — она обучила своей профессии 86 девушек.

Валентина — правофланговый молодежного соревнования за право подписать Рапорт Ленинского комсомола XXV съезду партии. В этом соревновании участвуют 58 тысяч молодых текстильщиц Московской области.

В дни работы партийного съезда Валентина решила обслуживать 2520 веретен, что составит 217 процентов к норме. Она взяла обязательство к 1980 году выполнить два пятилетних задания.

Г. ГОЛОВИНА

г. Орехово-Зуево,
Московская обл.

СКОРАЯ КУЛИНАРНАЯ СЛУЖБА

Какой бы вопрос ни возник у ленинградской хозяйки, она знает, что получит ответ, если наберет по телефону номер 19-08-60. «Скорая кулинарная слушает!» — ответят ей и охотно объяснят, как приготовить различные холодные закуски, супы, вторые блюда, компоты, кремы, кисели, как «спасти» пересоленный суп или засахарившееся варенье. Возглавляет службу заведующая производством ресторана «Нева» О. П. Соколова. По русской кухне справки дают опытные кулинары этого ресторана, а если кому-то понадобится рецепт кавказского или армянского блюда, служба связывается с коллегами из ресторанов «Кавказский» или «Баку».

Новая форма обслуживания

пользуется успехом у ленинградцев. Такие же «Скорые кулинарные» организовали рестораны «Метрополь», «Невский», «Москва».

А. КИРИЧЕНКО

На снимке: О. П. Соколова.

Фото И. КОНСТАНТИНОВА.

ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА

Пятидесятилетие супружеской жизни отметили Елена Григорьевна и Илья Петрович Деденевы из города Белгорода.

На снимке вы видите счастливых юбиляров, а рядом — дети: Ольга, Алексей, Александр, Иван, Владимир, Анна. Пятеро старших — коммунисты, а сам Илья Петрович — член партии с февраля 1939 года. Два партийных работника, два инженера, офицер милиции, медицинская сестра — младшие Деденевы — достойно трудятся каждый на своем посту.

...Анатолий Франс сравнил как-то время, дарованное каждому из нас, с драгоценной тканью, по ко-

торой мы вышиваем, кто как может. Что ж, этот рисунок прекрасен.

Ольга КИТОВА

Фото В. ГОРЕЛОВА.

Еще один Дом моды

Он открылся в Москве, в Измайлове. Отворив стеклянную дверь, вы входите в уютный, обитый светлой кожей салон. Стенды с образцами тканей, от плотных пальтовых драпов до легких шифонов, сразу привлекают внимание. В витринах — изобилие отделок и украшений для одежды. Здесь вы можете заказать из приглянувшейся ткани любую из выставленных моделей или «создать» собственную модель — в этом вам поможет художник-модельер.

Вы выбрали ткань, фасон и заказали платье. Но это еще не все! В Доме моды предусмотрено комплексное обслуживание. Здесь же в салоне можно отобрать на стенде образцы нижнего белья — его сошьют по вашей фигуре. Если вы заказали новое пальто, имеет смысл сразу подобрать к нему и головной убор.

А для тех, кто любит необычные, уникальные вещи, — большой выбор пальто, костюмов, платьев, разработанных модельерами Дома моды и изготовленных в экспериментальном цехе в единственном экземпляре: выбирайте, примеряйте. Нравится? Вам завернут, спасибо за покупку скажут.

В экспериментальном цехе работают закройщицы только перво-

го и высшего класса, а рабочие в цехах имеют высший квалификационный разряд — все они мастера — золотые руки.

Это уже третий Дом моды в Москве, а на проспекте Мира строится четвертый — еще более крупный и современный. Всего сейчас в России работают десять специализированных домов моды, а за годы новой пятилетки к ним прибавятся еще пятнадцать.

Ж. БУЛЬ

Фото Г. ИБЕРКЛЕЙДА.

Астры для Марии Биешу

Множество цветов получила за свою жизнь народная артистка СССР Мария Биешу. Но, наверное, особенно запомнился ей букет белоснежных, с пушистыми лепестками астр, который преподнесла ей цветовод Н. Л. Шарова.

Мария Биешу — любимая певица Нины Леонидовны Шаровой, старейшего научного сотрудника Ботанического сада АН Молдавской ССР. И когда появился на свет новый прекрасный цветок — результат ее многолетней работы, — Нина Леонидовна уже знала, как наречет свое дитя.

Астры «Мария Биешу» затмили своей красотой «Принцессу Анну», редкий и особо почитаемый знатоками сорт этих осенних цветов.

Скоро в саду Марии Биешу зацветут красавицы астры, названные ее именем: Н. Шарова прислала ей семена нового сорта. Расцветут они и в селе Волонтаровка, где родилась и выросла певица, под окнами дома, где живет сейчас ее мама.

Валентин СЫНЖЕРЯНУ

г. Кишинев.

АВТОР ЧУДО-ЗАКВАСКИ

Из одной и той же муки хлебопечники выпекают разный хлеб. В чем тут дело? Оказывается, очень многое зависит от закваски, которая по-разному способствует «созреванию» теста. Почти десятилетие работала над созданием заквасок доцент Джамбульского технологического института легкой и пищевой промышленности, кандидат технических наук Л. К. Островская. Недавно специалисты хлебопекарной промышленности смогли познакомиться на ВДНХ с жидкими джамбульскими заквасками для разрыхления теста из пшеничной муки. Одна из них, созданная из шести разновидностей дрожжей так называемой джамбульской расы, поднимает тесто прямо на глазах и помогает ему созреть в несколько раз быстрее обычного.

Закваска-новинка оказалась столь необычна, что Государственный комитет по делам изобретений и открытий выдал на нее Л. К. Островской авторское свидетельство.

Н. ХЛЕБОДАРОВ

Фото автора.

ЗАПАТЕНТОВАНО ЗА ГРАНИЦЕЙ

Недавно коллектив Таганрогского кожевенного завода поздравил Нину Ивановну Полянинову с присвоением ей звания «Заслуженный изобретатель РСФСР».

Полянинова на заводе более 20 лет. Работала мастером, начальником цеха. Сегодня она заместитель начальника заводской научно-исследовательской лаборатории.

Кожевенное производство, одно из самых старейших на земле, казалось, изучено досконально и нового здесь не изобретешь. Однако ученые стали думать над тем, как заменить растительные вещества, применяемые для обработки кож. В этом направлении вела поиск и Н. И. Полянинова.

В 1969 году ее работа по применению циркония для выработки кож была удостоена серебряной медали ВДНХ. А вскоре в производство было внедрено и другое изобретение Поляниновой — способ использования дубленой обрезки и отходов от варки клея для получения клеевой хозяйственной пасты. Эта паста нашла применение в строительстве. Вслед за этим Нина Ивановна разрабатывает метод получения из хромированной обрезки белкового гидролизата, который необходим не толь-

ко в кожевенной, но и в металлообрабатывающей и в косметической промышленности.

В производство внедрено 16 изобретений кандидата наук Н. И. Поляниновой.

На «Способ получения титанового дубителя», одним из авторов которого является она, получены патенты в США, ФРГ, Франции и Индии.

З. БЕСЕДИНА,
председатель совета ВОИР
Таганрогского кожевенного
завода
С. ЕМЕЛЬЯНОВ,
инструктор
Центрального совета ВОИР

М. ГАНИНА

Рисунок А. ЛУРЬЕ.

Как мгновенно проходит жизнь, как уплотняются, мелькая, дни, недели и месяцы, подбирается, съезживается то, что сзади,— и вот уже, оглянувшись, ты видишь совсем близко то, что недавно казалось далеким, а твое сегодня из этого далекого ведь некогда представлялось тебе недостижимым закатым временем.

Совсем вроде бы недавно мы с моей подругой Зинаидой решили завести тетради с «умными мыслями» и ревниво выписывали туда из других таких же тетрадей, из прочитываемых книг афоризмы типа: «Тихий голос — украшение женщины», «Разлука для любви, точно ветер для огня. Маленькую гасит, большую раздувает», «Тот, кто дает советы, но сам им не следует, подобен дорожному столбу, который дорогу указывает, но сам по ней не ходит», «Только пустой чашка кверху голову держит», «Разбитая любовь словно треснувшая чашка, сколько ни склеивай, трещину видно».

Эти тетрадки, разукрашенные постранично переводными картинками и вырезанными из старых открыток цветами, казались нам руководством к действию, серьезной первой вехой на пути к достижению непредставляемо-прекрасной будущей жизни. Я спрашивала недавно Зинаиду, сохранилась ли у нее эта тетрадь, она поглядела на меня удивленно: «А как же?.. Я иногда ее перечитываю, новое записываю, что услышу. Или стихи, какие понравятся, спишу. Мне ведь выступать часто приходится, помогает. Наши женщины поражаются, откуда я такие остроумные вещицы вставляю в выступления». «А моя потерялась с переездами...» — соврала я, отчего-то смутившись. Никуда, конечно, тетрадь не потерялась, не так давно снова попалась мне в руки, я полистала ее, подивившись: вроде, оглядываясь назад, думаешь, что особенно-то не менялся, всегда был, в общем, один и тот же, только одевался похуже да морщин было поменьше. Но какая же великая наивность и вера в непереносимость грядущего были в девочке, которая красивым почерком переписывала все это, и сколько трезвого скепсиса и взрослой боязни боли, нежелания движения было в той же самой, только ставшей старше на двадцать семь лет!..

Был уже другой, вернее, третий город в этой чужой стране, и другие люди окружали меня, пытались чем-то меня порадовать и получить от встречи со мной больше, чем предусмотрено официальным этикетом и скупым регламентом обязательных выступлений. Но мне желалось одиночества и тишины возле, я размыкала под удобным или неудобным предлогом кольцо чужих движений вокруг меня и сходила с предугадываемой другими орбиты.

Сегодня я после полуденного завтрака попросила перенести очередную встречу на следующий день, потому что даже позвоночником уже чувствовала напряженность программы, истощенность моего электричества оттого, что я все время говорю, говорю, улыбаюсь, слушаю, снова говорю и снова улыбаюсь и слушаю.

Я побрела по улицам куда глаза глядят, радуясь, что оставляет меня мало-помалу напряжение, что все внутри опять приходит в какую-то сносную соразмерность и готовность к восприятию окружающего.

Было тихое солнечное предвечерье, суббота, и людей на улицах попадалось немного, потому что они либо уехали на два дня в горы, либо копались на участках при доме, сгребали в кучи большие желтые листья каштанов и вязов и жгли их.

Улочки пригорода, просторно застроенные двухэтажными особняками, вымощенные бутылочно-зелеными плитками, были полны оранжевым солнцем, словно сухим деревенским вином, осень остро пахла, пронзая меня опять надеждой на жизнь, на занятую многократными свершениями неблизкое расстояние до последнего костра. Тянуло хлебным горелым запахом от тлеющих ворохов, рыхло выставляла, благоухала перекопанная заботливо земля, свежо и тревожно тянуло луком от пустых огородов. Пахли влажные плиты чистых тротуаров. Я шла от запаха к запаху, как по изгибам мелодии, включались мгновенные ассоциации и пропадали, другие сменяли их. Я остро, нежно люблю вечерние запахи. Иногда мне кажется, что моя чувствительность к запахам неестественна, неприлична. Я до сей поры помню мерзостно-сладкий дух пудры и нечистого белья, исходивший от нашей учительницы литературы в пятом классе, или жесткий аромат выжуренных папирос и хрома кожаной куртки — в том же пятом классе меня в наказание за болтовню с Зиной пересадили к новенькому мальчишке, и я влюбилась в него за этот взрослый запах.

Солнце село. На улицах стало серо и сыро, похолодало, погасли съеденные сыростью и прохладой запахи. Где-то еще витал слабый, огорченный запах дыма от осенних куч и поглубевший, точно голос сел от сырости, спустившийся ниже запах открытой земли. В окнах особняков зажигались неяркие огни.

Услышь свой час

Творчество Майи Ганиной хорошо известно нашим читателям. В разные годы выходили ее книги «Я иду тебя, человек», «Матвей и Шурка», «Зачем спилили каштаны», «Повесть о женщине» и другие. Совсем недавно издательство «Советская Россия» выпустило в свет сборник рассказов писательницы «Дальняя поездка».

Мы публикуем отрывок из новой повести Майи Ганиной «Услышь свой час». В ней, как и в предыдущих книгах, трудная женская судьба, выстраданная независимость, строгая взыскательность, обращенная в равной степени к себе и к людям, с которыми сталкивается жизнь. Новая героиня Ганиной — известная киноактриса, прошедшая путь от заводской самодеятельности к большому искусству.

Я шла и вспоминала своего единокровного брата. Отец, когда мне было лет пять, очень вдруг захотел, чтобы сын от первого брака Александр приехал к нам жить, стал списываться со своей первой семьей, читал мне письма Александра, показывал фотографию, где тот был снят со старшей, взрослой уже сестрой Тамарой. Было у него красивое, в отца, тонкое, пухлогубое лицо с заметным пушком на щеках. Слово «брат» обрело вдруг для меня тогда какой-то тайный, желанный смысл. Ложась вечером спать, я представляла, что к нам приезжает брат, а я сижу верхом на своей игрушечной серой в яблоках лошадке и смущаюсь от его взгляда. Дальше сцены приезда моя фантазия не шла, мать так и не отпустила Александра к отцу, и познакомились мы уже взрослыми, когда брата перевели из Сибири в Москву. Встречались иногда на отцовских днях рождения без особой приятности: Александр ревновал меня к той давней отцовской любви, предназначавшейся ему, а отданной мне. По-настоящему я его разглядела на поминках: он крепко выпил, к тому же нам теперь некого было делить, и я увидела, что брат — отличный, умный мужик, добрый, к тому же искренне горящий об отце, — жаль, что мы не подружились раньше.

Я захотела вдруг есть и вспомнила, что где-то недалеко по пути попадалась на глаза маленькая харчевня. Вскоре я заметила ее на противоположной стороне улицы и направилась к ней.

Из дверей харчевни вышел человек в белой куртке, щелкнул выключателем — зажглась вывеска, на которой изображался высокий ботфорт со шпорой, бутылка вина и цыпленок на вертеле. Надпись готическими буквами я разобрать не дала себе труда, потому что пожелала тепла, уюта и сытной мясной пищи.

Заказ у меня принял тот самый человек в белой куртке, по-видимому, хозяин. В маленьком зале, освещенном тусклыми старинными фонарями и полыхающим огнем настоящего камина, почти никого не было. Какая-то хипповая компания парней и девушек мледа возле огня, потягивая пиво из высоких кружек, да мужчина, явно кого-то ожидающий, прихлебывал красное вино, заедая мелким соленым печеньем.

Хозяин посоветовал мне взять салат из сельдерея, суп из куриных потрохов, свинину, поджаренную на решетке. Я попросила сухого вина...

Боль об отце, горькое нежелание жить колыхались во мне перед отъездом и все время в поездке. Но сегодня дорога по пригороду, осеннее стояние солнечного света в чистых старых улицах, соленый запах лукового пера с опустевших огородов словно бы разомкнули что-то, подарили надежду на будущее.

Когда хозяин принес мне глиняный горшочек с супом, я спросила сигарет и закурила, не торопясь нарушить янтарную поверхность похлебки.

...Я подумала о себе деловито и с удовольствием. Перед отъездом мне позвонили из одного московского театра и сказали, что они будут ставить «Трамвай «Желание», что у них есть идея пригласить меня на роль Бланш. И хотя я тогда была вся в грустных хлопотах, но тем не менее сообразила, что выдача на этот лотерейный билет может быть крупной, ежели, конечно, я потяну роль. Репетиции начинались сразу после моего возвращения, я думала сейчас о них со сладким страхом, желала их, желала опять забытой уже атмосферы театра, желала себе этот суматошный дом, более родной и необходимый мне теперь, чем мое опустевшее жилье... А роль была моей. Гениально моей. Я слышала горькую сдвинутость психики, нервное, напряженное ожидание обиды, нетерпеливую жажду доброты и счастья, невозвратность опрометчиво совершенного. Я видела мелкую несобранность ее движений и незавершенный, начинаемый на высокой ноте смех и жест королевы, которым она поправляет волосы. Она жаждала той самой внутренней свободы, уверенности в себе, которую я вдруг обрела, жаждала быть неподсудной. Но судила себя сама изнутри судом окружающих ее недобрых и неумных людей, потому была жалкой, потому погибла.

Я расплатилась, поймала такси и приехала в гостиницу. Постель была разобрана, горел ночничок, словно кто-то родной был здесь недавно, вышел на минуту и сейчас вернется. Я приготовилась счастливо думать о роли, но вдруг вспомнила Алешку.

Вспомнила, как увидела его в первый раз, это было на втором курсе, осенью, мы с подружкой, теперь известной актрисой, пришли на занятия сценическим движением. Вошли в зал — там был тоненький смуглоте-лый юноша в тренировочных брюках, чернокудрый, черноглазый, он стоял, раскинув руки, напряженный, как струна. Мгновение — музыка снова заиграла, юноша сделал пируэт, потом прыжок, потом изогнулся, руки поникли, загорелая спина с глубокой ложбинкой вдоль позвоночника сломилась, словно бы потекла вниз в бесконечной скорби, словно была стволем, начинающим эти прекрасные трагические руки.

Так я его увидела и влюбилась. А Алексей рассказывал мне, что впервые увидел меня на том же втором курсе в расчетном спектакле: я играла Кармен — инсценировку по Мериме. Кстати сказать, за эту курсовую работу я была приглашена известным режиссером на роль, сделавшую меня тогда знаменитой, а после окончания ВГИКа — в областной театр на роль Мирандоллины в спектакль «Хозяйка гостиницы» Гольдони. В том курсовом спектакле я танцевала мало, потому что жаждала не хореографии, а драматургии. Однако пластически эта

роль была решена мною именно в ритме знаменитого испанского танца, — тогда я ничего не понимала в необходимости ритмического построения рисунка роли, просто слышала внутри, что эта испанка должна двигаться именно так: чуть прыгающей, неровной походкой, с медленными поворотами, долгими паузами и неожиданной стремительностью реакций. Меня ходила смотреть вся театральная Москва, Алешка смотрел спектакль каждый раз, как его повторяли, и тоже влюбился.

Я подумала, что, в общем, всю жизнь не была добра к Алешке, словно бы не слышала его существования возле себя, хотя он заслуживал лучшего: ровно веселый, терпеливый и, несомненно, любивший меня. Что с ним будет сейчас? Он не выносил одиночества, не умел быть один, всегда окружал себя шумом, людьми, любимыми друзьями, не имевший врагов. Он всю жизнь прожил за мной, ни о чем не заботясь, большой — избалованный еще дома, заласканный бабушками, тетюшками, мамой — ребенок.

Что он станет делать, вернувшись из экспедиции? Женится? Дай-то бог. Я его жалела, но представить, что мы снова сойдемся, мне было уже невозможно: чужой это стал человек. Между прочим, отец с Алексеем никогда не любили друг друга, сейчас я вспомнила об этом словно бы в оправдание себе.

Перед моими бессонными глазами пошли обрывки историй, которые когда-то рассказывал отец, желая не столько развлечь нас с сестренкой, сколько выговориться, окружить себя словами и событиями прошлой жизни, когда он не был еще стариком на пенсии и от него зависели в какой-то мере повороты судеб. Рассказывая, отец загорался, наполнялся внутренним движением и волей к свершению, которые, увы, уже некуда было приложить...

Утром меня разбудил звонок, я сняла трубку и дважды переспросила, не поняв, чего от меня хотят, голос в трубке вдруг стал близким и чистым, там сказали:

— Это Мария Викторовна?.. Маша, это Юрий Бекетов, не помнишь?.. На заводе?

Я вдруг вспомнила начисто забытого замухрышечку Юрку, который работал у нас в цеху электриком и был, кажется, влюблен в меня. После он поступил в техникум на вечернее отделение, потом я ушла во ВГИК и думать про него забыла.

Голос был весел и напорист, и мне вдруг захотелось, наплевав на программу, поехать (всего час на поезде) к нашим специалистам — электрикам, устанавливающим оборудование на металлургическом комбинате.

— Маша, — кричал в трубку Бекетов, — я так обрадовался, когда тебя по телевизору увидел! Мы все обрадовались, ты не представляешь как! Приезжай непременно, мы тебя так встретим!

Они окружили меня на платформе возбужденные, веселые — и мне сразу передалось их радостное настроение. Я пыталась разглядеть их по отдельности, узнать, который же Юраша, но они все разом хотели взять меня под руку, говорили одновременно, смеялись, и я, подхваченная этим мужским веселым шोरшем, тоже говорила возбужденно, кокетливо, поправляла волосы на затылке раскрытой ладонью, откидывая назад голову — «королевский жест», репетируемый мною уже для Бланш. Потом меня взял за плечи плотный и совершенно лысый мужчина с веселым круглым лицом, спросил:

— Не узнала? Тридцать почти что лет прошло. А ты стала еще красивой. С завода ребят не видишь?

— Зинаиду. Помнишь?

— С тобой она ходила.

— Я с ней.

— Она с тобой... Я ведь влюблен в тебя был. Поехали, значит, сначала к нам, с дороги отдохнешь, потом мы тебя в цех стаскаем, покажем, чем занимаемся, ведь ты нашенькая, заводская, оценишь... Сколько сложной электроники мы здесь установили... А потом соберемся, посидим, все очень хотят с тобой встретиться, любят тебя.

— Давайте сразу на завод, я не устала.

Они таскали меня по цехам, показывая ряды ящиков, похожих на автоматы для газировки, — этими ящиками были довольно плотно заставлены тринадцать ярусов подземных помещений. Хором объясняли мне, что происходит в этих ящиках, почему так прекрасно, что их много и все они набиты разноцветными проволочками и коробочками. Я шла, смотрела, ничего абсолютно не понимала, но радовалась их радости и чуть хвастливому довольству тем, что они сделали, вспомнила, что перед войной у нас еще «давали мануфактуру» по десять метров в одни руки, на заводах наших полно было иностранных консультантов, а сейчас Юрка Бекетов, который бегал по цеху, грохая деревянными бахилами, показывает мне всякие сложные штуки, которые он наставил тут за границей, а будущий начальник этого зала, специалист-электрик, уважительно называет Юрку «золотая голова». Я была рада тому, что они все разговаривают со мной с веселым уважением, немного даже робко, значит, правда «любят», и выходит, не все то, что позади, напрасно?..

С наслаждением слушала их русскую речь, по которой успела соскучиться за две недели, купалась в музыке родного языка, жаждала еще слов, упругих, точных, имеющих над моей душой неподдельную власть. Я смолodu служила Слову, но только здесь, теперь вдруг счастливо поняла, что Слово объединяет и разъединяет, пронзает сердца и высушивает души.

Нора Фромета, министр легкой промышленности Республики Куба.

Фидель Кастро назвал перемены, происшедшие в жизни кубинских женщин за семнадцать послереволюционных лет, революцией внутри революции.

Непосильный труд от зари до зари в поле... Горькая доля прислуги в богатом доме... Отчаянное положение женщины, торгующей любовью за кусок хлеба и несколько жалких песо,—вот удел кубинки в недалеком прошлом.

Могла ли раньше простая кубинка мечтать о политической и государственной деятельности? С этого и предстояло мне начать разговор с министром легкой промышленности Республики Куба Норой Фромета.

Нора встретила меня с улыбкой. Иссиня-черные волосы, смуглая кожа, лучистые, добрые глаза. Ум, энергия, женственность. Женщина-министр!

...Ее отец был рабочим табачной фабрики в Сантьяго. В семье росли восемь девочек. Бедствовали, голодали. Но родителей не покидала дерзкая по тем временам мечта дать дочерям образование. Многим соседям это казалось даже блажью: зачем женщине специальность? Ее дело—дом, дети, муж. Однако мать и отец из последних сил старались учить своих девочек. Самой способной из них была Нора. Она закончила школу, затем среднее коммерческое училище и стала бухгалтером. Учиться дальше было не по карману. И Нора поступила на работу. Не без труда, потому что в деловые качества женщины-бухгалтера мало кто верил. Только после революции Нора смогла продолжить образование.

Когда, сразу после революции, на Кубе был создан Национальный институт аграрной реформы, экономическим директором одного из его отделений—зоны сельскохозяйственного развития в Гуантанамо—назначили Нору Фромета. Увеличение производства сахарного тростника, механизация его уборки, строительство крупных водохранилищ, повышение урожайности институтом в тесном контакте с советскими специалистами. И по сей день институт получает разностороннюю помощь нашей страны.

В 1960 году на Кубе началось создание женских организаций. Революционное правительство придавало этому очень важное значение, выдвигая на работу среди женщин своих убежденных бойцов, имеющих опыт организаторской работы. Нору Фромета направляют в провинцию Орьенте для организации местного отделения Федерации кубинских женщин. Дело трудное, ответственное. Надо вовлекать женщин в производственную и общественную деятельность, надо помочь им раскрыть свои способности, избавиться от традиционного представления о своей неполноценности, неспособности занять подобающее место в обществе, в собственной семье. Надо убедительно и

ЕЕ БОЛЬШОЕ ХОЗЯЙСТВО

умело разъяснять роль, которую они могут и должны играть в жизни страны.

На первых порах Нора не всегда четко представляла, как надо действовать. Бывали срывы и неудачи. Старый уклад жизни диктовал кубинке безропотно повиновение церкви, главе семьи. А Нора ходила из дома в дом, собирая за столом для душевного, откровенного разговора и свекра, и мужа, и сына женщины, убеждая в том, что настал момент поновому взглянуть на мать и жену, увидеть наконец в ней человека, равного себе. Она бывала в самых отдаленных селениях, выступала на женских собраниях, призывала женщин наравне с мужчинами подниматься на строительство новой жизни.

Это было время, когда империализм предпринимал одну за другой вооруженные вылазки против революционной Кубы. Начало 60-х годов. Плайя-Хирон и Плайя-Ларги. Борьба с вооруженными бандитами. Диверсии. Убийства. Нужно было готовить женщин к жестоким классовым боям. Организовывались женские бригады первой помощи, отряды революционной милиции, способные встать в ряды защитников родины.

...Нора Фромета—в провинции Камагуэй. Она избрана генеральным секретарем Федерации кубинских женщин провинции и развивает кипучую деятельность, мобилизуя женщин на

образцовое проведение сафры, разведение новых плантаций сахарного тростника. Другая ее забота—научить неграмотных женщин читать и писать. Особое внимание—самым отсталым и бесправным среди них—крестьянкам и бывшей прислуге. Для них организируются специальные школы. Учебные программы предусматривают не только повышение образовательного уровня. Ведь не менее важно воспитывать политическую сознательность. Федерация уделяет много внимания и домашним хозяйкам. Их необходимо вырвать из узкого мирка обыденных интересов, привлечь к жизни страны. Надо было решительно покончить и с самой позорной формой эксплуатации женщины—с проституцией.

Куба строила новую жизнь, и без участия женщин эта задача не могла быть успешно решена. 1964 год был годом массового притока женщин на производство. Их стало вдвое больше по сравнению с последним дореволюционным годом.

...Принесли кофе. Горячий, ароматный, без него не обходится на Кубе ни одна беседа. В распахнутое окно вливалось щедрое солнце. Перед глазами расстилался необъятный голубой простор Гаванской бухты, слышалась перекличка судов, стоявших на рейде. Кабинет скорее напоминал жилую комнату: такой уют способна создать вокруг себя только женщина.

Я сказал об этом Норе.

Она улыбнулась: действительно, в этом кабинете проходит у нее большая часть дня.

Министр легкой промышленности... Трудно ли ей работать на этом посту?

— Мы все хорошо знаем, с каким доверием относится наша революция к женщинам, способным выполнить сложные и ответственные задачи,— улыбается Нора Фромета.— Об этом неоднократно говорил товарищ Фидель. Но, к сожалению, некоторые товарищи этого еще не осознали, не поняли. Стоит вспомнить реакцию многих работников министерства, когда я получила назначение на этот ответственный пост! Кое-кто из них явно сомневался в моих способностях руководителя. Но постепенно, по мере нашего знакомства, эта реакция стала уступать место доверию, без которого нельзя было бы делать общее дело. И те же самые люди стали оказывать мне самую горячую поддержку. Дух коллективизма помог преодолеть все предрассудки.

Помолчав немного, Нора добавила:

— И все-таки очень важно, чтобы во всех случаях жизни женщина, какую бы работу она ни выполняла, всегда сохраняла присущие ей качества: деликатность и вместе с тем мягкую настойчивость, чуткость и преданность сердцу. Нора Фромета говорит о том, что из года в год увеличивается доля женского труда на производстве:

— Женщины, работающие в системе министерства легкой промышленности, составляют 43 процента всех рабочих и служащих, занятых на предприятиях отрасли. Однако в текстильной промышленности и на традиционных кубинских промыслах эта цифра гораздо выше—60—70 процентов. Планы развития легкой индустрии предусматривают создание новых предприятий. И, конечно же, там будет работать много женщин.

С помощью Советского Союза на Кубе модернизируются и расширяются многие предприятия легкой промышленности, такие, как текстильная фабрика в Аригуанабо. Рабочие этой фабрики были настоящими героями в трудные для революции апрельские дни 1961 года, во время событий на Плайя-Хирон. Сформированный здесь 120-й батальон с оружием в руках сражался против наемников, вторгшихся на кубинскую землю. Среди бойцов рабочего отряда было много женщин и девушек. Нынче этот коллектив славится трудовыми делами.

В рабочем поселке Аригуанабо, в особняке бывшего управляющего фабрики Хеджеса, размещен детский сад. Возле фабрики разбит фруктовый сад, посажены огороды, снабжающие овощами и фруктами школьные и рабочие столовые, построена поликлиника.

В большом хозяйстве Норы Фромета и предприятия обувной промышленности, которые выпускают изящную современную обувь, и швейные фабрики, одевающие кубинцев, и мастерские, где создаются прекрасные произведения традиционных кубинских ремесел, и парфюмерные предприятия, и фабрики по производству моющих средств.

— Заботы большие,— говорит Нора,— но дело это мне поручено партией, доверено революцией, и я не могу, не имею права не справиться со столь высоким поручением.

Минувший год был знаменательным для кубинских коммунистов. Состоялся первый съезд Коммунистической партии. В его работе принимала участие и делегат Нора Фромета. Сидя в переполненном торжественном зале, она чувствовала себя счастливой от причастности к делу тех, кто со словами «Родина или смерть» шел в бой за независимость отечества, кто воевал за свободу народа, за право строить социализм. Вместе с партией коммунистка Нора Фромета трудится во имя счастья сегодняшнего и завтрашнего дня социалистической Кубы.

В. ВОЛКОВ

ВЕРИМ В ПОБЕДУ

Уругвай—небольшая страна, расположенная в Южной Америке. Ее население—около 3 миллионов человек. В июне 1973 года в стране при поддержке вооруженных сил был совершен государственный переворот, в результате которого был распущен парламент, приостановлена, а затем и запрещена деятельность всех прогрессивных партий, крупнейшей в стране профсоюзного объединения—Национального конвента трудящихся. Брошены в тюрьмы многие лидеры и активисты прогрессивных партий и организаций. Объявлена вне закона Коммунистическая партия Уругвая. Но коммунисты не сложили оружия. В подполье, в нелегальных условиях они продолжают борьбу против царящего в стране террора. За интересы трудящихся, за национальное и социальное освобождение вместе с коммунистами выступают сегодня тысячи уругвайцев.

6 ноября 1975 года в Москве состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Первым секретарем ЦК Коммунистической партии Уругвая Р. Арименди. Товарищ Брежнев во время этой встречи заявил, что коммунисты и все советские люди осуждают репрессии против коммунистов и демократов Уругвая. Он выразил твердую уверенность, что уругвайский народ добьется свободы, демократии и социального прогресса.

Ниже мы публикуем письмо, которое прислала в редакцию «Работницы» уругвайская патриотка **Моника БЕНАВИДЕС**.

Все мы испытываем глубокую боль и скорбь за нашу страну, за судьбу народа, судьбу своих детей. В последние годы через уругвайские тюрьмы прошли десятки тысяч патриотов, борцов за свободу и демократию. Тысячи из них все еще находятся в застенках, в концлагерях. За последние месяцы преследования усилились, осуществляются массовые аресты. Особенно жестоким пыткам подвергаются коммунисты. В тюремные камеры бросают и социалистов, христианских демократов, прогрессивно настроенных военных, журналистов, священников. Среди узников—сотни женщин. Разные по возрасту—порой почти дети,—разные по образованию, происхождению, политическим взглядам, они арестованы за любовь к родине, за мечту о лучшей доле для своего народа.

Наших женщин подвергают зверским пыткам. Представьте себе только пытку электрическим током! Перечислить имена всех женщин-политзаключенных значило бы занять сотни страниц. Ограничусь некоторыми: Мария Элена Виера де Агерре—бывший ректор крупнейшего в стране педагогического института. На преподавательской кафедре—38 лет. Арестована 2 года назад. С тех пор находится в заключении в центральной тюрьме. Предъявленное обвинение: ее студенты проводили собрание в защиту погранной демократии.

Элена Роландес—работница швейной фабрики «Эверфит». Была уволена с работы за участие в известной всеобщей забастовке, проведенной рабочими Уругвая в июне—июле 1973 года. Один из самых популярных руководителей профсоюза текстильщиков. Образованна, блестящий оратор, представляла уругвайский рабочий класс на международных форумах. Элена была подвергнута самой бесчеловечной пытке, какую можно придумать для матери. Палачи угрожали ей смертью единственного сына, если не выдаст своих товарищей по борьбе.

Беатрис Этчепаре. Более 25 лет педагогической деятельности. Директор школы в небольшом городке Кучилья Альта. Профсоюзный руководитель своего района. Была арестована и предана суду военного трибунала. Находится в заключении уже более 2 лет. Плохое питание и ужасные условия заточения серьезно подорвали ее здоровье.

Тереса Майорана—работница текстильной фабрики «Луаса», где она трудилась с детских лет. Ее любили и уважали за кристальную честность, прямоту и бесстрашие. Брошена в тюрьму за распространение листовок Национального конвента трудящихся, действующего в подполье и призывающего рабочих бороться за свободу, демократию и улучшение жизненных условий.

Грубым издевательствам подверглась всеми любимая и уважаемая товарищ Хулия Аревало де

Роче. Ей 74 года. Всю жизнь Хулия Аревало отдала борьбе за дело рабочего класса. В 1920 году участвовала в создании КПУ, работала в партии на руководящих постах. Она—первая женщина-сенатор в Латинской Америке. Являлась одной из основательниц МДФЖ. Играла видную роль в движении солидарности с Советским Союзом в годы борьбы против германского фашизма. Недавно солдаты ворвались в ее дом и разграбили его.

Среди арестованных в последнее время—ученый-математик с мировым именем, бывший депутат парламента, член Исполкома Компартии Хосе Луис Массера; рабочий, вожак, руководитель профсоюза железнодорожников, бывший депутат парламента, член Исполкома Компартии Альберто Альтесор; вице-президент Национального конвента, бывший депутат парламента, инженер Владимир Турянский. Уже более года томится в застенках один из секретарей ЦК Компартии Уругвая Хайме Перес. Арестованы десятки женщин-коммунисток. Среди них: Сельва Браселли, бывший член совета департамента Монтевидео, вожак студентов архитектурного факультета, мать двух малолетних детей; химик Алисия Карасус, преподаватель Сара Йотчак, учительница Соня Васкес, агроном Алисия Россано.

Арестованы еще сотни человек, местонахождение которых неизвестно. Группы людей в штатском без предъявления каких-либо документов, действуя методами, которые можно сравнить лишь с тем, что творит в Чили фашистская хунта Пиночета, увозят мужчин и женщин, отказываясь сообщить родственникам место их заключения. О состоянии здоровья и положении заключенных передаются понаслышке отрывочные сведения. Многие погибают, не выдержав жестоких пыток. Среди них—24-летняя преподавательница, член Союза коммунистической молодежи Нибия Сабальсагарай; отец четырех детей служащий Альваро Бальби, 31 года; Педро Лерена Мартинеса, 33 лет; 63-летний Карлос Куручаг.

Жертвы, понесенные уругвайским народом, огромны. Но этот террор—свидетельство бессилия тех, кто, захватив власть, не может разрешить тяжелые экономические проблемы, приносящие страдания народу. И мы продолжаем свою борьбу с верой в победу, опираясь на поддержку и помощь наших друзей во всем мире. Мы высоко ценим солидарность многомиллионного народа Страны Советов, выступающего за мир, социальный прогресс, против реакции и насилия, в защиту демократических свобод и законных прав человека. И сегодня мы благодарим всех, кто поддерживает нашу борьбу.

С искренним уважением

Моника БЕНАВИДЕС.

СКОРЕЕ БЫ ЗАВТРА!

В столярный цех я попала случайно. Мечтала о сельскохозяйственном институте, а поступить не пришлось. Нужно было идти работать, кормить и одевать себя. Думала: поработаю и поступлю в институт на следующий год.

Цех, заполненный деревянными заготовками, станками, досками, показался мне чужим и враждебным, а все женщины — неразговорчивыми и сердитыми. «Как я буду здесь работать?» — появился испуг.

«А вот твой учитель — Клавдия Ефремовна Шеина». Женщина высокого роста глянула мне в лицо. Я успела заметить ее большие серые глаза, темные упрямые брови, морщинки. Она добродушно улыбнулась, и весь испуг пропал.

Работа оказалась не из легких. Здесь в основном заготавливают детали для сборных домов, дверные и рамные блоки, плинтусы, делают простую мебель — столы, стулья, шкафы, шлюпки для самоходов и прочих судов.

Первые дни я приходила домой очень уставшая, руки и ноги в садинах. Хотелось все бросить и убежать. Но тут на помощь пришла Ефремовна, так зовут все Шеину. Нет, она не давала легкой работы, а как-то нашла подход ко мне, добавила силы. «Никогда не бойся труда, каким бы он ни был», — запомнились мне ее слова.

Бригада наша работает посменно, разбившись на две половины. Первая смена разделяет лес на не обработанные пока детали, другая строгает, пилит, долбит, шпунтирует. К утру заготовка деталей для сборки домов должна быть готовой. Но в работе всякое бывает: подстерегают и неудачи — рвутся ремни, тупятся ножи. Как-то мы срочно готовили форточковые шипы, но лопнул ремень, станок замер. Что делать? Ведь шипы к утру непременно нужны. Без них форточку не соберешь, а без форточки и раму в блок не сможешь вогнать. У столяров будет из-за нас простой. Идти за ремонтником в поселок — далековато, да и поздно уже было. И тут Ефремовна сама сшивает ремень — вновь загудел станок, работа продолжается. Назавтра сборка форточек шла по графику. «Человек всегда должен делать то, что может, что в его силах», — говорит Ефремовна. — Если рассуждать, что то не мое, другое не мое, куда мы придем?»

И мне понравилось здесь, в цехе. Понравилась эти неразговорчивые женщины, которые в любую минуту помогут, и не только в работе, но и в домашних делах.

У Клавдии Ефремовны я уже шестая ученица. Старшая из нас более десяти лет проработала и столярное дело знает превосходно, ударник коммунистического труда, ее портрет на доске почета.

«Семь раз отмерь — один раз отрежь!» — частенько напоминает нам Ефремовна старинную русскую поговорку. Конечно, бывал у меня

брак в работе, но Клавдия Ефремовна никогда не кричала на меня, не упрекала и потом. Спокойно покачивает головой и спросит: «Как ты думаешь, что из этого можно сделать, на что оно еще подойдет?» А затрудняюсь ответить — сама отвечает. «Будь внимательнее», — скажет потом, улыбнется, подмигнет и продолжает свое дело. А другой раз увидит, как у меня что-то не ладится, возьмет деталь из рук и вновь все объяснит, покажет, как правильно заправить деталь, чтобы работа шла быстро, качественно, и тут же успокоит: «Все мы так начинали».

Стала я теперь меньше уставать, и работа нравится. Может быть, это потому, что рядом моя наставница.

...Ефремовна в цех пришла с самого его рождения. Сначала работала на строительстве барж, тогда все делалось вручную. Строгали брусья простыми рубанками, носили, взявшись втроем-вчетвером за брус. Сами строили и столярный цех, здесь Ефремовна потом и осталась. Сейчас ей уже за сорок — двадцать с лишним лет отдала работе в столярном цехе. Она ударник коммунистического труда, ее имя занесено в Книгу почета. На похвалу у нашей Ефремовны характер скуповатый, но и ругать не умеет. Ее все уважают: в цехе, в управлении, уважают соседи. Мне кажется, не только уважают, а любят, и я иногда ее ревную. Скучаю, когда ее нет. Ушла Ефремовна в отпуск, а я с нетерпением ждала того дня, когда она вновь придет в цех, улыбнется, положит руку на плечо и спросит: «Ну, как ты тут?» Мне хочется, чтобы во мне она увидела себя, чтобы ее никто не смог попрекнуть плохим учеником.

Прошел год, и мне не захотелось бросать цех, Ефремовну, к которой я привязалась. Мне кажется, что я уже не смогу без своих деталей, без запаха леса, смолы, без стружек и опилок, которые первое время казались противными. Интересная работа. Из наших деталей собирают на радость людям хорошие дома. Они идут на дальний север — в Нижнеянгск, Тикси, Мирный, Айхал и многие другие места.

Ефремовна, мой учитель, привила мне любовь к замечательной профессии домостроителя.

...Рабочий день подошел к концу. Смолк шум станков, начинается пересменок. Идем домой, а мне не хочется, потому что увижу Ефремовну только завтра!

А. ТЕТЕРИНА,
столяр

пос. Пеледуй,
Якутская АССР.

ГОРЖУСЬ СВОИМИ УЧЕНИКАМИ

Знаете, о чем я думаю, когда ко мне приводят новенькую из ГПТУ и у нее не сразу ладится дело? Вспоминаю свою первую неделю в цехе. Учили нас прямо у машин, и все девчата, что со мною поступили, как-то быстро наловчились, а у меня никак дело не шло. «Что ж это, — думаю, — все уже нить присучают, а я никак веретено не остано-

лю!» Хватя его пальцами, а оно крутится бешено, руку и обожгла. Перевязала — и опять к машине. А Нина Фомина, что меня учила, говорит: «Учиться надо медленно, работать будешь быстро!» Так вроде и вышло. Сейчас мой наставник Нина Фомина — мастер нашей смены, Нина Алексеевна.

А я сама теперь наставник молодежи — у меня проходят практику девочки из ГПТУ № 22 имени Островского. Вот говорят: «Сто планошниц прошли через ее руки». А я так скажу: не через руки, а через душу. Работать с ученицами очень трудно, чего скрывать. Сначала я к ним присматриваюсь, стараюсь изучить их характеры. Ведь все разные. И если кто-нибудь не смог меня понять с первого раза, я не обижаюсь, а стараюсь терпеливо дожидаться, пока девчонка освоится с операцией. (Ведь и она переживает, как я когда-то: «Ой, все уже присучают, а я что же!»)

Вот несколько лет назад была у меня Люда Л., трудная ученица. Люду выгнали из бригады за плохое поведение, а я взяла ее к себе. Работа Люде не нравилась, уехать она собиралась. Сколько терпения нужно было, чтобы помаленьку ее перебороть! И переборол. Сейчас она работает в нашем цехе, вышла замуж, все у нее ладится.

Последние мои ученицы — Зина Ярцева, Надя Пототная и Вера Кравченко — не только окончили училище на «4» и «5», но и работают хорошо, продолжают учебу в вечерней школе. А скоро приведут новых птенцов (это я их так про себя называю), как насадка, к ним привыкнешь, потом так жаль расставаться.

У меня больше ста учеников, многие из них уже имеют свои семьи, воспитывают своих детей, но самая большая для меня награда — что из них вышли хорошие текстильщицы, настоящие мастера. Многие мои ученики стали сами наставниками. Захожу я в цех, как в дом родной, все знакомо, со всеми здороваюсь при встрече и думаю: «А ведь это мои птенцы такие стали». Две девочки — Таня Пехтелева и Люба Сердюк, хотя и уехали из нашего города по семейным обстоятельствам, пишут мне, что обе работают на фабрике, и я уверена, что они и там будут хорошо трудиться. Так что своими учениками могу гордиться!

З. ДУБРОВИНА,
планошница Камышинского
хлопчатобумажного комбината

На снимке: Зоя Пантелеевна Дубровина и ее бывшая подшефная Зина Ярцева.

Партийное поручение

— Здравствуйте, милые женщины. Начинаем очередную встречу в клубе «Улыбка», — негромко говорит в микрофон женщина в строгом белом костюме.

И стихает большой зал Дворца культуры Днепродзержинского вагоностроительного завода имени газеты «Правда». Люди, полные радостного ожидания, улыбаются Валентине Константиновне Крайнюк, улыбаются как старой знакомой.

Двадцать лет Валентина Константиновна заведует приемной одного из отделов горисполкома. В городе ее хорошо знают и любят. Идешь с ней по улице, и поговорить некогда — то кто-то окликнет, то поздороваешься, то остановит посоветоваться...

Что же это за клуб — «Улыбка»? И почему так сердечно относятся люди к его руководителю Валентине Крайнюк?

Начало

Валентина Константиновна пришла в горком партии по делам исполкома. Идет по коридору, и вдруг — табличка: «Председатель городского женсовета». Зайти, может быть? Сама была когда-то женоргом. Толкнулась — дверь заперта... И все равно вскоре так получилось, что зашла Валентина Константиновна в двери женсовета: Людмила Григорьевна Лесничая, товарищ по работе, позвала в городской комитет партии на совещание общественниц. Обсуждали один вопрос: нужен ли городу клуб женщин? В Днепродзержинске около двух десятков дворцов и домов культуры, кинотеатры, клубы. Есть ли смысл создавать специальный женский клуб? Однако мнение собравшихся было единодушным: должен быть такой клуб, где женщины, отложив все домашние дела, могли бы отдохнуть, попеть, послушать стихи, интересную беседу, наконец, просто поговорить за чашкой кофе или чая. Назвать клуб решили «Улыбка». Уж очень всем хотелось, чтобы приносил он женщинам хорошее настроение.

Руководителем клуба избрали Лесничую, а когда у нее тяжело заболел муж, возглавить правление предложили Валентине Крайнюк.

— Это — твое партийное поручение, — сказали ей в горкоме партии.

О любви и о тебе

Как в клубе, со сцены, говорить о любви, чтобы избежать трафарета и излишней назидательности? Об этом спорили на правлении клуба. Искали, что лучше: лекция, беседа? Хотелось найти что-то более душевное. Крайнюк предложила: вечер в стихах и песнях. Молодежь из клубного актива усомнилась: получится ли? Все же решили попробовать.

На очередную встречу в Литературном кафе клуба «Улыбка» (кафе это — одна из придумок Валентины) собрались гости.

На столиках — первые весенние цветы. В голубой гостиной Дворца культуры мягкий свет. Звучат стихи о любви и верности, о ревности и женском достоинстве. И песни — веселые, шуточные, грустные.

А потом здесь же, за столиками, знакомились с семьями, по двадцать, тридцать лет счастливо пронесли уважение и любовь друг к другу сквозь ненастные дни жизни.

Успех встречи «О любви и о тебе» превзошел все ожидания. Шесть заводских дворцов культуры решили провести такие же вечера и воспользоваться сценарием. «Улыбку» нарасхват приглашали в рабо-

чие общежития, училища. Валентина Константиновна ликовала: удача! А сценарий этой встречи, как и многие другие, создала она сама.

Передайте подарок!

У входа в воинскую часть остановился автобус. Шумно переговариваясь, выходили из него женщины, нагруженные пакетами, корзинами с фруктами, домашними пирогами, банками варенья. Шефы — клуб «Улыбка» — приехали в Днепропетровск, к солдатам, чтобы, как они говорят, «накрыть мамин праздничный стол». Это вошло в обычай, стало традицией.

К автобусу подошла старушка. Обращаясь сразу ко всем, протянула сверток: «Вот, пожалуйста, передайте... Был у меня муж — погиб на фронте, сын тоже на войне погиб... Передайте подарок солдату, у которого нет родителей». Положила сверток в руки одной из женщин и ушла. Так быстро, что и узнать не успели, от кого подарок-то.

Эта встреча никого не оставила равнодушным.

Старушка с ее подарком натолкнула на новую мысль: заранее узнавать, у кого из солдат этой части погибли на фронте родные, у кого престарелые родители, кто демобилизуется, у кого вскоре день рождения. Для них особые подарки. В День печати военкорам «боевых листков» привезут блокноты, ручки.

А одному из демобилизующихся — у него отец погиб — специально приготовили огромный кекс в подарок маме. Пусть привезет от шефов.

Мамуля

Сколько бы раз ни проходила Крайнюк мимо детского дома, ее всегда тянуло туда зайти. Наверное, потому, что сама испытала горечь сиротства. Детские годы ее были неласковыми. До четырех лет жила с матерью, потом — до шестнадцати — с отцом и мачехой. Как ей не хватало нежности! Бывало, в школе кто-нибудь из учителей погладит по волосам, а она уж и рада прильнуть к этой руке. Словом, понимала она ребятшек из детского дома. И однажды зашла к директору: так, мол, и так, мы, клуб «Улыбка», хотим взять шефство над ребятшками.

Когда приехали в первый раз с подарками, сладостями, игрушками, маленькая девчушка уцепилась за платье Валентины Константиновны да так и не отходила от нее весь день. Только спрашивала: «Ты еще приедешь? Ты еще приедешь?» А несколько дней спустя эта девчушка прибежала к ней домой — в гости. Как разыскала адрес, неизвестно. Только с той поры зовут она Валентину Константинову мамулей.

Уже стала Татьяна медицинской сестрой, работает в больнице. Уже и замуж вышла, а сына Димку помогла ей вынучить Валентина Константиновна. И по-прежнему зовет ее Таня мамулей.

К шефству над детским домом Крайнюк привлекла многих женщин города. Щедро одаряли они ребятшек заботой и материнским теплом. Особенно волновались, когда настала пора готовить выпускников к школьному вечеру: не хотелось, чтобы «их дети» выглядели хуже других. Разузнали у воспитателей размеры одежды и обуви каждого выпускника. Затем через женские советы предприятий получили в заплатах деньги, купили мальчишкам брюки и белые рубашки, а девочкам — нарядный материал на платья. В комбинате бытового обслуживания раскро-

В. К. Крайнюк открывает вечер.
Фото Н. ТЕПЛИЦКОГО.

или платья, общественницы сами сшили их, а бюро добрых услуг сделало к платьям цветы. И пошли их ребятки на вечер нарядными, с сияющими глазами.

Хоть и не очень «клубное» дело — шефство над детским домом, но нужное. А клуб — он и организатором может стать. Это уж кто как сумеет. Валентина Крайнюк сумела.

Фронтвички

В комнату правления клуба «Улыбка» зашла женщина средних лет. В волосах седина, на лацкане костюма — орденские планки. Представилась:

— Евгения Васильевна Калиновская, участница войны. У нас с подругами появилась мысль: собрать фронтвичек города в День Победы. Но сил наших мало, а «Улыбка» имеет большую аудиторию, да и актив...

Загорелась Крайнюк этой идеей. Сама девчонкой убежала на фронт, правда, неудачно: высадили из санитарного поезда на следующей же станции.

В поиск бывших фронтвичек включились все члены правления клуба. Военный комиссариат города помочь в этом не мог: фронтвички уже сняты с учета. Значит, самим ехать на предприятия, идти в учреждения, конторы, искать по райсобесам. На заводах прежде всего обращались к женсоветам. Через женскую страничку «Дзержинца», городской газеты, стали приглашать фронтвичек на вечера клуба «Улыбка». В выступлениях по радио призывали: «Отзовитесь, подруги!»

И женщины откликнулись. Крайнюк предложила создать при клубе военно-патриотическую секцию, которая не только участвовала бы в подготовке тематических вечеров «Улыбки», но и вела бы работу среди молодежи. Возглавить секцию поручили Евгению Васильевне Калиновской, той, что первой обратилась в «Улыбку», участнице Сталинградской битвы.

Сегодня в военно-патриотической секции клуба 800 фронтовичек. Объединенные общим делом, многие из них словно обрели еще одну жизнь. Члены секции создали отличный хор ветеранов войны и труда. Они охотно идут к студентам, в заводские общежития, к школьникам.

Две груши

На Запорожской улице, в саду возле старенькой хаты, со времен войны была могила. Хозяйка домика ухаживала за ней. Но настал день — и при реконструкции улицы домик снесли. Проходя мимо, Валентина Константиновна увидела, что могила безжалостно примята гусеницами бульдозера. И так горько стало... Она знала историю этой могилы.

27 октября 1943 года... Наши войска форсировали Днепр. В саду у хатенки, той самой, что снесли строители, артиллеристы установили орудие. Хозяйка на радостях не знала, чем их угостить. Вынесла спелые, сочные груши... Двое были возле орудия, когда шальной снаряд разорвался в палисаднике и солдат убило наповал.

Женщина сама похоронила их здесь же, прямо в саду. А через три года вытянулись над могилой деревца. И до сих пор стоят две груши над могилой неизвестных солдат.

...Поздно вечером Валентина Константиновна пришла в общежитие строителей, которые работали на Запорожской улице, и рассказала парням эту грустную историю. Наутро не узнать было развороченного садика: мусор прибран, могила восстановлена, аккуратно обложена кирпичом, дорожка посыпана песком.

Теперь за могилой ухаживают пионеры. Приходят сюда в праздничные дни, приносят цветы. Отряды оставляют на ветвях алые пионерские галстуки. Здесь принимают малышей в октябрята. И растут груши, стоят живым памятником тем, кто отдал Родине самое дорогое — жизнь.

Тройной юбилей

Вечер решено было назвать «Вы — Родины нашей великая сила, вы — золотые ее колоски». Собственно говоря, название это — строки из стихотворения Крайнюк. Они очень соответствовали теме встречи: женское движение в городе отмечало свой золотой юбилей, горжесовету исполнилось 15 лет, а клубу «Улыбка» — десять.

...Погас свет в зале, и над рядами кресел разнесся мягкий и сильный голос:

«Целую, низко голову склоня,
Я миллионы женских рук любимых,
Их десять добрых пальцев у меня,
Как десять перьев крыльев лебединых...»

Одна за другой выходят на сцену героини вечера. Надежда Дмитриевна Солодовникова, женорганизатор с 1923 года, коммунистка, ответственный работник. Скольким людям подсказала она правильную дорогу в жизни? Не счастье.

— Надежда Дмитриевна, какая в те годы была самая любимая песня?

В ответ, не задумываясь:

— «Дан приказ ему на запад...»

Весь зал подхватил песню. Все как один. И те, кто постарше, и совсем юные. Все.

Приглашают на сцену Матрену Петровну Дьяченко — первого женорга на металлургическом заводе имени Дзержинского.

— О чем вы тогда мечтали, Матрена Петровна? Какой хотели видеть женщину?

— Грамотной, занимающей равный с мужчиной пост, хорошо одетой и, конечно, сытой...

По проходу между рядами идет Екатерина Карпова, бывший комсомольский вожак на строительстве цементного завода. За ударный труд в первой пятилетке она была награждена красным ватным одеялом. Зал поднялся и так, стоя и аплодируя, проводил ее, как и других героинь вечера, до сцены.

За столики на сцене приглашены активистки и ударницы предвоенных лет, героини фронта и тыла в Великую Отечественную, знатные работницы девятой пятилетки, уважаемые всеми общественники.

Праздник. Большой и заслуженный праздник у женщин, у всего города.

Нынче клуб «Улыбка» признан всеми. Уже родились шесть дочерей «Улыбки» — районные и заводские женские клубы. При поддержке Дворца культуры вагостроителей клуб ведет разностороннюю просветительную и пропагандистскую работу. У него много интересных праздничных программ. Он организует выездные литературно-музыкальные концерты на фабриках и заводах, в подшефных колхозах, проводит встречи работников близких профессий и смежных предприятий. А сколько охотников побывать на воскресных семейных обедах в ресторане, которые тоже организует «Улыбка»! Среди завсегдатаев клуба немало любителей поэзии — они собираются в «Литературном кафе», много постоянных посетителей «Музыкальных встреч».

Руководит клубом Валентина Константиновна Крайнюк уже десять лет. Много это или мало? Иногда ей самой кажется: очень много. Да и трудно: десять лет каждый день — после работы, в субботу, в воскресенье, все свободное время — в клубе. Были порой и неудачи, когда хотелось все бросить. Но вновь приходили дни счастливых поисков и находок...

Нет, это совсем немного — десять лет, особенно если они одарили человека великим счастьем чувствовать себя нужным людям.

Н. АЛЕКСАНДРОВА

г. Днепропетровск, УССР.

Из редакционной

почты

ЧЕЛНЫ СТАЛИ РОДНЫМИ

Четыре года назад мой сын уезжал на новостройку в Набережные Челны. Столько было волнений: куда, зачем, где жить, чем будешь заниматься, неужто не жаль дома? А он в ответ твердил: «Еду строить новый го-

род, новый завод-гигант. А трудности переживем, пока молоды».

Не скрывал в первых письмах, что было трудно: «Справа вода, слева огромный развороченный «муравейник» — стройка, а дальше лес... Живу в палатке».

Потом пошли другие сообщения: «Живу в общежитии...» «Получил комнату...» И совсем недавно: «Получил чудесную квартиру. Привозы детей, справим новоселье».

И вот мы с детьми сына (на лето я их брала к себе) не едем, а летим. Город меня поразил. Большие красивые дома, прямые улицы. Много цветов, прекрасные школы. Особенно нарядные и жизнерадостные детские комбинаты: ясли и садики. И даже называется один из них «Веселые ребята».

Квартира сына — в семизатном доме, просторная, светлая, с видом на лес и Каму. Праздничной она мне показалась. Сын сказал: «В награду за наши труды подарили нам праздник. Видишь, какой город вымахали. А какой завод получается...»

Двадцать пять дней гостила, уезжать не хотелось. Пуститься в обратный путь решила по воде. Долог путь — 9 дней мы плыли, — но сколько повидала! Снача-

чала Каму, потом Куйбышевское, Цимлянское моря, побывала на родине Ильича, в городе Ульяновске, в Волгограде поклонилась Мамаеву кургану.

И все, что видела, проплывая, вызывало раздумье о нашем народе-творце, сотворившем и шлюзы, и каналы, и даже моря, а вокруг них города. И хочу еще сказать: очень я счастлива, что в одной из таких замечательных строек принимает участие мой сын.

З. Мельникова,
пенсионерка

г. Жданов.

Привет из Пловдива

Дорогие друзья-друзья!

Не удивляйтесь, что пишет вам женщина, к тому же из Болгарии. Но я давно знаю ваш журнал. Мы его здесь читаем, много из него узнаем о жизни в великой стране Ленина.

Кроме того, у моей жены Наташи родственники живут на Украине. Вот мы и побывали в вашей стране. Гостили в деревне Никольской, Солонянского района, Днепропетровской области, в колхозе «Прогресс». Побывали также в Днепропетровске, в Кивее и других городах.

Душа моя радовалась: хорошо живут советские люди! И, главное, дружно. Это видно и в общем коллективном труде, и во взаимной помощи друг другу, и даже в том, как празднуют.

Дружбу мы почувствовали и на себе. Ехали к родственникам жены, а теперь кажется, наши родственники — это все жители Никольского: нас приглашали в каждый дом, встречали хлебом-солью. Нам преподнесли подарки: мне часы, жене красивую вазу — это от колхоза. Подарки всегда напоминают нам о прекрасном времени, проведенном среди советских людей.

Вот и решил я через ваш журнал послать сердечные приветствия друзьям — колхозникам «Прогресса» и всем советским людям, пожелать им в новом году успехов, счастья, мира.

Саша Георгиевич СЕНЕРУЖИЕВ
г. Пловдив, НРБ.

МОСТ Для лягушки

Юрий КОЗЛОВ

Рассказ

Рисунок
С. ХАЛИЗОВА.

Маленькой Кате совсем не хочется спать, ее глаза широко открыты. Слово «спать» сейчас ей кажется моей жестокой выдумкой. Катя готова делать что угодно, только не спать. Ее кровать стоит рядом с окном, и, хотя окно до половины занавешено, в комнате все равно светло. Сейчас конец июня, и от белых ночей никуда не спрячешься.

В лесу шумят сосны, и из окна видно, как на бледно-сером небе выступили звезды. Я смотрю на звезды и жду, когда же моя дочь соизволит заснуть.

— Пить хочу,—вдруг мстительно заявляет она, и я спускаюсь вниз по узкой, крутой лестнице, наливаю в стакан кипяченой воды, а потом осторожно поднимаюсь вверх.

Катя отпивает совсем немного и тяжело вздыхает.

— Где мама?—уже, наверное, в десятый раз за день спрашивает она.

— Мама придет завтра,—отвечаю я и поправляю подушку.

— Когда завтра?

— Утром,—говорю я.

Катя задумчиво ковыряет в носу.

— А кукольный театр?—вдруг вспоминает она.—Ты обещал показать мне кукольный театр!

Я соглашаюсь. Я готов показать Кате хоть десять кукольных спектаклей, только бы она не спрашивала, когда придет мама.

— А потом ты будешь спать?—уточняю я.

Катя кивает головой и прислоняет подушку к спинке кровати. Теперь она настоящий зритель. А я сдвигаю два старых кресла и прячу за них картонный ящик с игрушками. Сажусь на корточки и запускаю в ящик руку. Попался резиновый губастый негритенок. Значит, спектакль будет про Африку.

— Так нельзя, нельзя! Тебя видно!—возмущенно кричит Катя, и я пристыженно съеживаюсь за самодельной сценой.

Действующими лицами я решил сделать этого негритенка, льва, жирафа и змею. Пусть негритенок отправится в джунгли и спасет от смерти змею и жирафа. А потом за ним погонится голодный лев, но верные друзья придут на помощь...

Но Катя разрушает мои планы.

— Про Синюю Бороду,—заявляет она, и мне приходится заново перерывать весь ящик, чтобы найти более подходящие игрушки. Синей Бородой стал облезлый рыжий кот в зеленых штанах на одной лямке. Помнится, прошлый раз он был лихим пиратом. А сегодня будет Синей Бородой. Все злодеи похожи друг на друга. Зато с женами просто: каждая вторая игрушка в ящике—растрепанная кукла.

Ну вот и все. Можно начинать.

Катя внимательно смотрела немудреный спектакль. Но когда я на четвереньках выползал из-за кресел, вдруг спросила:

— Разве кот может быть Синей Бородой?

— А почему, собственно, нет?—не очень уверенно возразил я, посмотрев на кота. Признаться, он мало напоминал коварного обольстителя.

— Тогда пусть он и женится на кошках... А потом убивает их...

Я озадаченно молчал.

— Ну тогда хоть приклей ему синюю бороду,—вздохнула Катя.

— Обязательно.—Я выразительно посмотрел на часы.—Через пять минут ты должна спать,—сказал я и пошел к двери.

— Папа, подожди!

— Что такое?—Я строго посмотрел на дочь.

— У Синего Бороды были дети?

— Он был злой и никого не любил, поэтому у него никого не было...

— У Надьки Манцевой папа тоже злой и бородатый... А недавно у них Сашка родился. Надьке его не разрешают в коляске катать...

— Ну и что?

— Значит, у Синего Бороды тоже были дети?

— Я не помню, Катя,—честно сознаюсь я.

— Он жил давно, правда?

— Да... В замке,—припоминаю я.

— А сейчас он уже умер?

— Конечно, умер. Его же убили братья.

Катя обхватила подушку и заплакала.

— Ну и что, что убили?—спросила она сквозь слезы.—Он своих жен убил, а они потом ожили... И он тоже мог...

— Катя! Что с тобой?—Я погладил дочь по голове.—Не плачь... Неужели тебе его жалко?

— Где мама?—всхлипывая, спросила Катя.

— Мама придет завтра. Хочешь, мы пойдем ее встречать?

— Правда?—Она подняла на меня покрасневшие глаза.

— Спи,—ответил я и вышел из комнаты.

Когда я зашел наверх через полчаса, Катя спала, бросив худенькую ручку на белый в

зеленых цветочках пододеяльник.

— Где мама? — спросила Катя вместо приветствия, когда я появился в ее комнате утром.

— Мы сейчас пойдем ей звонить, — сказал я, глядя в окно.

— Почему же она не едет? — снова натянула Катя одеяло, собираясь, по-видимому, начать день со скандала. Но в это время в окно что-то ударилось, и мы с Катей увидели воробья, который летел прочь, как будто ничего не случилось.

— Почему он ударился в наше окно? — быстро спросила Катя.

— Его ослепило отражение солнца...

— Нет. — Катя показала пальцем на белое пуховое перо, летающее в воздухе. — Он нес его в гнездо... Только перо загородило ему глаза, и он ничего не видел...

— Одевайся сама, потом умойся и приходи завтракать, — сказал я и побежал вниз. Подгорала манная каша.

За завтраком Катя молчала. Я тоже. Как я мог объяснить ей, что существует такое нехорошее слово «развод», которое сильно изменит нашу жизнь? И что домой звонить бесполезно, потому что вот уже пять дней, как мама дома не живет. А бабушка твердит, что во всем виноват я один, так как я оказался плохим мужем для ее дочери. Бабушка объяснит это Кате быстрее и лучше меня. Но я еще не знаю, что случится, если Катина мама вдруг приедет сюда одна, без бабушки. Может быть, тогда мы снова будем все вместе — я, Катина мама и Катя.

— Пойдем звонить! — поторопила Катя, увидев, что я собрался мыть посуду. А мне совсем не хотелось тащиться к телефону-автомату, набирать наш безответный номер и прикладывать к Катиному уху холодную черную трубку, откуда будут раздаваться длинные, равнодушные гудки. Ведь звонить, очевидно, надо куда-то в другое место, а я, как назло, не знаю, есть ли там телефон.

На улице было хорошо. Ночью пролился небольшой дождь, все зеленело, и воздух был чистым, как будто дождь выбил из него всю пыль. Катина рука лежала в моей руке так доверчиво и спокойно, что я ненадолго забыл про все наши беды. А когда мы набирали номер, во мне даже шевельнулась надежда: вдруг она вернулась?

Катя долго держала около уха телефонную трубку, которая казалась такой большой в ее худенькой ручке.

— Мама нет, — серьезно сказала она и отвернулась, словно это я был во всем виноват.

— Мама сейчас сидит в электричке, — быстро соврал я.

— Пойдем домой...

Мы повернули на нашу улицу и остановились. Несколько мальчишек стояли на краю канавы и бросали в нее камни. Увидев меня, они почему-то разбежались, и только самый маленький растерялся и свалился в канаву. Это был Миша, наш сосед.

— Что вы делали? — строго спросил я, вытаскивая его из канавы.

— Папа, смотри! — потянула меня за руку Катя. На дне канавы сидела лягушка. Одна лапа у нее была перебита. Лягушка пыталась уползти, но не могла.

— Это они, а я смотрел, — пробурчал Миша.

— Пойдем! — Я взял за руку дочь.

— Как? — побледнев, спросила она, выдернув руку. — Ты хочешь оставить ее здесь? Одну? Больную?

— А что нам с ней делать? — удивился я. Мне не очень-то хотелось возиться с искалеченной лягушкой. Вполне достаточно, что мы спасли ее от верной гибели.

— Надо взять ее с собой и лечить, — заявила Катя, подталкивая меня к краю канавы. — Достань ее... Ну!

Дома я смазал лягушачью ногу йодом и

наложил примитивную шину из двух щепок, пережнутых ниткой. Катя стояла рядом и переживала за лягушку. Потом она отнесла ее в огород и долго смотрела, как лягушка ползла между клубничными грядками.

В два часа я кормил Катю обедом.

— А где же мама? — спросила она, глядя, как я наливаю в тарелку борщ.

Я развел руками. В Катином сознании я ответствен за все. За погоду и за подруг, за лягушку, которую мы лечили, и за маму, которая все не едет и не едет...

К вечеру Катя все же закатила настоящую истерику. А после скучного ужина снова потащила меня звонить.

Было совсем светло. Со всех сторон на нас смотрели дома, окруженные соснами. Подошла электричка, и мы подождали, пока с платформы не спустились все люди. Но мамы среди них не было. Электричка уехала, а мы пошли к телефону. Катя рассеянно вела рукой по забору. Вдруг она остановилась и дернула меня за руку.

— Стой, — сказала она. — Видишь, заборина качается?

— Ну и что? Пусть себе качается...

— Достань ее! — потребовала дочь.

— Зачем? — начал было выяснять я, но Катя повисла на руке, и мне ничего не оставалось, как вытащить злополучную «заборину» и вручить ее Кате. У телефона-автомата мы остановились.

— Звони один, — сказала Катя, — а я сейчас приду...

К телефону никто не подходил, но я долго не опускал трубку, думая, что бы такое сказать Кате.

Когда я вышел из автомата, ее нигде не было.

— Катя! Где ты? — закричал я, беспokoйно озираясь по сторонам. Катя не откликнулась. Я побежал в сторону дома и около канавы наконец увидел ее бело-красный сарафан. Катя возилась с доской. Она хотела воткнуть ее поперек канавы, но ничего не получилось.

— Сделай так, чтобы она была ниже, — попросила Катя, и я безропотно полез в канаву. Мне хотелось задобрить дочь перед предстоящим разговором. Наконец доска была установлена как надо.

— Для чего это? — спросил я, выбираясь из канавы.

— Это мостик, — ответила Катя. — Ей сейчас трудно прыгать, а по мостику переходить будет легче...

— Кому? — поинтересовался я.

— Как это кому? — удивилась Катя. — Лягушке... Хорошо, что мы с тобой его сделали, правда?

— Теперь ей будет легко, — сказал я. — И нога у нее заживет быстрее...

— Конечно, — согласилась Катя и взяла меня за руку. — Ты покажешь сегодня кукольный театр?

— Про царевну-лягушку?

— Про Синюю Бороду, — сказала Катя.

— Он тебе не надоел?

— Надоел... — вздохнула Катя.

Я легко поднял ее и посадил себе на плечи. Волосы Кати пахли ромашками. Сосны спокойно стояли по обе стороны улицы, а наверху они раскачивались и шумели. Гулко простучал по рельсам товарный поезд, и над платформой повисло большое белое облако. Но оно было ненамного светлее ночи и поэтому быстро растворилось в ней. Я шел, и Катя сидела у меня на плечах, и впервые за все эти дни мне было хорошо.

Еще издали мы заметили, что на нашей веранде горит свет.

— Мама! Мама приехала! — закричала Катя и спрыгнула на землю.

Но это была не мама.

— Где тебя черти носят? — ответил с веранды ворчливый голос бабушки. — Собирай игрушки, такси ждет!

Татьяна УЛЬЯНОВА

Города

И, может, тем земля горда,
Что люди жить на ней умеют?..
Стареем мы, но города,
Но города все молодеют!
В них по ночам горят огни,
А по утрам стоит прохлада...
Земля плывет — плывут они,
И останавливать не надо.

Во имя жизни и труда
Я человеческого счастья
Мы строим эти города!..
И хорошо, что годы мчатся.

Евдокия ЛОСЬ

* *
*

Из тысячи дорог
Я выбрала одну,
И, если хватит сил,
И, если хватит сил,
С нее я не сверну.
На ней — мои следы,
Лет прожитых печаль,
И мне ни от кого
Не надо их скрывать.
А надо вновь и вновь
Идти и груз нести,
Вновь оставлять следы
На избранном пути.
Мой груз — моя любовь,
Заботы и мечты:
Хлеб, полус ледяной,
Степной ковыль, цветы...
И люди — кто готов
Гореть, как я горю.
От сердца всем таким
Улыбки я дарю.
Из тысячи дорог
Я выбрала свою.
Иду по ней, иду
И все о ней пою.

Перевел с белорусского
А. Корчагин.

ЕСЛИ ВЗЯТЬСЯ СООБЩА

— Раз в месяц садимся мы за этот список и карандашиком отмечаем— вот здесь фундамент заложили, здесь второй этаж уже готов, ну а сюда ехать придется: что-то застопорилось.— Маргарита Семеновна Торопцева, заместитель председателя Ижевского горисполкома, вручила мне несколько листов.— С него, с этого списка, все началось.

...Когда я собиралась в Удмуртию, в блокноте была лишь одна цифра: план по строительству детских садов выполнили на 120 процентов. Никого не удивит, если перевыполнит план передовая бригада, цех, предприятие. Но что скрывает: когда речь заходит о детских садах, чаще встречаются другие цифры— 80 процентов плана, 70, а то и меньше. Для Удмуртии это прошлое, хотя не такое уж и далекое.

— Всякое было,— продолжает Маргарита Семеновна.— И с планом не справлялись и в сроки не укладывались. Но, даже выполняя намеченное, не могли удовлетворить потребности растущего города. Ведь только за девятую пятилетку население Ижевска выросло на 73 тысячи человек. В 1973 году бюро горкома КПСС и исполком городского Совета депутатов трудящихся приняли постановление «Об инициативе промышленных предприятий и организаций города по строительству детских дошкольных учреждений».

...За окном машины мелькают новостройки. Мой гид— начальник дошкольного отдела Ижевского машиностроительного завода Валентина Александровна Летчикова.

— Вот это наш детский комбинат, построили год назад, этот— детсад гороно, уже несколько лет работает, а там четыре рядом— тоже наши.

Двухэтажные кирпичные типовые дома, в которых привычно узнаешь детский комбинат, мелькают так часто, что не пересчитаешь. Пять жилых домов— детский сад, четыре дома— детский сад...

В Ижевске порядок строгий: застройку нового микрорайона вести комплексно. Пятый микрорайон только начал строиться, подводятся под крышу новые дома, а детский комбинат готов принять первых малышей.

Ижевский машиностроительный завод— крупнейшее предприятие в городе. И детских учреждений здесь строят много, ежегодно перевыполняя план. В ведении «Ижмаша» более полсотни детских садов и яслей. Около двух тысяч нянечек, медсестер и воспитателей встречают здесь каждый день детей. За минувшую пятилетку дополнительно к плану сдано детских учреждений на 1120 мест. Строят, используя свои внутренние резервы, привлекая родителей: каждый должен отработать на строительстве 100 часов. И все-таки не хватает детсадов, и все-таки лежит на столе Валентины Александровны объемистая пачка заявлений ждущих своей очереди.

Конечно, нехватка мест в детских учреждениях— все еще проблема. Но есть и другие.

— До недавнего времени приходилось строить детские сады по типовому проекту, не предусматривающему спален,— говорит Валентина Александровна.— Как это неудобно, можете убедиться сами.

В детский комбинат № 193, открывшийся только в сентябре прошлого года, мы зашли, когда закончился «тихий час». Средняя группа. Сейчас воспитатель Тагзима Апаева домоет последнюю тарелку («Технички нет, освобождаем смежную профессию»), сложит двадцать восемь раскладушек, двадцать восемь матрасиков, подушек и одеял и... скоро полдник. Конеч-

но, будь в группе в этот день нянечка, забот у воспитателя было бы меньше, могла бы проследить, как ребята одеваются, помочь им, почитать интересную книжку, наконец. Но дело ведь не только в том, что на плечи и без того загруженных воспитателей и нянечек ложится дополнительная обязанность. Раскладушка— это беспокойный сон, это плохая осанка.

— Теперь,— заметила Валентина Александровна,— стараемся строить только по проекту на 140 и 280 мест со спальнями, хотя обходится это значительно дороже. Но строим-то для детей.

Есть и еще одно неудобство: нынешние проекты предусматривают 4 группы детского сада и лишь 2— ясельные. А ведь очередь в детские учреждения на любом предприятии Ижевска или в гороно— это прежде всего очередь в ясли.

На Ижевском радиозаводе очереди в детский сад нет. И не мудрено: молодое предприятие строит много, по темпам может сравниться с машзаводом. В плане социального развития предприятия записано два детских комбината в год. Но вот ясли... И сейчас решили один комбинат на 280 мест полностью отдать самым маленьким. Решение влечет за собой существенные изменения в проекте, а значит, и дополнительные расходы, но...

— У нас ведь 600 свадеб в год,— говорит директор завода Алексей Иванович Урбан.— А чтобы иметь право поздравить молодоженов, мы должны заранее подумывать об их недалеком будущем.

Каждый день директора завода расписан по минутам. В его приемной всегда людно. Но есть вопрос, который он решает вне очереди: дети. Алексей Иванович знает, как идет строительство нового комбината, и когда потребуется ремонт действующему, сколько сейчас заявлений на ясли и сколько их будет (разумеется, примерно) в 1980 году, как обстоят дела с детской мебелью и посудой. Думает он и о том, как стимулировать тех, кто работает с детьми, какие премии получат воспитатели и нянечки.

— Не помню, чтоб хоть раз вышла из этого кабинета с отказом,— говорит начальник дошкольного отдела Антонина Васильевна Меркулова.— Только в прошлом году завод выделил 30 тысяч рублей на дополнительное оборудование детских садов и 10 тысяч— на улучшение питания.

Постоянное внимание руководства завода чувствуется во всем. Строят здесь, как и на «Ижмаше», в основном своими силами, хозспособом и тщательно следят за тем, чтобы сдавались детские учреждения не к концу года, а к сентябрю. У каждой детсадовской группы есть шеф— цех предприятия. Шефы и площадку оборудуют и мебель сделают.

Но в Ижевске и детские комбинаты гороно не обижены вниманием шефов. Институт «Удмуртсельпроект», например, шефствует над детским комбинатом № 114. Шефы помогли с ремонтом помещения, своими силами сделали игровую площадку. А нянечкам, нуждающимся в жилье, предоставили комнаты.

Принято считать, что инициативное строительство детских садов возможно только для предприятий. Однако в Ижевске с этим не согласны. По централизованному капитальным вложениям в городе в минувшем году мог быть построен лишь один комбинат. Построено четыре. Как добились? Маргарита Семеновна Торопцева нелегко ответить на этот вопрос. Каждый раз приходилось искать новое решение, новый выход из положения. Иногда вступали в долю с небольшим предприятием, иногда даже, изыскивая свои собственные средства на внеплановый объект, заинтересовывали строителей тем, что предоставляли места для их детей.

Но даже при таком успешном, интенсивном строительстве очередь в Ижевске большая.

— К сожалению, те средства, которые в централизованном порядке выделяются на строительство детских садов, не отвечают потребностям растущего города и республики в целом,— сказала мне заместитель министра просвещения Удмуртской АССР Г. Ф. Мамушкина.— Как вы знаете, эти потребности в основном удовлетворяются за счет предприятий. Но ведь много работающих женщин занято в области бытового обслуживания, торговли, в различных организациях города. Их детей должны обеспечить органы просвещения, местные Советы, которым изыскивать дополнительные средства значительно труднее, чем предприятиям. А на будущую пятилетку нам планируют

В детском саду Ижевского радиозавода. Ведет занятия воспитательница Л. А. Мосеева.

Фото И. ДЕМИНА.

ют всего 8 детских комбинатов на всю республику.

У Ижевского горсовета по сравнению с другими местными Советами республики значительно больше возможностей. Есть свой отдел капитального строительства, своя строительная группа, следовательно, строить могут. Между тем в Воткинске, например, при райисполкоме нет ОКСа. Значит, даже изыскать необходимую для строительства детского сада сумму, райсовет должен идти на поклон к строителям: возьмитесь за внеплановый объект! А что это такое, тоже известно— нет лимитов, стройматериалов... И потому строит в Воткинске детские учреждения почти исключительно машиностроительный завод. А районо ищет выход соразмерно своим возможностям: открыли недавно новый детский сад, переоборудовав для этого деревянный дом...

Заместитель председателя Совета Министров Удмуртской АССР Николай Андреевич Новиков возглавляет республиканский совет по охране здоровья детей. Не раз возникал на заседаниях совета вопрос о строительстве детских садов.

— Наши предприятия строят много, но могли бы и больше, да и местные Советы используют не все имеющиеся внутренние резервы. А останавливаться нам нельзя. Работы еще много.

Как строить, сколько строить, какие детские сады строить— над этими вопросами думают сегодня и в обкоме партии Удмуртии и в Совете Министров республики, на предприятиях и в Министерстве просвещения. Ведь вопросы эти касаются наших детей, а значит, решать их всем сообща.

Коллективные усилия дали уже немалые результаты. И заинтересованное, ответственное отношение в Удмуртии к строительству детских садов— залог того, что оно приобретет еще более широкий размах.

И. ЖУРАВСКАЯ

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ...

По вечерам, за час до отбоя, на полковой плац иногда выходил баянист. Вокруг него собирались солдаты. Мерцали в темноте огоньки самокруток. Слушали. Молчали. А потом кто-нибудь из них, неловко обхватив товарища, начинал вдруг кружиться по плацу под звуки старинного вальса «На сопках Маньчжурии».

В такие часы мы, девчонки-подростки военной поры—со значками «БГТО» и «Ворошиловский стрелок» на отворотах кур-

гузов пиджачков,—обычно тихо-нечко стояли в сторонке, смотрели, как кружатся мужчины. Мы жили рядом с воинской частью и знали точно, что этот вальс прощальный, что на рассвете они уйдут походным маршем и где-то за городом погрузятся в эшелон, направляющийся к фронту.

Они уйдут, а мы останемся дома, хотя тоже умеем стрелять, бросать гранаты, перевязывать раны и даже прыгать с парашютом. Мы будем мыть полы в гос-

питальях, и выступать перед ранеными с концертами, и время от времени убежать на фронт... Но нас снова будут возвращать в наш маленький сибирский городок и говорить, что надо ждать, пока подрастем...

И вот в один из таких вечеров, когда на полковом плацу опять появился баянист, его окружили не молчаливые мужчины, а шумные, веселые девчата. Как нам казалось, почти такие же, как мы, но не в блузках и сугубо штатских пиджачках, а в новеньких защитных гимнастерках. И так же, как всегда, под звуки вальса вновь закружились солдаты и закружилась пыль под каблуками тяжелых сапог... А ранним утром мы проводили на фронт не мужской, а девичий батальон. И еще не раз провожали мы потом к фронтовым эшелонам маршевые роты одетых в шинели и каски девчат...

Прошло тридцать лет. И вот теперь передо мной на редакционном столе—драгоценные письма тех фронтовичек. Пишут связистки и летчицы, сандружинницы и прожектористки. Пишут зенитчицы, снайперы, разведчицы, шоферы, танкисты... Каким только военным специальностям не обучила девушек война! Многие уже бабушки, а в письмах все: «Милые девочки! Где же вы теперь, однополчанки мои?» И в каждом: «А помните?..» И в каждом: «Я помню...» Пишут в редакцию больше не о себе, а о подругах своих и друзьях. И все живо в памяти. «А если днем не вспоминаешь, то ночью нет-нет да и приснится война...»

«В общем масштабе войны, может быть, мы были и незаметны, но делали наши девчонки нелегкое дело,—вспоминает бывшая сандружинница **К. Д. Алябьева**, секретарь комсомольской организации ВВСП (временного военно-санитарного поезда) № 1135 фронтового эвакуационного пункта № 93 1-го Украинского фронта.—Нам все время приходилось быть на

рельсах, станции сильно бомбили фашисты, но не было такого случая, чтобы, спасая себя, кто-то из наших бросил раненых. Помнится, на станции Красное под Львовом горели вагоны, но раненые—все до одного—были вынесены в безопасное место. А на медсестру и санитаря приходилось по три вагона и в каждом тридцать легкораненых и двадцать четыре—тяжело... Наверное, и сейчас заметен шрам на лице Иры Пономаренко (куда ж ему деться!)—след от осколка при фашистском налете под Воронежем. Как хочется встретиться, расспросить о мирной жизни...»

«Особенно надеюсь я отыскать Лялю Буковскую (может, теперь у нее другая фамилия),—пишет в «Работницу» бывший младший сержант **В. Сидоренко**.—Была наша Ляля командиром орудия. Представьте: хрупкая девушка, русоволосая, подстриженная «под мальчика», с ямочками на щеках и с беззащитной улыбкой... А вот ведь командовала мужчинами, и все уважали ее за мужество и твердый характер! После войны она мечтала поступить в педагогический институт. Где же ты, Ляля, теперь?»

«Дорогая «Работница»! Никогда я не писала в редакцию, но страничка для однополчанок, которая появилась в журнале в год 30-летия нашей Победы, так растрожила мою душу!—пишет **Е. М. Голощапова** из поселка Правдинск, Горьковской области.—Конечно, мой скромный труд радистки был незначителен, но в то трудное время необходим. Служила я в гвардейской дивизии авиации дальнего действия. Как говорится, близко пороху не нюхала, а просто держала связь с самолетами, которые в ночное время уходили бомбить в тыл врага. Не все самолеты, ушедшие на задание, возвращались на аэродром... И как это было тяжело нам, девчатам! Ведь мы провожали летчиков, желали счастливого полета... Стою иной раз у Вечного огня и в отсвете его пламени будто наяву вижу лица всех этих замечательных ребят...»

«После ранения я и Надя Черкасова работали в 23-й подвижной снарядательной мастерской,—пишет **Т. М. Жураковская** из села Акший, Куртинского района, Алма-Атинской области.—Дорогие мои однополчанки Галя Булахова, Валя Чупрова и другие! Где вы теперь? Откликнитесь! Вспомните, как с раннего утра и до позднего вечера собирали мы снаряды, а ночью грузили их в ящики и отправляли на фронт. И в каждый ящик вкладывали коротенькие записки: «Бейте фашистов, пощады не знайте! Все их злодейства в бою вспоминайте!»

Много таких писем получила «Работница» в год 30-летия Победы над фашизмом. Некоторые из них напечатаны в журнале с адресами авторов. И теперь уже идут другие рассказы—о встре-

Е. И. Каркач (Щитикова). 1975 год.
На снимке сверху—она же в 1942 году.

Н. БУТ. МЕДСЕСТРА НАТАША.

чах бывших однополчан, ныне убеленных сединами ветеранов войны и труда.

«9 мая оказался таким коротким днем! Нас изменили годы, но изменили только наши лица, а не сердца», — пишет **А. В. Ткаченко**, бывшая радистка 8-й воздушной армии 4-го Украинского фронта.

«Много горя принесла война нашему народу, но верность долгу и преданность социалистическому Отечеству помогли нам выстоять и победить», — пишет **З. И. Гоноченко** из Орджоникидзе. — Помните ли вы, мои подружки — Женя Радченко, Аня Федо-

рова, как сражался под станцией Крымской наш 169-й полк под командованием полковника Комарова? Теперь наши дети служат в армии, бережно охраняя самое святое — покой и свободу Родины, которую отстаивали их деды, отцы и матери в кровавых боях...»

Девушки в шинелях и касках! Мы бережно листаем ваши письма, передаем из рук в руки уже пожелтевшие от времени фронтовые фотоснимки. Один из них принесла в редакцию **К. П. Васильева**, дочь специального фотокорреспондента «Известий»

Павла Артемьевича Трошкина, сраженного в одном из последних боев Великой Отечественной войны. На обороте снимка была сделана надпись: «Разведчица Елена Щитикова». Павел Артемьевич не успел опубликовать его в газете...

Снимок был напечатан в майском номере нашего журнала. Где и когда была сфотографирована разведчица Елена Щитикова, мы не знали. Но вскоре пришло письмо от ветерана войны **П. В. Турчанинова**: «Сообщаю, что 30-летие Победы Елена Ивановна Щитикова (по мужу Кар-

кач) отмечала в Москве вместе с однополчанами из гвардейской Таманской дивизии, а потом приехала в наш родной Курск, где в 1942 году добровольно вступила в ряды Советской Армии. Тут и увидела она майский номер «Работницы». Ахнула, всплеснула руками: «Это же надо!»

Вскоре пришла весточка и от самой **Елены Ивановны Каркач**: «...Нас, девушек-разведчиц, в 182-й Отдельной мотострелковой разведроты 2-й гвардейской дивизии было трое, — пишет она. — И вот мы: Галина Дурай, Агриппина Толмачева и я — переоделись в гражданское платье, переходили линию фронта и вели разведку в прифронтовой полосе. Задания были сложные: количество боевой силы противника, расположение огневых точек, прохождение линии обороны, склады боеприпасов, штабы частей, наблюдательные пункты — все надо было примечать. Приходилось носить в тыл врага и листовки с обращениями к вражеским солдатам и офицерам, в которых говорилось о преступной войне, развязанной Гитлером против нашей страны. Фашисты нередко задерживали, допрашивали, но нам удавалось обмануть, перехитрить врага. Уходили в разведку обычно на рассвете, а возвращались поздно ночью. Иной раз начну вспоминать и будто наяву пробираюсь полями, лесами, через горы — к своим... Брели нас и в боевую разведку: мы участвовали в ночном поиске, захватах «языка». Если ранят кого-то из товарищей, перевязывали, уносили к своим... Война закончилась для меня 16 февраля 1945 года, когда я была тяжело ранена в бою...»

Однополчане Елены Ивановны вспоминают, как военврач, осмотрев ее раны (а их было одиннадцать!), жестом показал: безнадёжна, мол... Но она выжила.

«Нет ничего более радостного и счастливого, чем жить без войны», — пишет **К. Шилова** из Уфы. — Я счастлива, как и миллионы других советских матерей, что мои дети не испытали бомбежек и голода, не видели, как погибают товарищи. Мы, радистки 23-го женского отдельного полка связи, который обслуживал 3-ю воздушную армию, так же как и все те, кто носил военную форму в годы нелегких испытаний, кто не покладая рук трудился во имя Победы в тылу, сделаем все, чтобы наша Родина была сильна и могуча, чтобы она всегда была свободна!»

«...Вот и окончилась наша встреча в кругу фронтовых подруг», — пишет бывшая медицинская сестра, старший лейтенант **Антонина Ивановна Вишина**. — Пели песни военные, чокались железными кружками. Нашли где-то свечной огарочек, зажгли, как бывало в землянке. И до самого рассвета вспоминали об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах своих...»

Л. РОСТОВА

К. БРЮЛЛОВ. ПОРТРЕТ СЕСТЕР ШИШМАРЕВЫХ (фрагмент).

Деревокарт Брюллова

Л. ОСИПОВА

Когда Карл Брюллов замечал в гостях или на улице, в толпе, выразительное лицо, он торопился сделать с него набросок, а придя домой, брался за кисть и писал портрет в подражание Веласкесу или Тициану, считая, что такие упражнения помогают совершенствованию его таланта. Приступая же к работе, которую считал серьезной, он обыкновенно говаривал: «Сделаю Брюллова». И тогда современники видели картину, написанную совсем по-иному, в манере, свойственной только ему, Брюллову. И поражались способности художника постичь дух своего времени, выразить свое понимание истинно прекрасного.

Легко представить тот взрыв энтузиазма и восторженного изумления поклонников Брюллова, когда в 1839 году в мастерской художника появился законченный большой портрет сестер Шишмаревых. Если некоторые произведения открываешь постепенно, иногда через много лет возвращаясь к ним и постигая их красоту, то этот портрет, как и многие создания мастера, обладает силой мгновенного пленения. Брюллов любил поражать зрителей, любил живописные эффекты и умел пользоваться ими с разнообразием и полнотой. Начиная писать портрет сестер Шишмаревых, Брюллов, несомненно, произнес свою любимую фразу: «Сделаю Брюллова»...

За пять лет до этого он вернулся из Италии. В России его ждал триумф. Привезенное из Италии грандиозное полотно «Последний день Помпеи» принесло Брюллову, кроме академических почестей и лавров, ама «Великого Карла» — так называли его теперь в художественной и литературной среде. «И стал «Последний день Помпеи» для русской кисти первым днем», — писал поэт Баратынский.

Когда входил в брюлловские залы Третьяковской галереи или Русского музея в Ленинграде (именно здесь находится портрет сестер Шишмаревых), будто попадаешь в мир, исполненный блеска, торжества, сверкающей радости. Любимый цвет художника — алый, пурпурный. Он смело пользуется им почти в каждой

своей работе. Тона зеленого, синего, желтого не смягчены, не приглушены, их интенсивность усиливается ярким освещением. «Я хочу, чтобы у меня все было залито светом, как у Веронеза», — говорил Брюллов. И в этом свете фигуры, лица выпуклы, отточены, как скульптура. Нельзя не удивиться эффектной праздничности, царящей в залах.

Эта праздничность отличает все творчество Брюллова. Принадлежит она столько же темпераменту художника, его личности, сколько и времени. Всплеск романтизма, который захватил русскую литературу и искусство первой трети XIX века, нашел в лице Брюллова одного из своих выразителей. Как все романтики, он преклонялся перед красотой. И в своих полотнах славил ее торжество. Н. В. Гоголь заметил, что хоть сюжет «Последнего дня Помпеи» ужасен, картиной наслаждаешься до упоения, наслаждаешься красотой фигур и лиц: «...у Брюллова человек является для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы».

Его женские портреты — это галерея красавиц: Ю. П. Самойлова, Бек с дочерью, У. Смирнова... Художник воспевает красоту в разных ее образах. Неизменно его восторг, неизменно то жизнеутверждающее начало, которое для него всегда связано с представлением о прекрасном. Портрет сестер Шишмаревых продолжает эту галерею.

Он не совсем обычен, это скорее картина: художнику хотелось здесь высказаться полнее, и рамки обычного портрета его бы сковывали. Две изящные амазонки, сходящие по мраморным ступеням лестницы, представляют прекрасным видением художника, воспоминанием о далеком крае, может быть, об Италии или о Константинополе, где побывал Брюллов, возвращаясь из Рима в Россию. Громадное дерево на заднем плане с его могучей раскидистой листвой — оно как будто изнемогает от потоков раскаленного солнца. Переливы тонов в листве — от самых светлых на свету до коричневых и синих в тени — резки и разнообразны, как бывает только под южным небом.

А наряды сестер! Можно подумать, что они соперничают друг с другом изысканной яркостью своих туалетов, неожиданным сочетанием цветов — желтого, алого, синего и зеленого. Их амазонки одинаковы по покрою и сшиты из одинакового мягкого и теплого, в переливах бархата и нежнейшего прозрачного шелка. Но в костюме одной не повторяется ни один из цветов, использованных в костюме другой. Только кружевные оторочки воротника и манжеты традиционно белые.

И вместе с тем у зрителя не возникает ощущения пестроты, потому что художник нашел связи и соотношения тонов. Через сияние света и солнца на полотне, через мажорные сочетания цветов он передает свое ликование от встречи с еще не расцветшей, только рождающейся красотой.

Экзотический замысел картины, по-видимому, целиком принадлежал художнику, портретируемые и заказчик едва ли имели к нему прямое отношение. Об этом говорят и те немногочисленные сведения о семье Шишмаревых, которыми мы располагаем.

Александра Афанасьевна — старшая из сестер (она первая спускается по лестнице) и младшая, Ольга, прожили почти всю свою жизнь в петербургском доме своего отца Афанасия Федоровича Шишмарева, богатого барина, любителя искусств, покровителя художников и артистов. Его портрет кисти Кипренского находится сейчас в Третьяковской галерее.

Через двенадцать лет, когда Кипренского уже не было в живых, а слава «Великого Карла» гремела повсюду, Шишмарев обратился к художнику с просьбой написать его дочерей. Он знал, что Брюллов необычайно капризен в заказах и уже не раз отказывал людям влиятельным и именитым. Рассказывали даже, что император Николай I, несмотря на не раз и прямо высказанное желание иметь свой портрет, написанный Брюлловым, так и не дождался «милости» художника. Будучи натурой глубоко артистической, «Великий Карл» чувствовал себя скованным и угнетенным, когда брался за официаль-

ные заказы или писал людей, внутренне ему несимпатичных.

Познакомившись же с сестрами Шишмаревыми, он не мог не оценить их прелести. Они были и похожи и непохожи друг на друга. Старшая казалась более открытой и свободной в разговоре, грациозной была вся ее повадка, все движения. Младшая представлялась более сдержанной, угловатой, похожей на подростка. Обе музицировали, хорошо рисовали, писали красками и, как все в доме, были увлечены искусством, литературой.

Сохранился карандашный эскиз, на котором сестры изображены в рост, спускающиеся по лестнице одна за другой. Лица их даже не намечены. Для художника, по-видимому, важно было общее композиционное решение будущей работы. Замысел портрета-картины сложился у него, по свидетельству современников, сразу же, как только он познакомился с сестрами.

Жанр портрета-картины использовался Брюлловым неоднократно, такова его «Всадница», портрет Самойловой на маскараде и другие. Впечатление от тех, кого он писал, подсказывало каждый раз новую обстановку, новое окружение, подсказывало соответствующие позы и движения.

Сестер Шишмаревых художник писал, как сцену из спектакля, перенес действие из небольшой усадьбы под сереньким петербургским небом в сверкающий, залитый ярким солнцем мир, превратив русского конюха в черного гнома, смирных, хорошо выезженных лошадей — в бешеных арабских скакунов. В этом обрамлении, в этой великолепной раме скромная и такая несмелая грация обыкновенных русских барышень оказалась необычайно выигршной. А торжество красоты — неизменным и вечным.

Художник стремился к эффекту, который с первых же минут должен был покорить зрителя. Этот эффект оказался действенным и через много десятилетий после того, как Брюллов, сделав последний мазок, придирчиво взглянул на свое творение и поставил в углу его свою подпись.

ЯРКАЯ ЖИЗНЬ ПАРТИЙЦА

К 100-летию со дня рождения
Л. Р. Менжинской

КЛУБ ПИИ
КНИГОЛЮБОВ

НАВЕРХУ — МОСКВА

Людмила Рудольфовна Менжинская — одна из тех, кто принадлежит к замечательной плеяде профессиональных революционеров. По отзыву Надежды Константиновны Крупской, она была «действительной коммунисткой, беззаветно преданной партии... Жизнь ее — яркая жизнь партийца...».

Людмила Менжинская родилась в Петербурге, в интеллигентной семье. Так же, как ее брат Вячеслав и сестра Вера, Людмила унаследовала от родителей не только любовь к труду и неиссякаемую тягу к знаниям, но еще и нетерпимость к социальной несправедливости, ненависть к царскому режиму. Брат и обе сестры стали революционерами, активными деятелями большевистской партии.

Окончив после Мариинской гимназии педагогические курсы, Людмила Рудольфовна начала работать учительницей 1-й Нарвской школы для детей рабочих, а затем вплоть до Великого Октября преподавала в 5-м городском училище для девочек.

Одновременно Л. Р. Менжинская учительствовала и в вечерне-воскресной Смоленской школе. Такие школы играли огромную роль в воспитании рабочих: это был легальный путь для распространения марксистских знаний. Людмила Рудольфовна пользовалась огромным авторитетом у своих взрослых учеников, умела привлекать внимание слушателей к самым насущным вопросам революционного движения. Узнавая жизнь рабочих, условия их труда, она сама постоянно училась у них.

В 1904 году Л. Р. Менжинская стала членом РСДРП и навсегда связала свою жизнь с деятельностью партии большевиков. Во время первой русской революции она активно работала в военной секции ЦК РСДРП, занималась хранением и доставкой оружия, взрывчатых веществ. Как секретарь Петербургского комитета РСДРП участвовала в организации социал-демократического съезда учителей.

Впоследствии Н. К. Крупская писала: «Квартира сестер Менжинских являлась в то время своеобразным штабом, куда постоянно приходили товарищи из ЦК и ПК потолковать, поработать, заваливали Менжинских уймой партийных поручений».

На квартире Менжинских неоднократно бывал Владимир Ильич Ленин.

В период реакции партия ушла в глубокое подполье. В это трудное время сестры Менжинские хранили у себя на квартире нелегальную литературу. Полиция неоднократно производила у них обыски, но, ничего не находя, в конце концов оставила их в покое: скромные учительницы казались «неопасными».

Большевистская партия использовала любую легальную возможность для распространения большевистских идей, в том числе и участие в культурно-просветительных организациях рабочего класса, в страховых кассах, где работала Л. Р. Менжинская.

Когда в 1914 году петербургские большевики по инициативе В. И. Ленина приступили к подготовке издания легального журнала «Работница», в состав российской части редакции вошла Людмила Рудольфовна Менжинская.

За несколько дней до выхода первого номера «Работницы» полиция арестовала редколлегию почти полностью, но первый номер журнала все же вышел 23 февраля (8 марта) 1914 года.

Выйдя из тюрьмы, где она просидела несколько месяцев, Л. Р. Менжинская вновь жадно включилась в революционную работу: организовывала группы учителей-марксистов. А в годы первой мировой войны, твердо следуя ленинским позициям, вела пропаганду среди трудящихся, разъяренная хищнический, империалистический характер этой войны.

После Февральской революции Людмила Рудольфовна работала в Секретариате ЦК. Она вошла в состав секретариата VI съезда партии, с третьего заседания вела протоколы, готовила отчеты и материалы съезда к печати, была избрана в мандатную комиссию. Осенью 1917 года Л. Р. Менжинскую избирают членом Петроградского комитета большевиков.

После победы Октября перед партией и государством встали большие задачи и в области просвещения: необходимо было на смену старому аппарату создать новую советскую систему управления народным образованием огромной страны.

2 (15) января 1918 года В. И. Лениным было подписано постановление Совета Народных Комиссаров о назначении комиссарами при Наркомпросе Н. К. Крупской, П. И. Лебедева-Полянского, В. М. Познера, Л. Р. Менжинской, И. Б. Рогольского. Во главе с А. В. Луначарским это была первая коллегия Наркомпроса. Человек с широким марксистским кругозором и большим педагогическим опытом, Людмила Рудольфовна Менжинская много и самоотдачей работала, стремясь пропитать духом коммунизма все школьное дело.

В 1921 году Людмила Рудольфовна была назначена заместителем заведующего отделом работниц ЦК РКП(б), затем — председателем Всероссийской Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности. В 1927 году она — проректор Академии коммунистического воспитания, в 1928-м работает в агитационно-пропагандистском отделе ЦК ВКП(б). Ее давно уже терзает болезнь: сказывается многолетнее напряжение, годы революционной борьбы. Она не хочет сдаваться и, немного подлечившись, вновь с головой окунается в работу...

Тяжелобольную, Советское правительство направило ее на лечение в Стокгольм. Но Л. Р. Менжинская продолжала быть вместе с Родины в ее великих делах. В ноябре 1933 года она скончалась. Н. К. Крупская вспоминала последнее письмо Людмилы Рудольфовны в Россию, в котором та писала, что ей хотелось бы посмотреть, «как мы вторую пятилетку построим, как у нас развернется наша просветительская работа, как наша страна станет культурной».

Н. ЮРОВА

На одной из встреч с молодежью Т. В. Федорова получила записку из зала: «Отвечьте, Татьяна Викторовна, кому живется легче — слабым, так называемым женственным, или сильным женщинам — речь идет не о физической силе, вы понимаете?»

Кому живется легче, на этот вопрос она не могла бы ответить. Вся жизнь Татьяны Викторовны Федоровой, Героя Социалистического Труда, одной из первых метростроёвок, ныне заместителя начальника управления Метростроя, — необъявленный спор с тихой, комнатной женственностью, пугливой слабостью, вся ее жизнь — утверждение женственности в высоком значении этого слова. И она может по праву говорить о тех, кому живется труднее и счастливее. Об этом — недавно вышедшая в издательстве «Советская Россия» книга Т. Федоровой «Наверху — Москва» (литературная запись Л. И. Стишовой).

Когда Таня была еще школьницей, на уроке труда зашел разговор о том, кем, по мнению учителя, мог бы стать каждый из ребят. Кого-то учитель видел врачом, кого-то портнихой, художником. «А кем Таня будет?» — спросила ее подружка. Учитель внимательно посмотрел на Федорову и сказал: «Если бы ты жила, Таня, в старое время, то обязательно была бы революционеркой...» Мудрый человек подметил в девочке активную энергию, бесстрашие, способность отдаться одной, но пламенной страсти — качества, которые определили удивительный, богатый событиями жизненный путь этой женщины и которые без труда угадывает в ней читатель, несмотря на сдержанный тон повествования в тех случаях, когда Татьяна Викторовна пишет о себе.

Об этой жизни было бы неточно сказать: она сложилась. Детство Тани Федоровой пришлось на неповторимое время первых пятилеток, она, как все ее сверстницы, рано повзрослела (уже в семь лет была пионеркой!). Исключительное время плюс исключительный характер — из этого выстроилась судьба яркая, неповторимая, завидная.

Она сама пошла в ФЗУ. Мама, ее надежный и понимающий друг, только и сказала: «Ты так решила?» Мама всегда с доверием относилась

к тому, что делает Таня, и учила одному — самостоятельности и ответственности.

Таня уже работала такелажницей на «Каучуке» (к которому было приписано ее ФЗУ), когда заводу поручили изготовить стратостат для полета Федосеенко, Усыскина и Васенко. На долю такелажников пришла такая работа: они соединяли гондолу с оболочкой. Оболочка при наполнении газом принимала форму чуть вытянутого шара, а именно этот шар — как волновала юную такелажницу эта мысль! — должен был обеспечить подъем хребцов над землей.

Полет завершился трагически, и многие рабочие «Каучука», в том числе и Таня, пережили это как личное горе. О событии много говорили тогда. Некоторые извлекли из него такую мораль: опасное это дело — отрываться от матушки-земли...

Таня смотрела по-своему. Благоразумная осторожность, смирение — разве это жизнь? В дни, когда еще свежа была память о трагедии, она записалась в планерную школу.

Это открыло новую, совершенно особую страницу в ее жизни, свело со множеством замечательных людей. Достаточно сказать, что двадцать девять учлетов из числа метростроевцев в годы Великой Отечественной войны стали Героями Советского Союза, и с теми из них, кто остался жив, Т. В. Федорову по сей день связывает прочная, настоящая дружба.

Но планерная школа — это уже из метростроевского периода. Важно сказать, почему Таня оказалась на гигантской подземной стройке.

Как пишет Татьяна Викторовна в своей книге: «Очень многое начинается со слова «однажды». Однажды на «Каучуке» появился худой, высокий парень из горкома ВЛКСМ. Он собрал молодежь и зачитал обращение Московского городского комитета комсомола:

«Метрострой строит весь комсомол... Кто должен пойти добровольно на метро? Это должны быть наиболее самоотверженные передовые элементы московского комсомола, ибо мы считаем, что метро нужен не только строитель — метро нужен боец».

Не сговариваясь, три подруги — Зина Максимова, Шура Лазарева и Таня Федорова — подняли руки. Их отговаривали, пугали трудностями работы на «подземке», насмешничали: только под землей еще баб не хватало! Этот шаг, как и многое из того, что она делала в жизни, был вызовом устоявшимся представлениям о возможностях женщины. Таня, как и ее

подруги, работала проходчиком, гоняла по штольням вагонетки, устанавливала крепления...

Они работали самозабвенно, возмещая недостаток сил энтузиазмом, недостаток знаний интуицией. Но без науки было нельзя, и первостроители учились вечерами, прямо в забоях записывали в тетрадки трудные, непонятные слова «рошпан», «лонгарина»... Да, они начинали не так, как их последователи семидесятых годов, — о них с неменьшим знанием и симпатией пишет заместитель начальника Метростроя — дипломированные специалисты, с уверенностью и достоинством передающие свой опыт не только коллегам в Баку, Харькове, Ташкенте, но и американским, английским, японским, итальянским, датским, бельгийским метростроителям, которые, как выразился один американский бизнесмен, «перед Метростроем Москвы снимают шляпу».

И когда в 1948 году директор-полковник путей и строительства Т. В. Федорова стала начальником строительства станции «Новослободская», то есть первой в стране женщиной — начальником шахты, это было естественной вехой на пути, уверенно начатом в юности бескомпромиссной и не терпящей скидок на «женственность» Таней.

«Наверху — Москва» — книга метростроителя, но в ней вы найдете воспоминания о встречах с М. И. Калининым, Н. К. Крупской, Серго Орджоникидзе, Г. Димитровым, К. С. Станиславским, В. И. Качаловым, А. Стахановым, В. Хетагуровой, В. Чкаловым, Ю. Гагариным.

На одной из страниц Татьяна Викторовна замечает: «Мне везло на хороших людей». Но позволило себе сказать, что не меньше везло тем людям, которых судьба сталкивала с нею. И по этому поводу расскажу эпизод, не вошедший в книгу, видимо, в силу все той же сдержанности, с какой автор говорит о себе. Как-то поздним вечером (Федорова была тогда начальником шахты) к ней в кабинет свалилась грузная, некрасивая женщина, которая спросила угрюмым басом: «На работу возьмешь?»

Незнакомка оказалась главарем воровской шайки. И вот надорело, захотелось честной человеческой жизни, но никто не решается принять на работу человека, который и сам не скрывает, что умеет только грабить магазины.

Федорова взяла эту женщину, и та проработала потом на Метрострое почти двадцать лет. И сейчас еще на стенах тоннелей, мне рассказывали, встречаются высеченные ее пескоструйным аппаратом три буквы «Т. В. Ф.» — так она выражала Татьяне Викторовне признательность за помощь, оказанную в отчаянную минуту.

Я встречалась с Татьяной Викторовной, мне случалось о ней писать. И тогда, после первых встреч, и сейчас, по прочтении книги, когда вновь встала перед глазами вся ее жизнь, задаюсь вопросом: откуда брались силы, чтобы жить именно так? Четырнадцать лет начальником шахты. Она прорвалась с жизнью под обвалившимся грунтом, знает, что такое удушающее давление кессонной камеры, трижды перенесла сотрясение мозга. Сама рисковала и множество раз переживала жестокий страх за других. Не очерствела, не растеряла, как это бывает с очень занятыми людьми, друзей. И осталась вопреки всему элегантно, женщиной до кончиков ногтей.

Ответ читатель пусть сам ищет в книге. Книга ведет улицами и площадями подземного города, через годы и десятилетия, от первых шахт Метростроя до будущих станций, обозначенных пока только на генеральном плане строительства. Ее прочтут с интересом и зрелые и молодые люди. Одни — чтобы вспомнить, другие — узнать.

Л. ТАРХОВА

СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ

Все вы, конечно, знаете, что в 1974 году Советом Министров СССР было утверждено новое положение о паспортной системе в нашей стране.

В нем подчеркивалось: совершенствование паспортной системы должно содействовать лучшему осуществлению гражданами своих прав, исполнению ими обязанностей перед советским обществом. Введение единого для всего населения порядка паспортизации будет способствовать решению ряда государственных задач: лучше, точнее можно учитывать наши трудовые ресурсы, движение населения, планировать развитие народного хозяйства и размещение производительных сил в стране.

Предстояла огромная работа. Не только органы внутренних дел готовились к выдаче новых паспортов. Партийные и советские организации, представители общественности широко разъясняли гражданам значение предстоящей кампании.

Нужно было подготовить кадры паспортных отделов, напечатать миллионы и миллионы бланков, хорошо оборудовать помещения для вручения паспортов, продумать порядок обмена, чтобы проходил он четко, не отнимал у людей много времени.

И вот с января 1976 года начался обмен паспортов. Он будет продолжаться до 1981 года: порядок и последовательность вручения паспортов по каждому городу, району и селу определяют местные Советы.

Очень хочется, чтобы каждому из нас запомнился тот день, когда нам вручат Паспорт гражданина Союза Советских Социалистических Республик. Выдается он на всю жизнь, лишь фотокарточки меняются по исполнению 25- и 45-летнего возраста. Заполняется документ на русском языке, а если гражданин живет в союзной или автономной республике, также соответственно и на языке ее народа.

Мне, как депутату Бауманского районного Совета Москвы, хочется подчеркнуть особое значение этого события для молодых граждан, получающих основной документ гражданина СССР впервые. Мы и прежде старались вручать паспорт в торжественной обстановке. Теперь же обращаем особое внимание на организацию церемониала: празднично оформляем зал, приглашаем сразу группу юношей и девушек, кому исполнилось шестнадцать лет, просим приехать знатных людей района, передовиков производства, ветеранов войны и труда, видных ученых, общественных деятелей. Старшие товарищи напутствуют молодых, чтобы они гордились званием гражданина Советского Союза, нигде, ничем его не опорочили. «Вскоре наступит день, — говорят девушкам и юношам, — когда вы переступите порог завода или фабрики, придете в учреждение, а может быть, поедете на БАМ и скажете: «Я пришел к вам на работу. Вот мой паспорт».

Хочу обратиться через журнал и к матерям: воспитывайте в детях чувство уважения к документу, на обложке которого — герб нашей Родины.

Л. КАРАУЛОВА,
директор 346-й школы г. Москвы

КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТЕЛЕФОН

«10 лет мы работаем в огромном здании очистного цеха. И до сих пор здесь нет ни туалета, ни питьевой воды. А отлучиться нельзя—на вакуум-фильтрах 8-й машины работает всего один человек».

(Из письма вакуум-фильтровщиц Слокского целлюлозно-бумажного комбината Латвийской ССР.)

«Персолю», получив это письмо, обратилась к директору бумажной фабрики Э. К. Андрейсону.

— Но у них же есть телефон!— воскликнул директор.

— ???
— По нему они могут дозвониться до наладчика.

— ???
— Наладчик, если свободен, подмнит работницу, пока она сходит на целлюлозный завод.

— ???
— А там есть и туалет и питьевая вода.

Понятно. Спасибо тов. Андрейсону за полезный совет.

ЛОМОМ И ЛОПАТОЙ

— Хорошо бы нам, товарищи, обратившись отбойными молотками,—раздумчиво сказал один аппаратчик, опершись на лопату.

— А то бы динамитом ее рвануть, будь она неладна,—утирая соленый пот, размечтался второй аппаратчик.

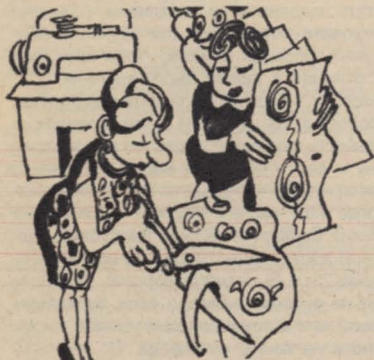
— Да возьмет ли ее динамит?—усомнился третий.

И, вздохнув, женщины, а все аппаратчики были женщинами, продолжали долбить ломом и грузить лопатой слезавшуюся, смержшую соль...

Стоп! Внимательные читатели «Персоли» могут упрекнуть нас в повторении: ведь почти слово в слово все это уже писалось в «Работнице» № 5 за 1972 год.

Но руководство прядильно-ткацкой фабрики имени А. Д. Цюрупы Воскресенского района Московской области в то время не относилось к числу внимательных читателей и не обратило внимания на заметку. Правда, адрес назывался другой, но соль поднятого вопроса была та же: допотопные приемы труда в отделении химводоподготовки.

Вероятно, на фабрике имени А. Д. Цюрупы (а может быть, и где-то еще?) до сих пор не желают знать, что существует и повсеместно внедряется способ мокрого хранения соли, избавляющий аппаратчиков от лома и лопаты.

ДЕЛО ПАХНЕТ КЕРОСИНОМ

«В нашем цехе машинной вышивки восемьсот работниц, и все мы мечтаем вышивать вещи красивые и высокого качества. Но вот беда—нам нужны промышленные нитки № 80 на бобиных, а нам дают на катушках. Нитки эти низкого качества, часто рвутся; и целый день только и занимаешься тем, что вдеваешь нитку в иглолку. Чтобы нитки не так рвались, мы держим их в баночках с керосином, отчего в цехе стоит тяжелый, неприятный запах. Запах очень сильный, но Министерство местной промышленности УССР, к которому относится наша фабрика, до сих пор его не почувствовало...»

А еще нам нужны ножницы, без которых не могут работать ни вышивальщицы, ни тем более вырезальщицы. А ножницы чуть ли не одни на весь цех. Пока ходишь за ними, мичешь—работа стоит.

Работницы цеха машинной вышивки фабрики имени Жанны Ляурб, г. Одесса».

ВЕТРОМ ПОЛНЫ ПАРУСА

Внимание! Внимание! Продолжаем репортаж с трассы спортивных состязаний мужчин-алиментчиков на приз «Персолю»-76. Только что перед нами с космической скоростью промелькнул и исчез в направлении города Душанбе Геннадий Афанасьевич Иванов. Так он бежит от сына Олега уже восемь лет и имеет отличную спортивную форму. Готов бежать дальше.

Целый год, преодолевая различные препятствия, петляя по городам и селам Белоруссии Иван Петрович Абражевич. Он намного отстал от лидера и несколько раз изъявлял даже желание сойти с дистанции, остановиться, поработать, перевести дыхание... Но каждый раз воспоминание о детях словно ветром наполняло паруса его судьбы и гнало дальше и дальше.

К сожалению, не принимает участия в соревнованиях один из способнейших алиментчиков-ветеранов, обладатель тридцативосьмимесячной задолженности А. С. Макаров. Приглашение не застало его ни в Усть-Удинской, ни в Ангаро-Ленской, ни в Сосновской геологических экспедициях, где он когда-то работал. Быть может, кто-либо из болельщиков знает, где—вдали от громкой славы—проводит свой спортивный сезон А. С. Макаров?

Пока бегуны проходят очередной круг, заглянем в сектор по поднятию тяжестей. Вот на помост вышел Анатолий Николаевич Вергейчик, проживающий, возможно, в Орле. Рывок—и на световом табло загорается общая сумма его задолженности сыну Вадиму—864 рубля 06 копеек. Но не успел еще отгреть гром овец на трибунах, как представил Ирбейского

ПЕРСОЛЬ

ВЕРНИСЬ, «АЗЛИТА»!

Житель города Тольятти Серафим Степанович Тетушкин ко дню рождения супруги преподнес ей в подарок изделие Московского завода электроаппаратуры—фен с лирико-космическим названием «Азлита». Растроганная супруга, любопытная, как все женщины на свете, решила немедленно испытать действие прибора на каком-нибудь подходящем объекте. И смело, согласно инструкции, направив дуло «Азлиты» в свежeweымытую голову Серафима Степановича, она нажимает кнопку включателя... Осечка! «Азлита» лишь фыркнула строптиво и насмешливо. Вместо ласкового ветерка чуть не разыгралась семейная буря. Не найдя в своем городе мастерской, где могли бы произвести гарантийный ремонт фена, тов. Тетушкин отправляет его на завод-изготовитель и надеется получить взамен годный. Долго уже надеется...

— Снова приближается день рождения жены,—волнуется Серафим Тетушкин,—вернется ли к нам «Азлита»?

района Красноярского края Анатолий Алексеевич Герасименко легко устанавливает новый рекорд среди обладателей исполнительных листов—1682 рубля! Презрительно оглянувшись в сторону города Кинешмы, где подрастает его ребенок, чемпион покидает помост.

Вы слышите нарастающий рев моторов? Профессия шофера—одна из самых излюбленных у алиментчиков, и не удивительно, что авторалли собрало большое число участников. Первым мы приветствуем водителя Алмазарской автобазы Ташоблкооптранса Зейнала Мамедова.

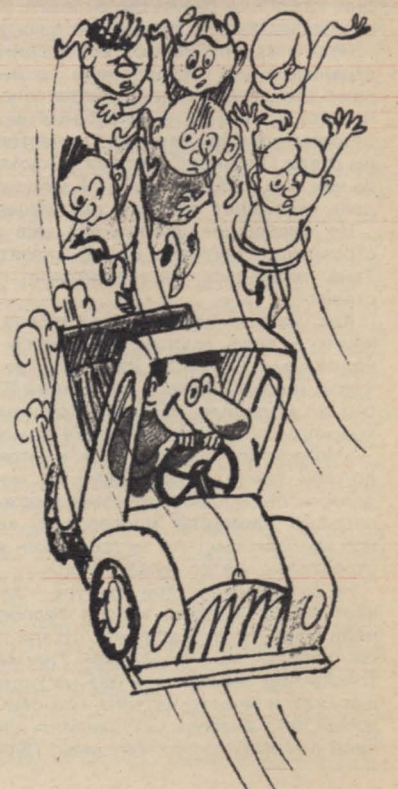
— Одну секунду, Зейнал! Что бы вы хотели сказать вашим шестерым детям в селе Дегади, Астаринского района Азербайджана?

— Догоняйте, детишки, папу. Ау!
— Неплохо, Зейнал! Как аукнется, так и откликнется...

Вторым на поле стадиона въезжает шофер Чуйской механизированной колонны Киргизэлектросетьстроя Владимир Михайлович Штеревера. Он провел в бегах от сына в общей сложности пятьдесят три месяца и очень устал, однако 800 рублей задолженности не позволяют ему остановиться на достигнутом, и, подав очередное заявление об увольнении, он скрывается в облаке пыли.

Итак, наша передача не окончена—соревнования на приз «Персолю»-76 продолжаются.

Дежурный по «Персоли»
С. ЛАПТЕВА.

ДВИЖЕНИЕ,

ДВИЖЕНИЕ...

Женщина спешила с работы домой. Как всегда, забежала в один магазин, другой. Что-то опять побаливает спина. Ничего, поболит—перестанет. Не в первый раз...

Наконец-то дома! Из комнаты выскочил сыннишка, бросился на шею. И вдруг... острая боль пронзила все тело. Как опустила сына на пол, как добралась до постели, не помнит.

Участковый врач, пришедший назавтра, покачал головой: радикулит. Поинтересовался, бывали ли приступы раньше. Нет, кажется, не было. Так, иногда побаливала спина. Когда поднимала что-нибудь тяжелое, стира-ла, ставила бак на плиту... Весной мыла окна—впервые заболело, полдня проходила, держась за поясницу. А так—нет, приступов не было.

Дни бежали за днями. Постепенно начала подниматься с постели. Но каждый шаг давался с трудом. Кажется, если была бы возможность, лежала бы и лежала, не шевелясь, не двигаясь. Да если бы одна спина! Вот и голова начала болеть, сон пропал. Появилась раздражительность, слезы на глазах...

Радикулит—одно из самых распространенных заболеваний нервной системы, и страдает от него весь организм. Причины разные. Переохлаждение тела, постоянное пребывание во влажном и холодном помещении, резкое изменение температуры воздуха. Сквозняки. Травмы. Нередко—осложнение после инфекционных заболеваний—гриппа, ангины, ревматизма. Последствия алкоголизма...

Что же вызывает боль? От спинного мозга ответвляются нервные корешки. Их воспаление и называется радикулитом. Он может возникнуть на любом отрезке спинного мозга. Однако шейные и грудные корешки поражаются редко, а вот нижние поясничные и верхние крестцовые, входящие в состав седалищного нерва, гораздо чаще: это и называют пояснично-крестцовым радикулитом.

Врачи, как правило, назначают при радикулите всевозможные лекарства, процедуры. И нашей больной после серии уколов, когда она уже смогла передвигаться, назначили сеанс электролечения. Токи, как ей казалось, давили и мяли мышцы, кололи их иглками, жгли огнем. Боль отступала медленно, очень медленно. Даже после того, как через месяц она вышла на работу, ходила осторожно, опасаясь резких движений. По привычке забегала в магазины, но выходила с полупустой сумкой: лучше прийти лишний раз.

Многие думают: радикулит—какая, мол, это болезнь? Никто от нее еще не умер. Верно: не умер. А если поинтересоваться, сколько больничных листов выдается по поводу этого недуга, картина получится не очень отрадная. Даже самые современные методы не всегда до конца ликвидируют заболевание. Радикулит может перейти в хронический. Никогда не угадаешь заранее, отчего, в какой день вспыхнет обострение. Это может случиться и во время прогулки по лесу, и на работе, и дома.

Радикальный способ лечения и профилак-

тики радикулита—движение. Да, да, именно движение, которого так боятся больные. Комплексы специальных физических упражнений отлично прогревают больные мышцы изнутри, увеличивают прилив к ним крови и питательных веществ, не дают мышцам, как говорят, «застояться», «закоченеть». Не улыбайтесь скептически. Усиленная мышечная деятельность активизирует общий обмен веществ, способствует выведению из организма лишних солей (а «пособник» радикулита—отложение солей в позвоночнике).

Так что же делать?

Прежде всего включить в режим дня утреннюю гимнастику, прогулки на свежем воздухе и посильные занятия спортом—бадминтон, плавание, лыжи. После утренней зарядки—обязательно водные процедуры. Они способствуют укреплению нервной системы, закаляют организм. В первые дни растирайтесь влажным полотняным полотенцем до пояса, а через две-три недели—все тело. Сначала теплой водой, затем постепенно доведите ее до комнатной температуры. Руки, грудь, живот растирают кругообразным движением, спину—перебросив полотенце через плечо, ноги—снизу вверх.

После зарядки и завтрака очень полезно пройти в быстром темпе пешком до работы хотя бы часть пути. Полезно и домой возвращаться пешком. Ходьба, связанная с работой многих мышц, улучшает работу сердца, укрепляет организм.

Если вам не хватает организованности для систематических занятий физкультурой, запишитесь в группу здоровья или общефизической подготовки, которые нынче работают при большинстве стадионов, во многих производственных коллективах. Там вашим наставником и помощником станет опытный методист.

Утренняя зарядка, общеукрепляющие процедуры—лишь часть комплекса, призванного восстановить трудоспособность, предупредить рецидивы заболевания. В вашу жизнь обязательно должна войти лечебная гимнастика. Она доступна каждому, ею можно заниматься в домашних условиях. Пройдет время, и вы почувствуете, как раз от разу движения становятся все более согласованными, исчезают боли, появляется приятное самочувствие и хорошее настроение, повышается работоспособность.

Мы предлагаем один комплекс такой гимнастики (их существует очень много). Лучше заниматься утром, после сна. Тогда гимнастика несет как бы двойную нагрузку—служит профилакцией радикулита и одновременно выполняет роль зарядки.

Если же вы чувствуете себя неважно, снова появляются боли, придется заниматься трижды в день—утром, в середине дня и под вечер, не позже, чем за час до сна.

Занимайтесь в хорошо проветренном помещении, в легком тренировочном костюме, чтобы не охлаждались мышцы. Ни в коем случае во время выполнения упражнений нельзя попадать на сквозняки.

Итак, приступаем к упражнениям.

1. Ходьба по комнате или на месте с широкими, размашистыми движениями рук—30—40 секунд. Дыхание произвольное.

2. Ноги вместе, руки «в замок» перед туловищем. Поднять руки вверх, прогнуться—вдох. Возвратиться в исходное положение—выдох. 8—10 раз.

3. Ноги врозь, руки на талии. Наклонить туловище влево, сгибая правую ногу в колене,—выдох. Возвратиться в исходное положение—вдох. По 5 раз в каждую сторону.

4. Ноги врозь, руки опущены. Наклониться к левой ноге и дотронуться до колена—выдох. Выпрямиться—вдох. По 5 раз в каждую сторону.

5. Ноги врозь, на ширине ступни. Присесть, вытянуть руки вперед—выдох. Выпрямиться, руки вниз—вдох. 8—10 раз.

6. Лечь на спину, руки вдоль туловища. Поднять одновременно левую ногу и руки—выдох. По 6—7 раз каждой ногой.

7. Лечь на спину, руки на поясе. Согнуть ноги в коленях, потом положить их вправо, стараясь не сдвинуть плеч с места,—выдох. Возвратиться в исходное положение—вдох. По 6—7 раз в каждую сторону.

8. Встать на колени, опираясь ладонями в пол. Поднять вверх выпрямленную левую ногу, прогнуться в пояснице—выдох. Опустить—вдох. По 5—6 раз каждой ногой.

9. Встать лицом к стулу, поставить прямую левую ногу на сиденье, руки на пояс. Согнуть левую ногу в колене—выдох. Разогнуть—вдох. Выполнить 5 раз подряд, потом сменить ногу.

10. Сесть на край стула, руками опереться на сиденье сзади, ноги не сгибать в коленях. Движения ногами вверх и вниз без остановки—«ножницы». По 8—10 движений, дыханье равномерное.

11. Встать спиной к сиденью стула, присесть, руками опереться в край сиденья. Спина прямая. Встать с помощью рук—вдох и снова присесть, опираясь на руки,—выдох. 8—10 раз в медленном темпе.

12. Встать боком к спинке стула, взята одна рукой за спинку, другая рука опущена вниз. Наклониться вперед, дотронуться пальцами свободной руки до носков ног—выдох. Выпрямиться—вдох. Выполнять по 6 раз стоя сначала правым, а потом левым боком к стулу.

13. Ноги вместе, руки вдоль туловища. Мягкий шаг—ноги плавно перекачиваются с носка на пятку и потом ставятся на всю ступню. Руки одновременно идут одна вперед—вверх, другая назад. Дыхание произвольное. 40—50 секунд.

В заключение хочу посоветовать: не допускайте типичной ошибки—чуть боли утихнут, сразу же гимнастику побоку. Лишив себя физических упражнений и связанных с ними нагрузок, вы снова откроете дорогу радикулиту.

Подружитесь с физкультурой на всю жизнь. Поверьте, польза от этого огромная!

Р. РАКИТИНА,
кандидат биологических наук

«Семья у нас молодая. Я привыкла, что дома все делали мама и бабушка, а как управляться с хозяйством самостоятельно, не знаю. Казалось бы, надо приготовить немудреное блюдо — картофельное пюре, пирог с капустой, — а для меня это тайна за семью замками. Да разве только это? Помогите нам, начинающим хозяйкам, научиться вкусно готовить, красиво сервировать стол, распределять семейный бюджет», — пишет В. Ярушина из Волгограда. Просят совета в домашних делах и многие другие читательницы.

Мы открываем в журнале новую рубрику — «Дела домашние». Знающие люди — кулинары и архитекторы, экономисты и медики, умудренные опытом хозяйки — будут рассказывать, как рационально вести домашнее хозяйство, ответят на ваши вопросы. Будем рады, если и вы, наши читатели, примете участие в этом разговоре.

ТВОЯ КУХНЯ

Какой бы ни была кухня — маленькая или большая, она прежде всего должна быть удобной для работы. Тут важно все: как расставлена мебель, где хранятся продукты, посуда, разные кухонные принадлежности.

Обычно кухонный стол, плита и мойка располагаются рядом, у одной стены. Согласитесь, так удобнее: когда готовишь, не приходится бегать от мойки к плите. Всю остальную утварь расположите поблизости. На полках кухонного стола — кастрюли и сковороды, мясорубка. В выдвижном ящике — ножи, ложки, вилки, ножи для открывания консервов, ножницы. Терку, дуршлаг, шумовку для снятия пены, половник можно повесить на вешалку возле мойки или над нею. Рядом — полотенца, фартук. Где-нибудь поблизости расположите доски, на которых разделяют мясо и рыбу, режут овощи. В шкафчике над кухонным столом лучше всего держать самые необходимые продукты: соль и сахар, растительное масло, перец, лавровый лист, всевозможные заправки и сушеные травы — петрушку, укроп, сельдерей, муку и панировочные сухари. Остальные продукты — крупы, муку, макароны — можно разместить и в другом месте, за ними не приходится поминутно ходить.

То, что нужно для мытья посуды, лучше расположить поближе к мойке. Сушилку вешают прямо над раковиной, чтобы туда стекала вода. Щетки для мытья посуды, ершики для бутылок, цеделку, кружку можно повесить на специальных крючках или гвоздиках. Возле раковины — для этого можно использовать большие пластмассовые мыльницы с присосками или полочки — положите мочалки, мыло, щетки, соду, пасты и порошки для чистки посуды.

Может быть, у вас на кухне мебель расположена иначе, и продукты вы привыкли хранить в другом месте — посмотрите сами, как удобнее. Но так, чтобы не бегать, например, за солью от плиты через всю кухню. Время экономится на мелочах, да и устаешь меньше.

Конечно, хочется, чтобы на кухне было уютно. Кафель у мойки, кухонного стола и плиты, красивый цвет стен, чистенькие шкафчики и полки, нарядные занавески, красивый светильник — на кухне должно быть светло.

Постарайтесь, чтобы все это хорошо сочеталось, и избегайте стандарта. Не обязательно вешать цветастые занавески, даже если на них изображены подходящие для кухни натюрморты, может быть, лучше взять ткань одноцветную, в горошек или полоску. Кстати, штору на кухонное окно лучше не делать до полу — короткие выглядят красивее. Сейчас модны абажуры, особенно самодельные — если хотите, сделайте его из той же ткани, что и занавески. Не стоит перегружать кухню всякими безделушками, самовар, расписной поднос или резные доски — самое подходящее для нее украшение. Не забудьте про часы, они очень нужны на кухне и не только чтобы замечать, сколько варить то или иное блюдо. Когда торопишься на работу, а дети спешат в школу, приходится следить за временем. Если вам нравятся старинные ходики или часы с кукушкой, повесьте их, на кухне они будут уместны. Радио на кухне позволит не только получать информацию о последних событиях, но и послушать музыку.

На обеденный стол не ставьте ничего лишнего, только самое необходимое — солонку, переноску. Садитесь завтракать или обедать — стол сервируйте, поставьте хлеб, масло, сахар, столовые приборы.

Не загромождайте подоконник, окно в кухне всегда на виду, и беспорядок сразу же бросится в глаза.

Словом, постарайтесь, чтобы кухня была удобной для работы и при этом оставалась местом, где приятно посидеть всей семьей: попить чайку, поговорить.

Л. ОРЛОВА

Самое необходимое

ЧАЙНИК. У каждого свои преимущества: алюминиевый не оббивается, а если его содержать в чистоте, он будет всегда как новый. Зато эмалированный лучше моется. Купив новый чайник, вскипятите в нем воду и вылейте. После этого его можно пускать в дело. Никогда не разогревайте уже кипящую воду — вкус у такого чая хуже. Не используйте для чая или готовки горячую воду из водопровода, она пригодна лишь для мытья посуды.

КОФЕЙНИК. Некоторые варят кофе в кофеварке, другие предпочитают джезвей (специальный открытый сосуд), третьи — эмалированный кофеиник. Во всех случаях надо использовать их только для приготовления кофе и тщательно мыть, чтобы на стенках не оставалось налета.

КАСТРЮЛИ. Надо иметь несколько разных кастрюль. Для супа и макарон — побольше, литра на 3—4, и лучше эмалированную. В ней можно также варить кисели и компоты. Для овощей годится и алюминиевая, поменьше. С эмалированными кастрюлями обращайтесь осторожно: в горячую кастрюлю не наливайте холодную воду, чтобы эмаль не потрескалась. Не скоблите ее ножом, не чистите наждачным порошком. Лучше прокипятить с содой и хорошо протереть мочалкой.

Помните, что в эмалированной посуде нельзя хранить или оставлять на долгое время кушанья, содержащие уксус или лимонную кислоту, компоты из очень кислых фруктов. Не употребляйте посуду, у которой с внутренней стороны повреждена эмаль.

Тушить овощи, мясо, птицу советуем в стальной или чугунной кастрюле, утятнице, они сильнее нагреваются, дольше хранят тепло.

Для молока заведите алюминиевую кастрюлю. Кроме молока, ничего в ней не кипятите, молоко легко вбирает в себя всевозможные запахи. Прежде чем налить молоко, кастрюлю ополосните холодной водой и не вытирайте. Крышкой накрывайте кастрюлю уже после того, как молоко немного остынет.

Потемневшую алюминиевую кастрюлю прокипятите в воде с 3—4 столовыми ложками уксуса, а летом со шавелем. Если в кастрюле что-то пригорело, не скоблите ее — насыпьте соли, налейте воды и дайте несколько часов постоять.

СКОВОРОДЫ. Сковорода должна и хорошо разогреваться и долго хранить тепло. Этим требованиям отвечает сковорода из чугуна или толстого алюминия. Сковородки нужны как минимум две: большая — для жарения мяса и овощей и поменьше — для яичниц и блинчиков.

Новую сковороду необходимо как следует прокалить с солью и промыть горячей водой.

Если у сковороды нет ручки, понадобится сковородник.

ДУРШЛАГ — эмалированный или алюминиевый для процеживания бульонов, промывки макарон, риса, овощей.

НОЖИ нужны самые разные, но лучше нержавеющей: при чистке овощей они не окисляются.

ДОСКИ — отдельные для резки хлеба, для разделки теста, для резки вареных и сырых продуктов. Их полагается тщательно мыть и вытирать, чтобы грязь не попала на продукты.

НОЖНИЦЫ. Обычные портновские ножницы помогут быстро нарезать зеленый лук, срезать плавники у рыбы. Для разделки утки или курицы удобнее использовать секатор.

Кроме перечисленного, в хозяйстве понадобятся еще мясорубка, половники, шумовка, штопор и консервный ключ, терка, скалка, ступка, сито, деревянный молоток, толкушка, венчик для сбивания крема.

М. ЧЕРНЯК

СКОРО ВАРИТ СКОРОВАРКА

Эта чудо-кастрюля во много раз сокращает время, которое мы тратим на приготовление обеда. Двадцать минут — и готов суп. Еще двадцать — поспело второе. К тому же, как считают специалисты, некоторые блюда — бульоны, например, — получаются в ней вкуснее. Но вот беда: не все умеют с этой чудо-кастрюлей обращаться. Бывает, купит ее женщина, раза два неудачно испробует — и ставит на полку. Чтобы этого не случилось, внимательно прочтите инструкцию, а кроме того, запомните:

● Если хотите приготовить определенное количество порций супа, влейте в скороварку такое же количество воды (испарение практически равно нулю). Но жидкость не должна превышать 2/3 объема скороварки.

● Готовя из продуктов, имеющих свойство разбухать — рис, фасоль, — наполните кастрюлю наполовину.

● Рыбу в скороварке лучше не готовить — она и так варится недолго, а из скороварки рыбный запах удалить трудно.

● Чтобы точно определять время, когда готовить в скороварке, заводите будильник, иначе продукты могут перевариться.

● Начинайте отсчет времени, необходимого для приготовления блюда, с того момента, как клапан зашипит. Затем огонь надо убавить.

● Если пар выходит из-под крышки, а не через клапаны, снимите кастрюлю с огня, охладите дно в холодной воде, сбросьте пар и закройте крышку. Не забудьте проверить проходимость аварийного клапана.

● Вы хотите добавить за несколько минут до окончания варки блюда какие-то продукты. Поставьте кастрюлю в холодную воду, сбросьте пар через рабочий клапан до прекращения кипения и только после этого открывайте крышку.

● Резиновая прокладка со временем может вытянуться или потерять эластичность, надо ее заменить. Новую прокладку подержите некоторое время в теплой мыльной воде, помойте, затем вложите в канал и аккуратно заправьте, чтобы нигде не отставала.

● Блюда, сваренные в скороварке, особенно если они приготовлены с горчицей, сметаной, помидорами или капустой, нельзя оставлять в кастрюле — сразу же переложите их в эмалированную или стеклянную посуду.

● После каждого употребления скороварки хорошенько промойте клапан или прочистите с помощью проволоки. То же самое сделайте, если клапан не шипит.

● Решетка для приготовления на пару, которая дается к скороварке, годится лишь для таких продуктов, как картофель, свекла, морковь, котлеты. А фасоль, горох, рис варите в дуршлаге подходящего диаметра: ручки у него удаляют и ставят его на решетку.

Щи, супы. Мясо или курицу положить в скороварку и залить водой не больше чем на две трети. Не закрывая кастрюлю, дать закипеть и снять пену. Добавить лук, морковь и закрыть кастрюлю. Варить в течение 20—25 минут, затем открыть, положить овощи, вермишель и доваривать в открытой кастрюле.

Мясо. Чтобы приготовить жаркое, положите в кастрюлю посоленное, слегка посыпанное мукой мясо вместе с зеленью, добавьте немного воды и тушите 20—30 минут. Столько же времени потребует, чтобы приготовить гуляш, — его тушат, добавив немного воды. Когда мясо готово — откройте кастрюлю, положите картофель и тушите еще минут 10.

Некоторые рецепты требуют, чтобы мясо было предварительно поджарено. Это тоже можно сделать прямо в скороварке.

Паровые котлеты тушат на решетке в течение 14 минут, налив в кастрюлю немного воды. Можно положить в воду и картофель — блюдо получится очень вкусным.

Утку и курицу для тушения предварительно обжарьте на сковороде с луком и морковью. Затем все переложите в скороварку, добавьте полстакана воды и тушите в течение 20 минут.

Морковь для тушения предварительно слегка обжарьте, не давая подрумяниться, в кастрюле с маслом. Добавьте чеснок, гвоздику, соль, перец, немного муки, тушите 10—15 минут. Такую морковь подают, как гарнир, или используют для приготовления котлет и запеканки.

Капуста для тушения либо нарежется крупными кусками, либо используется целиком, если кочан небольшой. Вскипятите в скороварке воду, опустите в нее капусту и 5 минут

кипятите в закрытой кастрюле. Откиньте капусту в дуршлаг и, вылив воду из скороварки, положите в нее грудинку (или масло), морковь, лук, зелень и капусту, посолите, поперчите. Тушите все, закрыв кастрюлю, еще 25—30 минут.

Фасоль предварительно варится в несоленой воде 5 минут. Затем воду сливают, фасоль в скороварке заливают кипятком, солят, кладут по вкусу лук, чеснок, зелень и варят, закрыв крышку, еще минут 40. Молодая фасоль бывает готова через 3 минуты.

Горох надо накануне замочить в холодной воде. Положить в скороварку вместе с чесноком, залить подсоленной водой и варить 45 минут. После этого, если хотите, положите в кастрюлю грудинку, томат, сливочное масло, соль, перец и варите еще 30 минут.

Картофель варится 10—12 минут в зависимости от величины клубней. На пару, на решетке, он бывает готов через 8 минут. Когда картошка сварится, ее можно еще 2 минуты потушить со сметаной (воду надо слить).

Рис можно варить двумя способами. Первый: на чашку риса берут 1,5 чашки воды и варят 7 минут. Второй: воды берут в несколько раз больше, чем риса, который помещают в дуршлаг, поставленный на решетку. Варить 6 минут и быстро вынуть, чтобы рис был рассыпчатый. Молочная рисовая каша варится так: рис вскипятить в воде в открытой кастрюле (вода должна закрывать рис), затем влить туда молоко, посолить. Закрывать кастрюлю и варить 10 минут. Потом в кашу вбить яйцо, всыпать сахар, перемешать.

Еще три совета, присланные нашими читателями.

Варенье в скороварке. Пропорции ягод и сахара я беру обычные, а варить варенье недолго — 7—10 минут на очень тихом огне. Цвет у варенья прекрасный, витамины сохраняются. Пенки снимать не нужно — они остаются на стенках кастрюли.

Т. Киселева, г. Кинешма.

Топленое молоко. Молоко залить в скороварку, закрыть и поставить на большой огонь. Когда скороварка «зашипит» и из клапана будет выходить пар, огонь убавить и кипятить 10—15 минут. Любители пенки могут увеличить время кипения до 20 минут. Молоко будет вкуснее, если подождать, пока оно остынет вместе со скороваркой.

Если зачерствел хлеб, налейте в скороварку немного воды, поставьте в кастрюлю решетку и положите на нее черствый хлеб. Скороварку закройте и поставьте на огонь. Как только клапан зашипит, снимите кастрюлю с огня, а через 7—10 минут откройте — мягкий, теплый хлеб на столе. Очень черствый хлеб держите в скороварке до 15 минут.

А. Саммель, Ленинград.

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

«Я привыкла обходиться одним ножом — и картошку им чистить, и овощи, и хлеб режешь. А в магазине видела ножи разной формы. Как ими пользоваться, для чего какой предназначен?»

З. Чеботарева, г. Куйбышев».

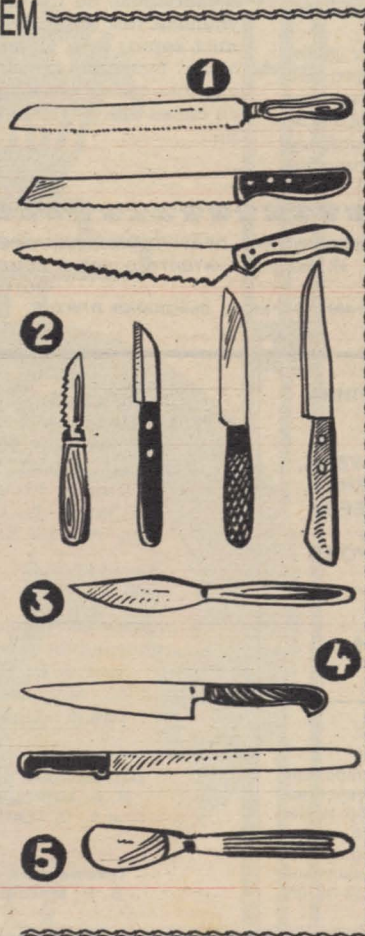
Длинными ножами-пилами (рис. 1) нарезают хлеб, особенно свежий и мягкий. Для овощей — ножи покороче, и форма у них другая (рис. 2). Нож для рыбы (рис. 3) напоминает лопаточку, им удобно подхватить рыбу и переложить ее на тарелку. Длинные и тонкие ножи (рис. 4) предназначены для сыра, ветчины, разделки сырого мяса. Коротким, с закругленным кончиком ножом удобно намазывать на хлеб масло (рис. 5).

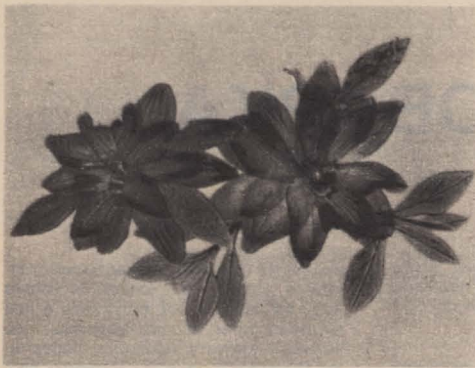
Не забудьте, ножи должны быть остро наточенными, только тогда ими будет удобно работать.

«Мебель на кухне у меня отделана пластиком. Надо бы вбить кое-где гвоздики для разных мелочей — повесить, например, полотенце для рук, тряпку для стола, прихватки для посуды, да жаль портить. Может быть, вы что-нибудь посоветуете?»

Лида Р., г. Рига».

Вместо гвоздиков можно использовать пластмассовые крючки, которые продаются в магазинах. Приклейте их клеем для пластмассы к полочке, стенке или шкафчику.

САД МАМУЛАШВИЛИ

Можно не писать на конверте полный адрес. Достаточно указать — Мцхета, сад Мамулашвили, — потому что спутать этот дом с другими просто невозможно. Калитка его уже многие годы испытывает поистине космические перегрузки, возрастающие по субботним и воскресным дням, когда в древней столице Грузии особенно оживленно.

Своеобразие детища Михаила Мамулашвили — в волнующем и разнообразном сочетании камня и цветка, камня и дерева. В этом споре-соперничестве живой и неживой природы нет победителей и нет побежденных, потому что искусная и добрая рука человека дала им одинаковую возможность — дарить красоту.

Заложен сад давно, еще в конце прошлого века. Редко из какой прогулки в горы Михаил Мамулашвили возвращался с пустыми руками: то это был камень, в котором проступала очертания человеческой руки, то новое растение.

Жизнь шла, до краев заполненная любимым делом, сад рос, росли дети. Всего несколько месяцев не дожидаясь старости до ста лет. Пелико Мамулашвили, показывая сад и комнату отца, превращенную в небольшой музей, сказала, что отец ее считал себя счастли-

вым человеком, но глубину его слов она поняла только сейчас, оставшись с садом один на один. Сыновья Мамулашвили, знавшие в саду каждое дерево, каждый камень, выбрали себе иную дорогу. А Пелико, хотя и окончила в Ленинграде биологический и медицинский факультеты, хотя и пережила вместе с городом военную блокаду, вернулась в отцовский дом, сохранила верность саду.

Как живое любимое существо, сад берет все ее силы, без остатка, но он и щедр на отдачу. Ранней весной первыми расцветают «дикари» — алый цикламен, голубая сцилла. За ними идут луковичные — голубые, кремовые, красные, белые гиацинты, желтые нарциссы, тюльпаны. Дольше всех — до декабря — держатся розы, эти королевы цветочного царства.

Особое место в жизни Мамулашвили занимают работы с сухими цветами. Это ведь искусство — заставить увядшие лепестки сохранить всю полноту жизни и красок живого цветка. Пелико всегда помогала отцу в этой кропотливой работе. Целый простенок в комнате-музее отца занимают сейчас композиции Пелико. Голубоватые лепестки дельфиниума, листок с коричневыми прожилками, обработанные ее рукой, — и перед вами храм Джвари, знаменитый Крестовый монастырь, возвышающийся над Мцхетой.

Композиции из сухих цветов Пелико Мамулашвили — работы подлинного художника. Столь же пленительны и ее миниатюры — цветочные композиции на листах почтовой бумаги. Много лет родные и друзья Михаила Мамулашвили получали от него письма на таких вот листках, где в левом углу, как фамильный герб, красовалась композиция из сухих лепестков. Пелико продолжила этот семейный обычай.

...Разыскивая в саду уникальное реликтовое дерево гинкго, мы натолкнулись на большой, почти в рост человека, глиняный кувшин традиционной грузинской формы. Приподнявшись на цыпочки и заглянув на дно, увидели там монетки. Туристы и здесь остались верны себе. Покидая сад, они оставляли залог будущего своего возвращения. Едва слышно звякнула и наша монета: так хочется снова отворить калитку сада Мамулашвили.

И. ЖЕРНЕВСКАЯ

На первой странице обложки: Коммунистки, правофланговые девятой пятилетки А. В. Шатухина, З. С. Соколова и В. И. Баруха (читайте о них в номере).

Фото Н. МАТОРИНА.

В приложении к этому номеру: Вязание крючком; выкройка платья.

<p>Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.</p> <p>Редакционная коллегия: А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА, Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора), А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЗЛЬДАРОВА.</p>	<p>Сдано в набор 24/ХП—1975 г. А 08016. Подписано к печ. 19/1—1976 г. Формат 60 × 90¹/₈. Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 13000000 экз. (1-й завод: 1—11 243 650 экз.) Изд. № 296. Заказ № 1623.</p>
<p>Адрес редакции: 101458, Москва, А-15, ГСП-4, Бумажный пр., 14.</p>	<p>Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП-4, улица «Правды», 24.</p>
<p>ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:</p> <p>промышленного — 250-11-72; международной жизни — 250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания — 250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды — 250-11-93; художественного оформления — 258-14-13; писем — 250-57-38; массовой работы — 250-44-80; зав. редакцией — 253-30-05.</p>	<p>Оформление художников Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО и Г. П. ГОРСТИНОЙ.</p> <p>Технический редактор В. В. МАСЛЕННИКОВ</p>

Ленинград — город со своеобразным лицом, неповторимым стилем. Ансамбли классически прекрасных дворцов, просторные, наполненные воздухом площади, широкие и главные проспекты, ажурные решетки мостов. Ничего лишнего, крикливо-броского. И коренных ленинградцев всегда узнаешь по особой манере держаться, говорить, даже одеваться. Об этом и зашел у нас разговор в управлении «Ленинградодежда». Главный инженер **Нина Павлова КРАСНОВА** рассказала:

— В нашем управлении Дом мод и 305 ателье. Здесь работают 16 тысяч мастеров, одевающих в год два с половиной миллиона ленинградцев. Понятно, что цифры эти не стабильны — они растут год от года. Только за прошлую пятилетку в городе открылось девять новых ателье.

Три четверти этих ателье специализированы: шьют детскую или, к примеру, мужскую верхнюю одежду, головные уборы, меховые изделия и так далее. А в специальных мастерских, разбросанных по всему городу, можно обновить вещи, перешить, отремонтировать, заново перекрыть старое платье, пальто, брюки. В этом помогают разнообразные виды отделки: съемные воротники, манжеты, жабо, цветная тесьма и кант, плиссе и гофре, модная фурнитура из дерева и металла и, конечно, вышивка, которая сделает нарядным и необычным самое скромное платьице. По вышивке у нас специализируются 29 цехов и участков.

В наших ателье и мастерских работают отличные мастера, увлеченные своим делом. Хочу назвать Н. А. Сергеева — модельера высшего класса, награжденного недавно орденом «Знак Почета». Орденом Ленина награжден замечательный закройщик В. Ф. Лохин. Более 20 лет одевает наших женщин модельер П. Т. Изотова, наставник молодых закройщиков Дома мод. Широко известно — и не только среди коллег — имя модельера Л. К. Большаковой.

Управление ежегодно проводит конкурс на лучшего по профессии. Опыт передовиков широко пропагандируется в специально издаваемых листовках. Большой размах приобрело у нас и движение наставничества.

Специальная комиссия раз в месяц проверяет работу всех ателье. Изделия оцениваются по 40-балльной системе, причем судьи очень строгие, придирчивые, не пропустят ни плохой обработки, ни старомодной линии, ни строчки, выполненной нитками неподходящего цвета. Важнейший контролер — сам заказчик: в квитанции есть графа, где он, получая обнову, ставит свою оценку: «отлично», «хорошо», «удовлетворительно», «плохо».

Набрать самый высокий балл (индивидуальный — если речь идет о работе конкретного закройщика или мастера, и общий, суммарный, когда оценивается работа всего коллектива) почетно, а к тому же очень ощутимо материально: размер премии прямо пропорционален количеству заработанных баллов.

Несколько месяцев назад бригады Т. А. Казиницкой и В. Д. Егоровой (Дом мод) выступили с почином: сдавать 99 процентов изделий с первого предъявления и только отличного качества. 300 бригад поддержали этот почин и успешно претворяют его в жизнь.

Модельеры и закройщики «Ленинградодежды» ежегодно разрабатывают свыше трех тысяч новых моделей. Сначала их обсуждают художественные советы объединений. Лучшие модели выходят на большой художественный совет, который проводится два раза в год.

Модели «лауреаты» мы показываем на специальных просмотрах в Доме мод, на предприятиях, в клубах, куда нас часто приглашают, печатаем в своем журнале «Новые модели».

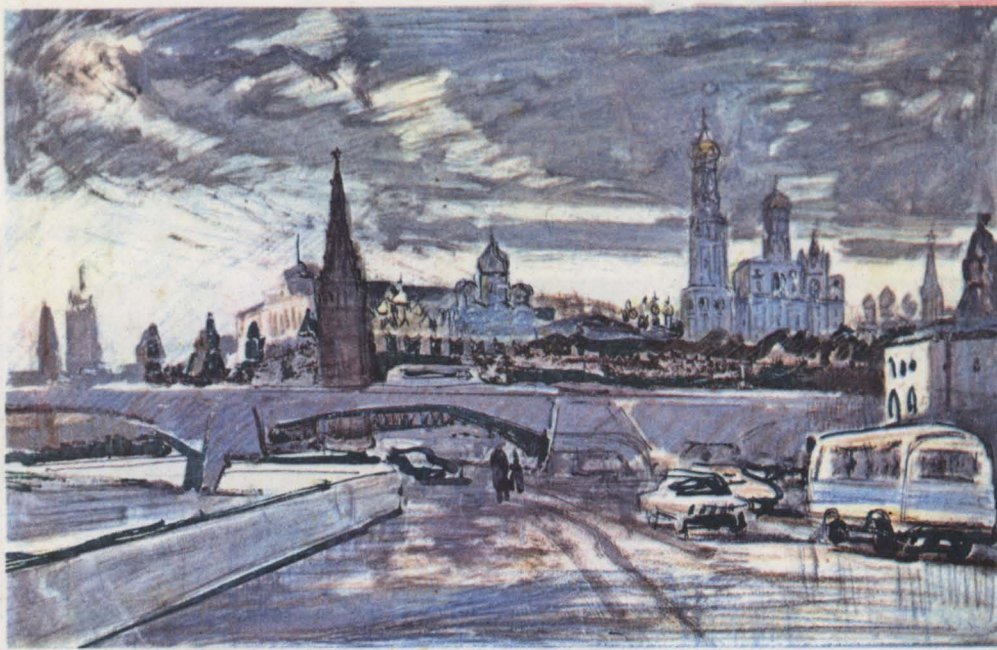
На последнем большом совете было показано 800 моделей. Более пятисот из них получили оценку «отлично». Некоторые из них вы видите на соседней странице.

З. НИКОЛАЕВА

*Мода
с Флевы*

Автограф
для
РАБОТНИЦЫ

И СНОВА — О СТОЛИЦЕ

...Московские сумерки. Суетливая толпа, льющаяся из подземного перехода к ЦУМу. Ах, этот стремительный столичный ритм! Ошарашивая приезде, ритм постепенно подчиняет его себе, завораживает, властно вовлекает в жажду больше успеть, больше вместить в сутки. Но как важно не растерять в этом водовороте первоначального удивления перед Москвой!

Именно оно, это удивление, эта острота внезапного открытия — главное, что отличает работы графики Людмилы Николаевны Шаталовой. Перебираю один за другим ее листы «Большой театр». Казалось бы, такой знакомый уголок столицы, и даже композиция приблизительно одна и та же, а в каждой работе свое настроение. И вот он, последний вариант, наиболее близкий к задуманному: высвеченная в сумерках колоннада — как ожидание встречи с прекрасным. И именно по контрасту с озабоченной толпой, с ее шумливой будничностью здание театра выглядит таким

праздничным, возвышенным, торжественным...

Почему Л. Шаталова выбрала для себя графику — этот технически сложный, кропотливый жанр? Еще студенткой в эвакуации она стала участницей выставки «Сибирь — фронту», работала в «Окнах ТАСС», затем сотрудничала в печати. Людмилу Николаевну привлек эстамп, дающий возможность подарить свое произведение десяткам, сотням людей, в то же время сохранив неповторимость индивидуального оттиска.

На одном из творческих вечеров художницы самодельный поэт прочел посвященные Шаталовой стихи, в которых были такие строчки: «Как нам нужны на все этажи с бумаги и камня частицы души».

Очень верно сказано. Каждому из нас, чем бы он ни занимался в жизни, какими бы делами и заботами ни был отягощен, дорога встреча с истинным искусством, попытка проникнуть в мир художника, увидеть знакомое

его глазами, пережить его чувства.

У Людмилы Николаевны нет одной излюбленной техники. Это и офорт, и линогравюра, и гуашь, и гравюра на картоне... Художница очень любит путешествовать. Я видела на ее работах и львовские улочки и псковскую старину. И все-таки снова и снова возвращается Людмила Николаевна к Москве, стремится запечатлеть ее дожди и снегопады, рисует и памятники архитектуры и новые районы, кото-

рые сегодня на наших глазах обживаются, озеленяются, полнятся детскими голосами.

Бездонный и безграничный город. Невольно вспомнишь пушкинские слова о Москве: «Как я люблю тебя, святая родина моя!» Вглядитесь в произведения Л. Шаталовой — художница готова поделиться с вами своей лирической теплотой, своей взволнованностью.

Т. АНАТОЛЬЕВА

- Московский мотив
- Черемушки
- Музей Революции

Индекс 70770.
Цена 10 копеек